

2024, nr 2 (13)

iudaica russica

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
WYDAWNICTWO

iudaica russica

2024, nr 2 (13)

RADA NAUKOWA

prof. dr hab. Piotr Fast, Uniwersytet Śląski — przewodniczący
prof. Roman Katsman, Bar-Ilan University (Izrael)
prof. dr hab. Marian Kisiel, Uniwersytet Śląski
prof. Mark Lipovetsky, University of Columbia (Stany Zjednoczone)
prof. Sergey Loesov, Higher School of Economics National Research University (Rosja)
prof. Christopher Mauriello, Salem State University (Stany Zjednoczone)
prof. Ilia Rodov, Bar-Ilan University (Izrael)
prof. Eleonora Shafranskaya, Московский городской педагогический университет (Rosja)
prof. Dennis Sobolev, University of Haifa (Izrael)
prof. dr hab. Jacek Surzyn, Akademia Ignatianum
prof. dr hab. Sławomir Jacek Żurek, Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Mirosława Michalska-Suchanek (redaktor naczelna)
Agnieszka Lenart (zastępca redaktor naczelnej)
Alicja Mrózek (sekretarz redakcji)
Andrzej Polak
Aleksey Surin
Michaela Weiss (język angielski)

ADRES REDAKCJI

„Iudaica Russica”
Wydział Humanistyczny Uniwersytetu Śląskiego
ul. Grota-Roweckiego 5/3.26
41-200 Sosnowiec
tel. (32)3640891
e-mail: iudaica.russica@us.edu.pl
<https://journals.us.edu.pl/index.php/IudaicaRussica>

Publikacja na licencji Creative Commons

Uznanie autorstwa-Na tych samych warunkach 4.0 Międzynarodowe (CC BY-SA 4.0)

Redakcja nie zwraca materiałów niezamówionych i zastrzega sobie prawo do redagowania nadesłanych tekstów. Przesyłając prace do druku w naszym czasopiśmie, autorzy wyrażają zgodę na ujawnienie adresów ich poczty elektronicznej oraz na publikację tekstu w formach tradycyjnej i elektronicznej.

ISSN 2657-8352

spis treści/contents/содержание

ELINA VASILJEVA

Solomon Mikhoels in memoirs: Aaron Steinberg – Khaim Vovsi / Solomon Michoels we wspomnieniach: Aaron Steinberg — Chaim Wowsi / Соломон Михоэлс в воспоминаниях: Арон Штейнберг — Хайм Вовси

BELLA KOLOMAKIN

Своеобразие речевых характеристик персонажей романа Некода Зингера *Билеты в кассе. Биоавтография / Specyfika mowy bohaterów powieści Nekoda Singera Bilety w kasie. Bioautografia / The peculiarity of the speech characteristics of the characters in Nekod Singer's novel Box Office Tickets. Bioautography*

ELEONORA SHAFRANSKAYA

Роман *Зеленый шатер* Людмилы Улицкой: Суккот как скрытый символ в сюжете / *Zielony namiot* Ludmily Ulickiej: Sukkot jako ukryty symbol w fabule / Lyudmila Ulitskaya's *The Green Tent*: The underlying symbolism of Sukkot in its plot

MICHał DARIUSZ JAMROZY

Zinowij Zinik — aspekt kulturowy emigracji w powieści *Grzybowstąpienie* / Zinovy Zinik — the cultural aspect of emigration in the novel *The Mushroom Picker* / Зиновий Зиник — культурный аспект эмиграции в романе *Русофобка и фунгофил*

PIOTR Czerwiński

Конармия Исаака Бабеля: еврейские контексты / *Armia konna Izaaka Babla: konteksty żydowskie / Isaac Babel's Conarmy: Jewish contexts*

HEIDI M. SZPEK

“From Białystok to Kiszyniow”: The Dubnow grave inscriptions and their significance for Russian Jewish historiography and cemetery studies / „Z Białegostoku do Kiszyńcowa”: inskrypcje nagrobne Dubnowa i ich znaczenie dla rosyjskiej historiografii żydowskiej i badań nad cmentarzami / «От Белостока до Кишинёва»: Надгробные надписи Дубнова и их значение для российской еврейской историографии и исследований кладбищ

Recenzje

VALENTINA BRIO

Russian roots of Hebrew literature (Rina Lapidus. *Birch in a Desert Wind: Russian Influences on Hebrew Literature*, Vols. 1-2, publisher: Carmel Publishing House, Jerusalem, Israel, 2009–2023)

RINA LAPIDUS

Review of the book: *Soviet Films about the Village: Attempts at Historical Interpretation of Visual Imagery* by: Mazour, Ludmila Nikolaevna, and Gorbachev, Oleg Vital'evich

Litteraria

NAUM VAIMAN

Русский мир (заметки о кино)

Noty o Autorach

ELINA VASILJEVA

Daugavpils University (Latvia)

<https://orcid.org/0000-0002-5317-9724>

Solomon Mikhoels in memoirs: Aaron Steinberg – Khaim Vovsi

Summary: The article considers the phenomenon of Solomon Mikhoels (Solomon Vovsi, 1890 -1948), the renowned Jewish actor and director. This study is based on a comparative analysis of two memoir ego-documents: the memoirs of his twin brother, Khaim Vovsi and those of the philosopher – Aaron Steinberg. The analysis employs a biographical and cultural-historical approach tailored to the specific characteristics of ego-documents, as well as the structural-semiotic analysis. The two memoir texts under study uncover unique facts of Solomon Mikhoels' biography and personality, particularly related to his childhood and adolescence. They highlight factors that shaped his creativity, perception of theatre, and contributions to the Jewish theatrical tradition. Although both texts focus on the same biographic period, they discuss entirely different facts; this testifies to the subjectivity of selection and the work of memory mechanism. The comparative approach allows to consider the specific structure of ego-documents, which combine personal memories and elements of the "inclusion" of collective memory.

Keywords: biographical, comparative analysis, Jewish; memory, theatre

SOLOMON MICHOLELS WE WSPOMNIENIACH: AARON STEINBERG – CHAIM WOWSI

Streszczenie: Artykuł analizuje fenomen Solomona Michoelsa (Solomona Wowsi, 1890–1948), wybitnego żydowskiego aktora i reżysera. Badanie opiera się na analizie porównawczej dwóch wspomnieniowych ego-dokumentów: wspomnień jego brata bliźniaka, Chaima Wowsi oraz wspomnień filozofa – Arona Steinberga. W analizie zastosowano podejście biograficzne i kulturo-historyczne, dostosowane do specyfiki ego-dokumentów, a także analizę strukturalno-semiotyczną. Badane dwa teksty wspomnieniowe ujawniają unikalne fakty z biografii i osobowości Solomona Michoelsa, szczególnie dotyczące jego dzieciństwa i młodości. Podkreślają czynniki, które ukształtowały jego kreatywność, postrzeganie teatru, a także wpływ w żydowską tradycję teatralną. Choć oba teksty koncentrują się na tym samym okresie biograficznym, omawiają całkowicie odmienne fakty; świadczą to o subiektywności selekcji i pracy mechanizmu pamięci. Podejście porównawcze pozwala uwzględnić specyficzną strukturę ego-dokumentów, które łączą osobiste wspomnienia i elementy „włączania” pamięci zbiorowej.

Ślówka kluczowe: biografia, analiza porównawcza, żydowski, pamięć, teatr

СОЛОМОН МИХОЭЛС В ВОСПОМИНАНИЯХ: АРОН ШТЕЙНБЕРГ – ХАЙМ ВОВСИ

Резюме: Статья посвящена изучению феномена известного еврейского актера и режиссера Соломона Михоэлса (Соломона Вовси, 1890-1948). В основе исследования компаративный анализ двух мемуарных эго-документов: воспоминаний брата-близнеца Хайма Вовси и воспоминаний философа Аарона Штейнберга. Исследование опирается на биографический и историко-культурный метод с учетом специфики эго-литературы и на структурно-семиотический анализ. Материалы двух мемуарных текстов раскрывают уникальные факты биографии и личности Соломона Михоэлса, связанные с его детским и юношеским периодом, раскрывают аспекты, повлиявшие на его творчество,

восприятие театра, и еврейской театральной традиции. Два мемуарных текста обращены к одному биографическому периоду, но освещают совершенно разные факты, что является свидетельством субъективного отбора и действием механизма памяти. Компаративистский подход позволяет говорить о специфической структуре эго-документов, в которых сочетается личные воспоминания и элементы «включения» коллективной памяти.

Ключевые слова: биографический, компаративный анализ, еврейский, память, театр

1. Introduction

Memoirs represent a distinct form of ego-documents. While some scholars categorize them as documentary materials, others highlight the elements of artistic modelling present in such texts. In this context, memoirs appear to be the most interesting form of ego-documents. This is determined by personalization and subjectivization since they are directly related to the biographical facts of the individual being described. The analysis of memoirs, on the one hand, aligns with the classical principles of the biographical method; on the other hand, there is a certain author behind the memories, i.e. each text has its authorship, which makes it not only a record of facts, but also a reflection of personal interpretation and evaluation.

The present article considers two memoir texts devoted to the childhood of the renowned Jewish actor and stage director Solomon Mikhoels¹: the memoir by his twin brother, Khaim Vovsi, written in the 1960s in Russian and the memories of the philosopher, Aaron Steinberg, written in 1962 in Yiddish. The manuscript of Khaim Vovsi's memoirs, donated by Miron Vovsi, is kept in the archives of Daugavpils Local History Museum, and has not been published. Aaron Steinberg's memories are included in the monograph devoted to his work "Philosopher's Prose", compiled and annotated by Nelli Portnova².

From the point of view of comparative studies³, these texts are of interest due to their fundamentally different styles and, in terms of content, their reflection of entirely different facts from the same period of S. Mikhoels' life. They mention different teachers (in A. Steinberg's memoirs, the image of Isaiah Hertz, author of a Jewish grammar textbook, is reminiscent of Biblical figures; in Khaim Vovsi's memoirs, there is a humorous portrayal of an elderly teacher Citron, who taught basic skills and the Russian

¹ Э. Васильева, *Марк Шагал и Соломон Михоэлс: к вопросу о национальной типологии*, «Бюллетень Музея Марка Шагала 2010», vol. 18, pp. 32-35.

² А. Штейнберг, *Проза философа*, München: ImWerden Verlarg, 2014, pp. 171-184.

³ D. A. Wagner, S. G. Paris, *Problems and Prospects in Comparative Studies of Memory*, "Human Development", vol. 24, 1981, pp. 412-424.

language), different friends, and even different theatrical performances that later influenced Mikhoels' development as an actor (Khaim Vovsi provides a detailed account of "Sins of Youth", while Steinberg describes "The Hasmoneans"). The facts described in these memoirs have served as material for biographical works on Mikhoels (a book by Matvey Geiser, "Mikhoels"⁴, and "My father, Solomon Mikhoels. Memories of the life and death" by Natalia Mikhoels⁵). This study analyses these memoirs to explore the unique attempts to understand the phenomenon of S. Mikhoels – both as a public figure and as an actor – through the lens of his childhood.

2.

The memoir of Steinberg recounts only a few episodes from the life of Mikhoels, which can be roughly divided into two groups corresponding to two distinct periods of acquaintance between Mikhoels and Steinberg: childhood years spent in Dvinsk and their meeting in London during World War II in November 1943 (the meeting was connected with Mikhoels' activities in the anti-fascist committee). These two groups of events correspond to two time periods, and Steinberg emphasizes their temporal distance: "Exactly sixty years ago, on the banks of the Dvina, I met the twin brothers of the Reb Mikhail Vovsi – Khaim and Shlomo"⁶ (a span of sixty years) and "forty years later, I met with Shloymke in London" (a span of forty years). In each of these stages, A. Steinberg highlights events that he had witnessed himself, selecting those events that he considered most significant. For understandable reasons, these memories lack references to the theatrical career of Mikhoels as an actor. All the mentioned facts are accompanied by acknowledgements of Mikhoels' genius artistic legacy. However, the two main roles highlighted are not connected to the history of the State Jewish Theatre (GOSET= Gosudarstvennyi Evreiskii Teatr): the role of Judah Maccabee, performed in a school play during his childhood, and the role of the Soviet envoy to London. These are these two roles that form the core framework of Mikhoels' artistic mastery. In each period of their meetings, Steinberg singles out two defining events. From their childhood years, this is the participation in the creation of the handwritten magazine "Shushana" and the staging of an amateur performance based on

⁴ М. Гейзер, *Михоэлс*, Moskva: Molodaja gvardija, 2004.

⁵ Н. Вовси-Михоэлс, *Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели*, Tel-Aviv, 1984.

⁶ А. Штейнберг, *Проза философа*, Munchen: ImWerden Verlarg, 2014, p. 171.

a play written by Aaron Steinberg's elder brother, Isaac, in which Mikhoels played the lead role. From their meeting in London, two public speeches are singled out: one at the British section of the Jewish World Congress and the other at the Association of Jewish Journalists and Writers.

Both memoirs are united by a common thematic thread – the theme of twin brothers. It is the sign of Gemini (both astrological and later in the text imbued with additional meanings), under which Mikhoels was born, that becomes a kind of dominant theme. This allows Steinberg to speak about the essence of the Mikhoels phenomenon. The presence of a brother is what connects the author of the memoirs with the protagonist. Steinberg mentions the name of his own brother, Itzhak Nachman, immediately after introducing the Vovsi brothers. In the first, "Dvinsk" part of the memoirs, Steinberg's elder brother is consistently mentioned with an emphasis on his leading role: "My brother, who had been writing "dramas" since childhood, had also heard some praise from teachers and was deeply interested in the poet called Vovsi". It was Itzhak Steinberg who was the author of the very drama "Hasmoneans", in which Mikhoels made his debut. He also initiated the establishment of the society "Revival of Our Language" (also referred to in other sources as the "Society of Hebrew Language Lovers"), which published the magazine "Shushana". However, despite the parallel – two pairs of brothers – the pair of Vovsi twins is significantly different from the pair of Steinberg brothers: this pair (the twins) is indivisible, Khaim and Shlomke are always together, and they represent a certain phenomenon of Dvinsk:

I imagined that real twins should be inseparable, as if they were two in one person; or, if they are truly a pair rather than one, then the two should always be quarrelling, like Esau and Jacob. Only then did it become clear that we had an extraordinary pair of brothers in Dvinsk. And I immediately realized that, though I didn't know who they were or what they were like, I had often seen them on the street and had often looked at them in surprise. Undoubtedly, those must have been them – those very same twin students of Gordon, Shlomo and Khaim Vovsi! Why had they always seemed like a miracle to me? It's simple! In all of Dvinsk, there were no two other young men, who were always seen together, and never one without the other. In addition, they had a peculiar way of walking together: one always a step ahead of the other. The one walking in front was not just walking, he seemed to be jumping, while the one behind, walking at a slower pace, seemed to show him the way back. They looked very similar, as any brothers would, but the one who was hastier had his lower lip protruded strongly – as if he were about to stick his tongue out at someone. The slower one, on the other hand, had very noticeable eyebrows, as if he were angry with his younger mocker-brother ... It seemed that the "younger" brother, among other things, was a bit shorter and broader in the shoulders⁷.

⁷ Ibid. 172.

Steinberg constructs his description according to the principle of ambivalence. The similarity stated in the very beginning turns out to be relative (as is typical of brothers), and the contrasts between them are brought to the forefront. The brothers are clearly not alike, and this is the highlight – they differ in appearance, they differ in character, and moreover, their pair-duet breaks any possible logic: they do not quarrel, and the one who is "younger", Shlomke, turns out to be the leader in the pair. It is Shlomke who truly leads Khaim.

In Khaim Vovsi's memoirs, special attention is given to the category of memory, and the absoluteness of memory is being questioned. A rare structure for this genre emerges in K. Vovsi's text: an emphasis on the fragility of memories as they are just a lead. Actually, the memoirs begin with a statement of the vulnerability of the memories: "The first, earliest years of our childhood have almost completely disappeared from my memory". Later, he writes: "I have very faint impressions of these performances in my memory". A lot "pops up" in the memories ("I recall a student named Falke"), thereby confirming the conditional nature of the selection of material. The structure of the text is determined by the specificity of selecting individual episodes through the mechanism of memory. The text is mosaic in nature: on the one hand, it is an attempt to provide an overall description of the atmosphere (city, family, schools); on the other hand, memory isolates individual, independent episodes. Despite the overall impressionistic nature of the memories (which the author himself refers to as "memories of separate episodes from my childhood"), two episodes are presented in considerable detail: the home performance "Sins of Youth", written, directed and played by Mikhoels, and the clownery performed by Shlomo Vovsi and Khaim Vaisman, inspired by the performance of the clowns, Demash and Mosel, which they had seen in the tent circus named "Devinier". The home performance, which later became legendary for all biographers, is regarded by Vovsi as a unique phenomenon. This uniqueness is emphasized through the category of memory. While the memoirs generally express the relativity and disconnectedness of memory, it is the description of the home performance that stands out as particularly memorable: "I have remembered this episode for the rest of my life. And the best confirmation of the significance of this episode from Mikhoels' childhood is that it remains vivid in my memory, despite the many years that have passed since then".

Much attention is paid to the environment in which the Vovsi brothers were brought up – particularly their family and their

childhood hometown. However, in many respects, Khaim Vovsi deviates from the stance expressed in the opening lines of his memoir, where he suggests that it is not the environment, but rather some higher forces that determine a person's fate:

Someone once said that a person's fate is determined long before his birth, i.e., the further development and life of a person after birth do not always justify the developed image of the person, as they are influenced by a number of other circumstances, in addition to seemingly obvious hereditary characteristics, (environment, ethnography, nature, meetings, social order, social circumstances, etc.). This seems to have happened with my brother Solomon Mikhailovich Mikhoels /Vovsi/ and me, his twin brother.

Nevertheless, also the memories of their parents, hometown, and childhood friends are of great significance. The father and mother are portrayed as two opposites, whose unity was embodied in Mikhoels. The mother is described as "a woman of immediate sublime feelings", while the father was rational. The mother enjoyed reading, particularly secular works (she was fond of Zola and Shomer), while the father was a deeply religious man with a passion for cantorial singing. The mother was beautiful, whereas the father "was rather ordinary-looking and lacked regular features".

At the same time, Mikhoels inherited the traits of both parents, though those traits underwent certain transformations in his personality: his father's passion for cantorial music and Hasidic songs shaped Mikhoels' unique musicality (which would later be reflected in his work); his mother's appearance was also evident in his features (he looked like his mother, though he "was not handsome. Yet, his face radiated intelligence, and it was charming and attractive". It is notable that, in Vovsi's memories, the mother is mentioned more frequently: in addition to the actual descriptions of the family, her image appears in two other episodes of the narrative – walking to town and watching home performances. This can be attributed to the subjective priorities of the author. He admits: "I was, on the contrary, more phlegmatic and clung to my mother all the time". In fact, the indication of Mikhoels' duality aligns with the central theme in Steinberg's memoirs about the phenomenon of twins, where duality is also highlighted as a feature that characterizes Mikhoels.

The description of the atmosphere in the town is also worth considering. In the text by Steinberg, the identification of the place of the meeting holds very great significance. It is as important as the necessity to specify the time and place of all events: "Exactly sixty years ago, on the banks of the Dvina, I met the twins

of the Reb Mikhail Vovsi – Khaim and Shlomo.⁸ For Steinberg, Reb Mikhail Vovsi is first of all the head of the family, so everything is described in relation to him, and this is the adherence to tradition. In contrast, for Vovsi, the question of the atmosphere of the home (a view from the inside) becomes central. In fact, when describing his father's house, Vovsi engages into a kind of polemic with the biographers who offer their own interpretations of the atmosphere in the Vovsi household. The father's desire to give his children secular education is particularly emphasised:

Thus, the description of Mikhoels' family and the atmosphere that prevailed in the parents' house as a hotbed of musty religious obscurantism, Hasidism and Talmudism, which can be found in some biographical texts, is a deep lie. These fabrications were likely constructed to add an element of exoticism and asceticism to the image of Mikhoels.

It is most likely that the traditionally quoted autobiographical text by Mikhoels is being referenced here: "The parental home is typically Jewish, patriarchal, saturated with the deep fanaticism of my father. I was raised at cheder, where I studied Jewish literacy, the Bible, the Talmud".⁹ This may explain why Vovsi's memoir provides a detailed description of the lifestyle of the Jews of Dnaburg – Dvinsk: the atmosphere at home, the daily routine and the behaviour of pupils in the cheder, the bazaar, the signs above stores and shops, and the tent circus that had come on tour. This atmosphere reflects the lively character of the city, the cultural space which is connected with the perception of childhood. In this, there is a parallel with the text by Aaron.

The name of the protagonist of the memoirs is an important semiotic sign. Vovsi's text has a fairly neutral title – "Memories of S. M. Mikhoels' Childhood and Youth". What is crucially important is how the author names his brother. In the text, "Mikhoels" is used 27 times, with only one mention that refers to a remark made by actor Vlasov: "Lear is a cameo suffering" – he said, "but Mikhoels has neither cameo nor suffering". There is one more mention in the context of the definition of "future": "Obviously, he has chosen the future Mikhoels as such a stage partner in advance (about Khaimka Weisman's plan to stage a clownery). All other mentions are simply instances where Khaim Vovsi frequently refers to his brother as "Mikhoels", sometimes implying his well-

⁸ Ibid. 171.

⁹ K. Рудницкий (ред.), Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе, Moskva: Iskusstvo, 1981, p. 12.

known historical status, with the focus being on Mikhoels' theatrical activities:

Mikhoels' musicality and his deep knowledge of Jewish song folklore were overshadowed by the events described above. Yet another context can often be found as well – S. Mikhoels is depicted specifically as a hero of childhood memoirs: "He was a great inventor, hothead and sworn enemy of little Mikhoels".

This reference demonstrates the specificity of the narrative of the memoirs. In the author's narrative, one can feel the influence of his views at the time of writing, rather than focusing on the past: little Shlomo, not yet Mikhoels. And his acting and adult pseudonym actually have nothing to do with his childhood, but, for the author, the status of Mikhoels as a famous actor – is the leading one. Finally, the frequent use of the brother's full name – Solomon Mikhailovich – (appearing 10 times), deserves special attention. At the same time, the childhood version of the name, Shlemka (in this particular variant), appears four times in the text. Three of these occurrences are in the episode describing the preparation and staging of the clownery – the most vivid and boyishly mischievous childhood memory. The fourth use of the childhood name "Shlemka" occurs at the epic finale of the memoir, which serves as an accent: "There are very few of these people left. And yet, among these few, the image of Shlemka Vovsi, Solomon Mikhailovich Vovsi, a wonderful, inspired, deep and truly people's artist, is still alive and dear". Quite unexpectedly, in the very end (which stylistically differs from the main text, since in the final sentence the author's "I" and personal impressions are replaced by a kind of collective thinking, in which the image of Mikhoels is tinged with sadness), the official "Mikhoels" is replaced by the personal "Shlemka". Moreover, despite the strong association with the theatre, after his name and patronymic, the father's surname appears, just in the context where the surname "Mikhoels" would be more expected. Deriving a model of collective memory that honours the greatness of his brother, Khaim Vovsi reminds the reader that the great Mikhoels belongs to the Vovsi family.

The naming of Mikhoels in Steinberg's memoirs follows a completely different model. The style of the title itself "My Dvinsk Friend: Shlomo Mikhoels" indicates a more explicitly artistic direction of the text: it leans more toward an essay than traditional memoirs. From the very beginning, Steinberg artistically plays with the naming of the protagonist. "Mikhoels" is undoubtedly a more recognizable name in society, therefore its use when

presenting a biographical fact is entirely understandable: "It is no accident that I emphasize that Shlomo Mikhoels was born under the constellation of Gemini." The use of the phrase "Shlomo Vovsi" is also logical, specifically when referring to his real signature beneath the verses. Further, this name is purposefully used in the description of episodes from childhood. The use of the name "Mikhoels" is associated with a significant event – the staging of the play "The Hasmoneans", which the author interprets as the true birth of the actor Mikhoels: "But in the same year of 1902 (5062-5063), the artist marked by God, the theatre actor who had been dozing in the soul of Shlomo Mikhoels, revealed himself to all of us. Back then, on Hanukkah, he was the leading actor for the first time (here it should be noted that in relation to the play "Sins of Youth"¹⁰, Khaim Vovsi marks Purim as the most significant Jewish holiday – a celebration that inherently incorporates theatricalization as a ritual element)". In the Yiddish text by Steinberg, the Russian version of the name – "Shlomo Mikhoels (in Russian, professor Solomon Mikhailovich Vovsi)" is situationally introduced. This explanatory form is introduced in the episode describing Mikhoels' arrival in England in 1943. Here, the name "Mikhoels" becomes a kind of refrain, emphasizing the unique and unofficial relationship between Steinberg and Mikhoels:

Mikhoels was seated to the right of Lady Reading. Lady Reading's brother, the second Lord Melchett, was also present. I was invited to take a seat next to Mikhoels, as it was already known that we had been childhood friends. After refreshments, something like a conversation-discussion began – exchange of questions and answers, Mikhoels spoke his magnificent Yiddish¹¹.

However, at the very end of Steinberg's text, once again, the image introduced in the opening lines re-emerges, as if completing the framework structure of the narrative: "It will not be an exaggeration if we agree that Shlomo, son of Mikhail Vovsi from Dvinsk, has become a true envoy of Russian Jewry". This confirms the idea of a framework structure of the text, where the place, the nomination of the protagonist in his relations with his kin (this is an element of biblical style) are emphasized; what changes is the depiction of time. While the narrative opens with a reference to a specific, distant time ("Exactly sixty years ago"), its conclusion shifts the focus. In the final part, references to the past ("was") apply solely to a particular biographical fact (his role as an envoy through the activities of the anti-fascist committee), and the generalizing

¹⁰ А. Штейнберг, *Проза философа*, Munchen: ImWerden Verlarg, 2014, p. 178.

¹¹ Ibid. p. 181.

conclusions transcend temporal boundaries, appealing to the category of eternity – “my Dvinsk friend lives and will live”¹²

Conclusion

One of the defining features of ego-documents is the subjective nature of narrative, centred on the author’s point of view. However, the two memoirs under consideration stand out for their focus on a prominent historical and cultural figure, Solomon Mikhoels. This shifts the narrator’s point of view outward, toward another subject, resulting in a blend of the individual and the collective within the reconstructed model of memory. There are several monographs that are dedicated to the life and work of Solomon Mikhoels: first of all, a book written by his daughter, Natalia Mikhoels, and a biography published in the series “Life of Remarkable People”, compiled by Matvey Glazer, one of the leading scholars of Mikhoels’ creative legacy. The memoirs written by Khaim Vovsi and Aaron Steinberg, though rather small in their volume, offer an insight into Solomon Mikhoels’ personality from a somewhat different cultural and historical context. Both authors were contemporaries of Mikhoels, sharing the same chronological and cultural context, which means their subjective views on events align closely with his own. The texts of memoirs are factually and stylistically different. However, they intersect in their incorporation of a shared collective memory. In fact, the “inclusion” of the collective memory serves as the unifying principle for both texts: personal memories are a large part of the collective text entitled “Mikhoels”.

Bibliography

- Васильева Э., *Марк Шагал и Соломон Михоэлс: к вопросу о национальной типологии «Бюллетень Музея Марка Шагала*, вып. 18, 2010.
- Вовси-Михоэлс Н., *Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели*, Яков пресс, Тель-Авив 1984.
- Гейзер М., *Михоэлс. Молодая гвардия*, Москва 2004.
- Рудницкий К. (ред.), *Михоэлс. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе*, Искусство, Москва 1981.
- Штейнберг А., *Проза философа*, ImWerden Verlarg, Мюнхен 2014.
- Wagner, D. A., Paris, S. G., *Problems and Prospects in Comparative Studies of Memory, "Human Development"*, vol. 24, 1981.

¹² Ibid. P. 183.

BELLA KOLOMAKIN

Independent researcher, Israel

<http://orcid.org/0009-0000-5714-437X>

Своеобразие речевых характеристик персонажей романа Некода Зингера *Билеты в кассе. Биоавтография*

SPECYFIKA MOWY BOHATERÓW POWIEŚCI NEKODA SINGERA *BILETY W KASIE. BIOAUTOGRAFIA*

Streszczenie: W dziełach literackich autorzy wykorzystują różnorodne techniki literackie i językowe, aby stworzyć unikalne obrazy i przekazać głębowe znaczenia. Pod tym względem szczególną rolę odgrywają te, które nadają dziełu oryginalności i ożywiają mowę postaci. W artykule przeanalizowano cechy językowe mowy postaci w powieści Nekoda Singera *Bilety w kasie. Bioautografia*: głównie inkluze obcojęzyczne i mieszanek semiotyczne (hybrydy), opisano funkcje inkluzji obcojęzycznych i omówiono modele słowotwórcze hybryd, a także wprowadzono odniesienia do kontekstu kulturowego i historycznego epoki, związane z wymienionymi aspektami językowymi.

Ślówka kluczowe: Nekod Singer, mowa postaci, leksykon, inkluze obcojęzyczne, hybrydyzacja semiotyczna, blends

THE PECULIARITY OF THE SPEECH CHARACTERISTICS OF THE CHARACTERS IN NEKOD SINGER'S NOVEL *BOX OFFICE TICKETS. BIOAUTOGRAPHY*

Summary: In literary works authors use a variety of literary and linguistic techniques to create unique characters and convey deep meanings. In this regard, linguistic features play a special role, which bring originality to the work and enliven the speech of the characters. Considered in the article are the linguistic features of the speech of the characters in Nekod Singer's novel *Tickets at the Box Office. Bioautography*: mainly foreign-language inclusions and semiotic blends (hybrids), the functions of foreign-language inclusions have been described and word-formation models of blends have been derived. The article also introduces the cultural and historical context of that era, revealing a connection with the above-mentioned linguistic aspects.

Keywords: Nekod Singer, character speech, lexis, foreign inclusions, semiotic hybridization, blends

Одной из главных характеристик того или иного художественного текста является его язык. Языковые особенности литературного произведения позволяют определить черты авторского стиля, социальные и культурные характеристики персонажей, а также механизмы художественной выразительности, передающие идеально-эстетическое содержание текста.

Роман Некода Зингера *Билеты в кассе*¹ — произведение, в котором важную роль играют такие художественные приемы как введение иноязычных вкраплений и семиотическая гибридизация. Целью нашей статьи является определение особенностей функционирования этих приемов в указанном произведении. В связи с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- определение причин обращения Зингера к данным художественным приемам, обусловленных биографией автора и культурно-историческим контекстом эпохи, описанной в романе;
- установление состава иностранных языков для иноязычных вкраплений, а также выявление выполняемых ими художественных функций;
- для семиотических гибридов — выделение устойчивых словообразовательных моделей и анализ их стилистической роли.

В романе, помимо характеров и сюжетных линий, особое внимание уделяется речи героев, которая становится отражением их идентичности, этничности, социального статуса и культурного контекста. Герои произведения общаются не только на общелитературном русском языке, но и используют его различные диалектные варианты, а также многие другие языки мира — современные (немецкие, романские, иврит, китайский) и вымершие (латынь). В тексте автобиографического романа *Билеты в кассе* находит свое отражение многоязычная среда, в которую с детства был погружен автор. Отец писателя, пианист и педагог Евсей Зингер, знал французский и немецкий языки, как пишет музыковед Николай Бажанов: «Информационное наполнение лекций Е.М. Зингер собирал по крупицам из различных источников. Что-то он переводил сам из иностранной литературы, прекрасно владея французским и немецким языками»². Мать автора, Елена Зингер, преподавала немецкий язык и является автором учебных пособий по немецкому языку для аспирантов³. Сам Некод Зингер в школе изучал английский язык, что подробно описано в романе. Поскольку автор был тесно связан с музыкальной

¹ Н. Зингер, *Билеты в кассе. Биоавтография*, Мосты культуры, Москва 2006.

² Н. Бажанов, Курс «история фортепианного исполнительского искусства» в Новосибирской консерватории, «Вестник музыкальной науки» 2017, № 1 (15), с. 103. <https://cyberleninka.ru/article/n/kurs-istoriya-fortepiannogo-ispolnitelskogo-iskusstva-v-novosibirskoy-konservatorii> [01.02.2025].

³ Е. Зингер, К. Скробов, *Сборник текстов по биологии: (немецкий язык): пособие*, Наука, Новосибирск 1978; Е. Зингер, Р. Миляева, Ю. Таранович, *Пособие по развитию навыков устной речи (немецкий язык)* по теме «Научная конференция», Наука, Новосибирск 1976.

средой (чему в романе посвящены Книга третья Опера и книга четвертая Концерт), можно утверждать, что он с детства был, как минимум, знаком и с итальянским языком. Подобное языковое многообразие обусловило для Зингера особый лингвистический опыт, характеризующийся ощущением отсутствия родного языка, что нашло выражение в тексте романа, где автор самокритично замечает: «Соу, ванс эпон э тайм зер воз э бой хуз лэнгвидж олвиз воз э форейн ван»⁴ («Итак, жил-был некогда мальчик, чей язык всегда был иностранным (англ.)⁵).

Учитывая, что действие романа *Билеты в кассе* разворачивается в период начиная с семидесятых годов XX в. и заканчивая примерно в конце восьмидесятых, важно обратиться к культурному контексту данной эпохи, чтобы определить восприятие иностранных языков в советском обществе. Распространенность иностранных языков в СССР определялась идеологическими установками и языковой политикой государства, что отражалось на системе образования: кто и в какой степени владел иностранными языками, какие из них изучались и с какой целью, — все это оказывало влияние на социолингвистическую ситуацию. Поскольку современники событий, описанных в романе, могли получить образование в период с начала XX века и до семидесятых годов, рассмотрим особенности преподавания иностранных языков в России и СССР в этот период.

«До революции в России интеллигенция могла свободно говорить и писать на нескольких иностранных языках, что считалось правилом, а не исключением»⁶. В начале XX в., помимо древних языков (латинского и греческого), в гимназиях преподавался немецкий и (или) французский⁷. В первые десятилетия советской власти «изучение иностранного языка носило, прежде всего, общеобразовательный характер, а на высоком уровне лингвистическое образование давалось исключительно специалистам, использовавшим его для выполнения служебных задач»⁸. «При этом приоритетным стал немецкий

⁴ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 416.

⁵ Там же, с. 446.

⁶ Л. Сакаева, А. Баранова, *Методика обучения иностранным языкам*. Уч. пособие, Казань 2016, с. 111, https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116007/Sakaeva_L.R._Baranova_A.R._Metodika_obucheniya_inostrannym_yazykam.pdf [1.02.2025].

⁷ В. Борсук, *Преподавание английского языка в отечественной гимназии в XIX–начале XX веков*, «Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова» 2012, т. 18, с. 235, <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavaniye-angliyskogo-yazyka-v-otechestvennoy-gimnazii-v-xix-nachale-hh-vekov/viewer> [1.02.2025].

⁸ И. Лифанцев, *Генезис иноязычной подготовки в советский период*, «Педагогический журнал» 2019, т. 9, с. 621, <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2019-1/73-lifantsev.pdf> [1.02.2025].

язык», который «изучался примерно в 70% школ, остальные 30% были распределены между английским и французским»⁹.

В дальнейшем изучение иностранных языков в СССР интенсифицировалось —были учреждены «специализированные школы с углубленным изучением иностранных языков»¹⁰, «устанавливалось следующее соотношение преподаваемых в городских средних школах иностранных языков: английский язык — в 45%, французский — в 20%, немецкий — в 25%, испанский — в 10% школ»¹¹. Таким образом, в этот период иностранные языки уже прочно заняли место одного из обязательных школьных предметов, но говорение было не столь важно, и на первое место выходило чтение¹².

Следующей вехой в преподавании иностранных языков в СССР становится 1961 год, когда с учетом «роста международных отношений СССР: обмена информацией в сфере науки, техники, культуры знание иностранного языка специалистами, а следовательно, и его преподавание приобретает особо важное значение»¹³.

Большие перспективы улучшения обучения иностранным языкам через школу открывались благодаря именно новым формам организации обучения иностранным языкам. К числу этих новых форм [...] относится прежде всего организация школ с преподаванием ряда учебных предметов на иностранном языке. Особенностью таких школ является сочетание обычных форм общего и политехнического образования с повышенным удельным весом иностранного языка в учебном плане¹⁴.

Кроме того, следует отметить, что «главной особенностью послевоенных десятилетий является поступательный переход от массового изучения немецкого языка в сторону английского»¹⁵. Таким образом, становится очевидно, что в этот период иностранными языками владел узкий круг людей: профессиональные лингвисты, переводчики, преподаватели,

⁹ Е. Шелестюк, Вестернизация в СССР и России: анализ некоторых причин // Иностранный язык в системе среднего и высшего образования: материалы III международной научно-практической конференции 1–2 октября 2013 года, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», Прага 2013, с. 72, https://sociosphera.com/files/conference/2013/k-10_01_13.pdf [1.02.2025].

¹⁰ Е. Шелестюк, Вестернизация в СССР и России..., с. 73.

¹¹ Там же.

¹² Л. Сакаева, А. Барanova, Методика обучения иностранным языкам..., с. 111.

¹³ И. Лифанцев, Генезис иноязычной подготовки..., с. 625.

¹⁴ Л. Салехова, История развития профильного обучения иностранному языку в школах России (1950–2000 гг.), «Вестник ТГПУ» 2003, № 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-profilnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-shkolah-rossii-1950-2000-gg> [1.02.2025].

¹⁵ М. Смирнова, Н. Якушева, Ю. Раснинская, Изучение иностранных языков в СССР в 1950-х–1980-х годах (На основе данных официальной статистики), «Ученые записки» 2018, № 2(26), https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3737370 [1.02.2025].

ученые, работники культуры, дипломаты. Внутри группы людей, владевших иностранными языками, прослеживается возрастное различие в зависимости от языка: представители старших поколений знали преимущественно немецкий язык, а те, кто обучался после 1961 г., — английский.

Одним из основных результатов реализации Постановления Совета Министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков» от 27 мая 1961 г., определившего цель «широкого распространения знаний иностранных языков среди населения»¹⁶, стало то, что в СССР «с 1961 по 1965 г. было открыто беспрецедентное за такой временной срок количество (не менее 700) общеобразовательных школ с преподаванием ряда предметов на иностранном языке»¹⁷. В одной из таких школ и учился автор романа *Билеты в кассе*, а следовательно, и его герой: «вот и альма-матерь, желтой краской малеванная, родные ступени, на двери табличка ‘Средняя школа № 10’»¹⁸. Описанная в романе школа действительно существует: это основанная в 1912 г.¹⁹ средняя школа № 10 г. Новосибирска, которая в 1966 г. «стала средней общеобразовательной школой с углубленным изучением английского языка»²⁰. В тексте произведения отражена характерная для подобных школ организация учебного процесса: изучение иностранного языка с младших классов и деление учащихся на группы для изучения языка:

Пару лет спустя, став первоклассником Зингером, герой наш спросился в туалет посреди первого урока английского языка. Все прочие уроки первый «А» класс просиживал в своей постоянной комнате на первом этаже с соответствующей табличкой на двери. Но для постижения языка Дарвина и Шекспира, требовавшего особой заботы и внимания, будущих персонажей романа-эпопеи разделяли на три группы и разводили по трем разным помещениям, к трем различным англичанкам²¹.

¹⁶ А. Миролюбов, *История отечественной методики обучения иностранным языкам*, Ступени, Москва 2002, с. 60.

¹⁷ В. Петрова, *Развитие культурологической идеи преподавания иностранного языка в отечественной педагогике*, «Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета» 2021, № 4(60), с. 3, <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-kulturologicheskoy-idei-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-v-otchestvennoy-pedagogike-v-60-80-e-gody-hh-veka> [1.02.2025].

¹⁸ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 80.

¹⁹ МАОУ Гимназия № 10, <http://www.g-10.edusite.ru/magicpage.html?page=66204> [1.02.2025].

²⁰ Там же.

²¹ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 265.

О методике преподавания иностранных языков в специальных школах говорит Елена Шелестюк:

Следует отметить, что овладение языком начинается с мнемонического усвоения его форм, изучение иностранного языка — это, прежде всего, постижение форм, которым сопутствуют те или иные значения. [...] Изначально иностранный язык не имеет для ребенка какой-либо культурной смысловой нагрузки, поэтому представляется ему своеобразной игрой, сопровождаемой положительными эмоциями: эстетическим наслаждением от артикуляции фонем, выучивания слов, составления предложений, разучивания стихов и песенок [...]. Начиная с первого класса или с дошкольного возраста, параллельно со своим языком (а то и раньше) осваивая иноязычный алфавит, а затем элементарную грамматику и лексику, ребенок приучается любить эту довольно нехитрую, увлекательную и развивающую деятельность, своеобразную «игру в бисер»²².

О подобном одновременном изучении алфавитов двух языков говорит и Зингер: «Будущего романиста обучали русским и латинским буквам параллельно»²³. Использование иноязычных вкраплений в тексте романа отражает, с одной стороны, отчуждение героя от реальности и его неподчинение господствующим идеологическим нормам, а с другой стороны, свидетельствует о самоидентификации героя в рамках более широкой, общемировой культурной традиции. Тем самым иноязычные элементы в повествовании служат не просто стилистическим приемом, а выражают экзистенциальное и культурное самоощущение героя, подчеркивая его стремление выйти за пределы советского пространства. В свою очередь, использование итальянского языка, который не преподавался в советских школах, подчеркивает связь Зингера с миром музыки (работа его отца в консерватории, работа самого автора в театре оперы и балета).

Вероятное влияние на языковые приемы, использованные Зингером в романе *Билеты в кассе. Биоавтография*, оказалась специфика обучения английскому языку в специализированной школе. Подход к изучению языка, в большей степени ориентированный на запоминание форм и структур, привел к тому, что сам язык воспринимается автором как объект игры, причем язык не только иностранный, но и русский (который героем романа воспринимается также как иностранный²⁴). Школьный опыт уводит писателя от смыслов к формальным

²² Е. Шелестюк, *Вестернизация в ССР и России...*, с. 71–79, https://sociosphera.com/files/conference/2013/k-10_01_13.pdf [01.02.2025].

²³ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 262.

²⁴ См. с. 1 данного текста.

языковым структурам, которые он начинает деформировать, деконструировать и комбинировать в различных сочетаниях. Это проявляется в тексте в виде двух художественных приемов: использование иноязычных вкраплений (зачастую намеренно искаженных автором) и семиотической гибридизации.

Впервые термин *иноязычные вкрапления* был введен лингвистом Алексеем Леонтьевым в 1966 году. Лингвист относит к иноязычным вкраплениям слова, используемые с семантическим нарушением, в иностранном фонетическом оформлении, а также в иноязычной грамматической форме, отмечая, что «текст на любом языке можно представить себе как результат 'развёртки' модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определённым правилам. И наоборот, можно построить такую модель, которая будет результатом 'свёртывания' текста по определённым правилам»²⁵.

Начнём анализ с речи персонажей, не соответствующей литературной норме русского языка. Фонетические особенности этой речи передаются автором на письме и указывают на социальное или этническое происхождение героев — это диалектный говор контролёра в электричке: «Если не заплатите штраф, то я вызываю милицию, и на 'Юности' вассех бे-рутъ водиление»²⁶, кавказский акцент курортного фотографа на станции Новосибирск-Южный: «А вот па дэшевке для малых — фата маргынальная, называеца 'паранджан'!»²⁷, акцент жителей Латвии: «Отшень плёхо, как говорят латыши»²⁸, а также армянский акцент главного режиссёра Новосибирского театра оперы и балета, Вартана Аршаковича: «Правэди с таварищами экскурсию па тэатру, а? Пака мы нэ начали втарую картину. Ты здес как у себе в пят пальцев»²⁹; «Втарую картину гоним падрад!»³⁰; «Трэтий акт! Паследний акт! Нэт, ты должен ацыныт! Пайдем, падем — начинаем»³¹; «Пэрвый вариант финала»³².

Особую значимость в романе *Билеты в кассе. Биоавтография* приобретает речь героев, говорящих на иностранных языках. Этот многообразный лингвистический пейзаж вносит в текст особый колорит и глубину, раскрывая характеры героев и их культурные корни. Языковые особенности речи героев

²⁵ А. Леонтьев, *Иноязычные вкрапления в русскую речь*, «Вопросы культуры речи» 1966, с. 60.

²⁶ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 39.

²⁷ Там же, с. 22.

²⁸ Там же, с. 64.

²⁹ Там же, с. 204.

³⁰ Там же, с. 218.

³¹ Там же, с. 233.

³² Там же, с. 236.

не только отображают их национальную принадлежность, но и служат средством создания аутентичной атмосферы в произведении, обогащая его и придавая ощущение реальности. Они также подчёркивают различия и межкультурные взаимодействия между персонажами, раскрывая их многосторонность и добавляя глубину в повествование.

Французский режиссёр Бетт говорит в романе на искажённом английском языке (который он использует для общения с сотрудниками театра оперы и балета), вставляя в свою речь французские, а иногда и русские слова: «Вай месье Божено альвіз тельзмі завтра? Эвік эгё — завтра, эстэдэ — завтра?»³³ (Why monsieur Божено always tells me ‘автра’? A week ago — ‘автра’, yesterday —‘автра?’) — «Почему господин Божено всегда говорит мне ‘автра’? Неделю назад — ‘автра’, вчера — ‘автра?’³⁴». «Ай эммэ трэ ангри, авонт тюйттэ...»³⁵ (I am très hungry, I want to eat...) — «Я очень голоден, я хочу есть»³⁶. «Бонжур, мон ами! [...] Ай вюдлак тю си зе декорасьон»³⁷. Следует отметить необычное смешение в речи персонажа, являющегося французом по национальности, французских и английских лексем, что успешно реализует функцию комического эффекта³⁸. Усиливает данную функцию и намеренное неправильное произношение английских слов: *вюдлак* вместо *would like*. «Ла дэкорасьон — парфэ! Мач беттер зен а Буйнос Айрес. Браво!»³⁹ (La décoration — parfaite! Much better than à Buenos Aires. Bravo!) — «Декорация превосходна! Гораздо лучше, чем в Буэнос-Айресе. Браво!»⁴⁰.

В книге *Концерт на иностранных языках* также говорят некоторые герои, что указывает на их этническое происхождение, например, профессор Могальник произносит на идише: «Дайн татэ из нит кин глезер»⁴¹ — «Твой папа не стекольщик»⁴²; пара клоунов из Германии поёт песенку на немецком языке: «Зо танцте ман ин альт Берлин / Ди Медхен унд ди Кнабен, / Ди Кетцхен унд ди Рабен!»⁴³ — «Так танцевали мы в старом Берлине /

³³ Там же, с. 189.

³⁴ Там же, с. 441.

³⁵ Там же, с. 190.

³⁶ Там же, с. 441.

³⁷ Там же, с. 189.

³⁸ С. Манина, *Прагматические функции иноязычных вкраплений*, «Вестник Адыгейского государственного университета» 2010, серия 2: Филология и искусствоведение, вып. 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatische-funktsii-inoyazichnyh-vkrapleniy/viewer> [8.02.2025].

³⁹ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 191.

⁴⁰ Там же, с. 442.

⁴¹ Там же, с. 257.

⁴² Там же, с. 442.

⁴³ Там же, с. 296.

Девушки и мальчишки / Кошечки и вороны!»⁴⁴; а работник консерватории, переехавший в Новосибирск с Дальнего Востока разговаривает по-китайски: «Йен-во-тьянь... пухао... Ю-ча-хюнь-тюн... Ши-чин-нюанб-куо... — Суп из птичьего гнезда... нехорошо... Жареные пельмени со свининой и креветками... Горшок с ассорти из десяти ингредиентов»⁴⁵, «Шанго — хорошо»⁴⁶. Как подчёркивает Анастасия Агеева: «вкраplingи используются в тексте с целью актуализации индивидуальных особенностей персонажей художественного произведения, создания их языковых портретов»⁴⁷.

Следует отметить, что все эти иностранные языки звучат в романе тогда, когда действие происходит в Новосибирске, таким образом подчёркивается интернациональность той среды, в которой жил главный герой книги. В тех частях романа, где описывается заграница, персонажи тем более говорят на иностранных языках: юноша в туристическом агентстве в Иерусалиме говорит на иврите: «Зэ ло цхок, игати ад Казакстан — «Тут не до смеха, я добрался до Казахстана»⁴⁸, а посетители туалета в берлинском аэропорту — по-немецки: «Майн наме ист Пиффке... Немен зи битте платц... — «Мое имя Пиффке... присаживайтесь»⁴⁹.

Помимо описанных выше, в тексте встречаются случаи, когда герои говорят на языке, не являющемся для них родным, что также создаёт комический эффект: к примеру, в книге *Поезд ряженый* изображающий бойца сионистского агрессора произносит: «Цум тойфель, гугенцоллерн!»⁵⁰ (нем. Zum Teufel, Hohenzollern! — 'К черту, Гогенцоллерн!'), а Ткачук, обращаясь к Ларисе, говорит: «Ай синк ноу мач эбаут ё тэйст, диэ Лариса... [...] Ю а мэйкинг ми лаф» (англ. I think no much about your taste, dear Larissa... You are making me laugh — 'Я не высокого мнения о твоем вкусе, дорогая Лариса... Ты меня смешишь').

В авторской речи и в речи главного героя романа также встречаются фразы или отдельные слова из различных иностранных языков, указывающие на связь писателя с мировой культурой. Ниже перечислим эти языки.

⁴⁴ Там же, с. 443.

⁴⁵ Там же, с. 446.

⁴⁶ Там же, с. 446.

⁴⁷ А. Агеева, *Перевод и лингвистика*, «Вестник Московского университета» 2014, сер. 22, № 1, Теория перевода, с. 157.

⁴⁸ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 446.

⁴⁹ Там же, с. 444.

⁵⁰ Там же, с. 49.

1. Английский язык. В качестве эпиграфа к книге *Поезд* приведена фраза «Лет май пипл би!»⁵¹ (англ. *Let my people be!*), в «Словаре наиболее непонятных слов и выражений» даётся авторский перевод этого предложения: «оставь в покое народ Мой»⁵². Выражение «Лет май пипл би!» является перифразом строки из песни *Go Down Moses* ('Сойди, Моисей'), также известной под названием *Let My People Go* ('Отпусти народ мой'), американского спиричуэла, в котором описываются события из книги Исход 8:1:

И сказал Господь Моисею: пойди к фараону и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение⁵³.

2. Немецкий язык. В главе *Акт первый. Картина первая* книги *Опера* приводится искажённая немецкая пословица: «Морген штунде хат кайне кунде»⁵⁴ (норм. нем. *Morgenstund hat keine Kunde* — «Утренний час не имеет вестей (знаний)»), авторский перевод: «Утренний час не имеет науки» (нем.). (Перевранная пословица «утренний час <хат голть им мундe> имеет золото во рту»)⁵⁵ (норм. нем. *Morgenstund hat Gold im Mund*). Пословица приводится в контексте описания школьных занятий.

3. Итальянский язык. В книге *Опера* встречается множество цитат из итальянских оперных арий: «Торна аль нидо ла рондине»⁵⁶ (ит. *Torna al nido la rondine*) — отсылка к арии «Torna al nido la rondine e cinguetta» из оперы *Богема* Джакомо Пуччини; «Гран дио, морир си джовине»⁵⁷ (ит. *Gran Dio! Morir sì giovine*) — цитата из одноимённой арии из оперы *Травиата* Джузеппе Верди; «Тоска, финальменте миа!» (ит. *Tosca, finalmente mia!*) — первые строки арии из оперы *Тоска* Пуччини, «А станотте э пер семпре тута саро»⁵⁸ (ит. *A stanotte e per sempre tua sarò*)⁵⁹ — название арии из оперы *Паяцы* Руджеро Леонкавалло. Также в повествовании об оперном театре появляются словосочетания: «пьяцца централе»⁶⁰ (ит. *piazza centrale* — 'центральная площадь'), «мио падре»⁶¹ (ит. *mio padre* — 'отец мой') и другие.

⁵¹ Там же, с. 7.

⁵² Там же, с.439.

⁵³ Ки-Тов, Еврейский календарь, https://toldot.com/articles/articles_14161.html [1.02.2025].

⁵⁴ Н. Зингер, Билеты в кассе..., с. 207.

⁵⁵ Там же, с. 442.

⁵⁶ Там же, с. 185.

⁵⁷ Там же, с. 220.

⁵⁸ Там же, с. 228.

⁵⁹ Там же, с. 253.

⁶⁰ Там же, с. 181.

⁶¹ Там же, с. 230.

4. Латинский язык. В главе *Антракт* книги *Концерт* встречается латинское выражение «Уби бене иби патриа»⁶² (лат. *Ubi bene ibi patria* — ‘Где хорошо, там отчество’⁶³), отсылающее к вечным истинам Античности.

5. Французский язык. В книге *Опера*, в тех фрагментах, в которых рассказывается о пребывании в театре французского режиссёра Бетта, встречаются иноязычные вкрапления, характеризующих атмосферу, царившую в театре во время нахождения там иностранного гостя: «орс д’ёвр»⁶⁴ (фр. *hors d’œuvre* — ‘закуски’), авторский перевод: «главное блюдо в меню»⁶⁵, «а ню»⁶⁶ (фр. *à peu* — ‘открыто’); «эншантэ»⁶⁷ (фр. *enchanté* — ‘очарованный’) и другие.

Как отмечает Элла Китанина:

Замещование из одного языка в другой по сути своей может служить прекрасной иллюстрацией того, как нечто «чужое» может постепенно становиться «своим», как «чужое» обволакивается «своим» и ассимилируется в нем, если начинает связываться с чем-то жизненно важным и существенным. [...] Преодоление «чужеродности» достигается билингвизмом⁶⁸.

Кроме того, в речи автора встречаются иноязычные вкрапления, связанные с его пребыванием в разных странах и выполняющие «функцию создания местного колорита»⁶⁹. Это одна из первостепенных функций иноязычных вкраплений. В своем диссертационном исследовании Китанина приводит пример, где слово *арык*, «входящее в лексический фонд многих тюркских языков, имеет ту же предметную соотнесенность, что и слово канал в русской культуре, однако любым носителем русского языка ощущается и различие, ибо арык — не только ‘оросительный канал’, но и ‘символ земледелия, источник выживания и источник благосостояния в засушливых и пустынных районах Средней Азии’⁷⁰.

6. Чешский язык. В рассказе о поездке в Прагу употребляется слово «намести»⁷¹ (чеш. *náměstí* — ‘площадь’).

⁶² Там же, с. 444.

⁶³ <https://translate.academic.ru/Ubi%20bene%20ibi%20patria/la/ru/> [8.02.2025].

⁶⁴ Н. Зингер, *Билеты в кассе...* с. 441.

⁶⁵ Там же, с. 441.

⁶⁶ Там же, с. 187.

⁶⁷ Там же, с. 189.

⁶⁸ Э. Китанина, *Прагматика иноязычного слова в русском языке*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Краснодар 2005, с. 28.

⁶⁹ С. Манина, *Прагматические функции иноязычных вкраплений...*

⁷⁰ Э. Китанина, *Прагматика иноязычного слова в русском языке...*, с. 34.

⁷¹ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 307.

7. Иврит. В контексте Иерусалима употребляется слово *pxov*⁷² (ивр. פְּרוֹב — ‘улица’).

8. Примером функции экзотизации⁷³, выделяемой Светланой Маниной может служить эпизод, где, описывая свое кулинарное искусство герой по имени Линь объясняет, что продукты проходят «превращения (*xua*) черной и белой кухни, к достижению подлинности (*чженъ*) готового блюда»⁷⁴. Манина указывает, что «экзотизмы вводятся автором с целью подчеркнуть экзотически-нестандартный характер изображаемых сцен, явлений [...]. Иноязычный компонент наделен добавочной загадочностью, основанной на экзотическом звучании имени»⁷⁵.

Иноязычные вкрапления встречаются у Зингера и в функции эвфемизации, также выделенной в классификации Маниной⁷⁶. Например, автор использует французское «шамбр де туалет»⁷⁷ вместо туалетной комнаты; лексему *тохес*⁷⁸, что в переводе с идиша означает *задница*⁷⁹.

Вышеупомянутой функции симметрична функция эвфонизации. «Эвфония (в переводе с греч. ‘благозвучие’) — свойство, гармонизирующее речь, акустическое благозвучие»⁸⁰. Приведем пример из произведения Зингера: «С соком манго житуха шанго»⁸¹ («шанго-хорошо (кит.)»⁸²).

Автор романа *Билеты в кассе. Биоавтография* использует особый стилистический приём, когда в устойчивых словосочетаниях или предложениях (во фразеологизмах, пословицах, крылатых выражениях, цитатах, названиях и т. п.) одно слово (иногда — несколько слов) заменяется на созвучное ему. Такой прием получил название семиотической гибридизации⁸³. Авторские словосочетания, созданные на основе ряда элементов, исследователь называет «блендами» или «гибридами»⁸⁴. Одним из самых насыщенных блендами произведениям, является роман *Поминки по Финнегану* Джеймса Джойса.

⁷² Там же, с. 307.

⁷³ С. Манина, *Прагматические функции иноязычных вкраплений...*

⁷⁴ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 318.

⁷⁵ С. Манина, *Прагматические функции иноязычных вкраплений...*

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Зингер, *Билеты в кассе...* с. 441.

⁷⁸ Там же, с. 439.

⁷⁹ Там же, с. 439.

⁸⁰ С. Манина, *Прагматические функции иноязычных вкраплений...*

⁸¹ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 319.

⁸² Там же, с. 444.

⁸³ Ю. Кузьмина, *Языковые эксперименты Дж. Джойса*, «Язык. Культура. Коммуникации» 2014, <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/72/61> [8.02.2025].

⁸⁴ Там же.

Например, «авторское образование *mujical chocolat box* имеет форму атрибутивного словосочетания, созданного на основе ряда элементов, а именно: русскоязычного — *mujik* (мужик), англоязычных — *music box* (музыкальная шкатулка, шарманка), *magic box*, *magical* (волшебный, магический) и франкоязычного — *chocolat* (шоколад)»⁸⁵.

Проанализируем этот прием, примененный Зингером в произведении *Билеты в кассе. Биоавтография*. Среди массива блендов мы наблюдаем использование следующих устойчивых словообразовательных моделей:

Словообразовательная модель: замена существительного на фонетически созвучное существительное того же языка (русский язык) — книга *Поезд: «Полупроводники слова живаго»*⁸⁶ — ‘проводники слова живаго’ / *полупроводники*; «Черный портфель-дипломат выскальзывал из-под мышки шинели № 5»⁸⁷ — ‘Шанель № 5’ / *шинель*; ‘...разъезда на Инь и Ян’ — ‘Разъезд Иня’ / *инь и ян*. Отдельно в данной модели следует выделить бленды с отсылкой на песенное творчество и художественную литературу: ‘На макушку — скромненький синий беретик...»⁸⁸ — ‘Синенький скромный платочек (песня)’ — *беретик*; ‘Поэтому все население мобилизуется петь *Марш Екклезиастов*»⁸⁹ — ‘Марш энтузиастов (песня)’ / *Екклезиаст*. «Кто стучится в дверь ко мне с толстой Ленкой во главе?»⁹⁰ — ‘Кто стучится в дверь ко мне / С толстой сумкой на ремне... (из стихотворения Самуила Маршака *Почта*)’ / *Ленкой во главе*, см. также: «Кто стоит там под окном с длинным рыжим бородом? Эт-то я, эт-то я — Гугенот-та!»⁹¹; «Оркестровую драку из кинофильма ‘Веселое рубато’ и поломку музейных инструментов мы отложим на какое-нибудь неопределенное будущее»⁹² — ‘Весёлые ребята (кинофильм)’ / *рубато*. «Я, кажется, далеко зашел в своей международной поддержке североамериканских соединенных штатов. Надо было остановиться на одной из Дакот или даже Кэролайн... счастье еще, что до Вермонта не дошли, тем более, что белого не было, только красный и, к тому же, местного розлива. Что за бред! В Разливе шалаш светлой памяти,

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Н. Зингер, *Билеты в кассе...*, с. 8.

⁸⁷ Там же, с. 8.

⁸⁸ Там же, с. 48.

⁸⁹ Там же, с. 247.

⁹⁰ Там же, с.75.

⁹¹ Там же, с. 211.

⁹² Там же, с. 352.

море разливанное, а это ведь — театр, храм оперного и балетного искусителя»⁹³ — 1) *Вермонт / белый [вермут], красный [вермут]*, 2) *разлив / Разлив*; 3) *храм искусства / искуситель; «Содом и Гемарра для зренья и слуха!»*⁹⁴ — Содом и Гоморра / гемарра; «мне приходит на ум чрезвычайно оригинальная мысль для сборника ‘Мастера из кустов об искусствах’»⁹⁵ — «Мастера искусства об искусстве» (книжная серия) / из кустов; «Что он там набрасывает? Эскизы к ‘Последнему дню Пномпень?’»⁹⁶ — ‘Последний день Помпеи (картина)’ / Пномпень.

Замена существительного из одного языка на существительное из другого языка: «Посеявшій бурю... пожнет доннер-веттер»⁹⁷ — ‘Посеявшій бурю пожнёт ветер’ / доннер-веттер (нем. Donnerwetter — ‘гром и молния’ или ‘чёрт побери’);

Замена существительного + замена прилагательного на существительное: «Вам что, бровеносец в потемках привиделся?!»⁹⁸ — Броненосец Потёмкин (кинофильм) / брови / потёмки.

Замена прилагательного на другое прилагательное того же языка: «Приобрести бутылку плодово-выгодного пойла»⁹⁹ — ‘плодово-ягодное вино’ / выгодное; в контексте географических локаций: «Несколько вычурный картуш, красующийся на высокой падуге, несет на себе псевдоготическую надпись ‘Марково поле’»¹⁰⁰ — Марково поле / Маркс

Замена глагола или существительного на наречие (отметим, что параллельно оба примера — отсылки к русской пословице): Книга Опера: «Тише едешь — дальше — больше!»¹⁰¹ — ‘Тише едешь — дальше будешь’ / Дальше — больше; «С корабля — ва-банк, что будет, то и будет»¹⁰² — ‘с корабля на бал’ / ва-банк;

⁹³ Там же, с. 180.

⁹⁴ Там же, с. 198.

⁹⁵ Там же, с. 201.

⁹⁶ Там же, с. 257.

⁹⁷ Там же, с. 16.

⁹⁸ Там же, с. 54.

⁹⁹ Там же, с. 29.

¹⁰⁰ Там же, с. 237.

¹⁰¹ Там же, с. 179.

¹⁰² Там же, с. 211.

Замена существительного на другое существительное + замена глагола на существительное: «...Ян или пропан»¹⁰³ — ‘пан или пропал’ / Ян / пропан;

Добавление существительного: «Ах, майн Карел Гот!»¹⁰⁴ — майн гот (нем. Mein Gott — ‘мой бог’) / Карел Гот (Карелл Готт (1939–2019) — чешский певец); «комната продленного до Страшного суда дня»¹⁰⁵ — ‘комната продлённого дня’ / день Страшного суда.

Добавление прилагательного в устойчивое выражение, что приводит к аллюзии на другое устойчивое словосочетание: «...рассказывает притчу в заливных язычех»¹⁰⁶ — ‘притча во языцах’ / заливной язык (блюдо).

Фонетическая трансформация имени собственного в глагол или другое имя собственное: «Даже Монтекки, всем кланом копулирующие на глазах у изумленных зрителей»¹⁰⁷ — ‘Монтекки и Капулетти’ / копулировать; «к мысу Кап-Кабаний»¹⁰⁸ — Копакабана / кабаний.

Используемый автором стилистический приём вносит в текст оригинальность, игровой характер и юмористический оттенок. Замена слов в устойчивых языковых единицах может происходить как в рамках фразеологизмов, пословиц и крылатых выражений, так и в цитатах, названиях и других конструкциях. Автор аккуратно подбирает заменяемые слова таким образом, чтобы они звучали похоже на оригинальные, внося в известное словосочетание или выражения лишь небольшое искажение в плане внешней формы, но в значительной степени изменяя при этом смысл модифицируемой конструкции. В результате получается словесная игра, которая создаёт комический эффект, придает тексту остроту и необычность. Читатель может получать удовольствие от расшифровки и узнавания скрытых отсылок к известным выражениям или произведениям. Как отмечает Юлия Кузьмина, «постижение семантики подобных комплексных лексем представляет значительные сложности и требует многократного обращения к тексту произведения, к узкому контексту, к идентификации внеtekстовых связей»¹⁰⁹. Следовательно, читатель, не владеющий теми культурными кодами, которыми оперирует автор,

¹⁰³ Там же, с. 36.

¹⁰⁴ Там же, с. 52.

¹⁰⁵ Там же, с. 82.

¹⁰⁶ Там же, с. 32.

¹⁰⁷ Там же, с. 184.

¹⁰⁸ Там же, с. 54.

¹⁰⁹ Ю. Кузьмина, Языковые эксперименты Дж. Джойса...

может испытывать трудности при прочтении текста и распознавании аллюзий, что в некоторой степени дает возможность автору предопределить круг читателей данного произведения.

В романе *Билеты в кассе. Биоавтография* мы видим многообразие языков, из которых автор заимствует слова и фразы, а также многообразие функций, которые они выполняют. Зингер использует различные языковые искажения и фразы на иностранных языках, чтобы передать социальное или этническое происхождение и характер персонажей. Использование в речи героев разнообразных языков и иностранных фраз подчеркивает интернациональный характер среды, в которой разворачивается сюжет романа. Иноязычные слова и выражения встречаются и в речи, написанной от лица автора, что указывает на связь писателя с мировой культурой.

Итак, нами были рассмотрены основные языковые особенности романа Зингера: иноязычные вкрапления и семиотическая гибридизация. Основными языками, используемыми в этом романе, помимо русского, являются английский, итальянский, немецкий, и французский.

Использование иностранных языков в тексте выполняет следующие функции:

- создание комического эффекта,
- приданье местного колорита,
- экзотизация,
- эвфемизация,
- эвфонизация.

Также в тексте произведения обнаруживаются семиотические гибриды (блэнды), для которых нами были выделены устойчивые словообразовательные модели:

- замена существительного на фонетически созвучное существительное того же языка,
- замена существительного из одного языка на существительное из другого языка,
- замена прилагательного на другое прилагательное того же языка,
- замена глагола / существительного на наречие,
- добавление существительного; добавление прилагательного,
- фонетическая трансформация имени собственного в глагол / другое имя собственное.

В исследуемом романе блэнды используются в качестве языковой игры для создания межъязыковых аллюзий и интертекстуальных отсылок, расширения смыслов и интерпретаций, передачи ассоциаций и выражения иронии.

Библиография

- Агеева А.В., *Перевод и лингвистика*, «Вестник Московского университета» 2014, сер. 22, № 1.
- Бажанов Н.С., *Курс «история фортепианного исполнительского искусства» в Новосибирской консерватории*, «Вестник музыкальной науки» 2017, №1 (15), <https://cyberleninka.ru/article/n/kurs-istoriya-forteppiannogo-ispolnitelskogo-iskusstva-v-novosibirskoy-konservatori> [01.02.2025].
- Борсук В.А., *Преподавание английского языка в отечественной гимназии в XIX-начале XX веков*, «Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова» 2012, т. 18, <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-angliyskogo-yazyka-v-otechestvennoy-gimnazii-v-xix-nachale-hh-vekov/viewer> [1.02.2025].
- Зингер Н., *Билеты в кассе. Биоавтография*, Мосты культуры, Москва 2006.
- Зингер Е.К, Скробов В.С., *Сборник текстов по биологии (немецкий язык): пособие*, Наука, Новосибирск 1978.
- Зингер Е.К., Миляева Р.П., Таранович Ю.В., *Пособие по развитию навыков устной речи (немецкий язык) по теме «Научная конференция»*, Наука, Новосибирск 1976.
- Китанина Э.А., *Прагматика иноязычного слова в русском языке*, Автореферат докторской на соискание ученой степени доктора филологических наук, Краснодар 2005.
- Ки-Тов Э., *Еврейский календарь*, https://toldot.com/articles/articles_14161.html, [1.02.2025].
- Кузьмина Ю.Ю., *Языковые эксперименты Дж. Джойса, «Язык. Культура. Коммуникации»* 2014, <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/72/61> [8.02.2025].
- Леонтьев А.А., *Иноязычные вкрапления в русскую речь*, «Вопросы культуры речи» 1966, Издательство Академии наук СССР, Москва.
- Лифанцев И.Б., *Генезис иноязычной подготовки в советский период, «Педагогический журнал»* 2019, т. 9, <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2019-1/73-lifantsev.pdf> [1.02.2025].
- Манина С.И., *Прагматические функции иноязычных вкраплений*, «Вестник Адыгейского государственного университета» 2010, серия 2: Филология и искусствоведение, вып.1, <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-funktsii-inoyazychnyh-vkrapleniy/viewer> [8.02.2025].
- МАОУ Гимназия № 10, <http://www.g-10.edusite.ru/magicpage.html?page=66204> [01.02.2025].
- Миролюбов А.А., *История отечественной методики обучения иностранным языкам*, Ступени, Москва 2002.
- Петрова В.А., *Развитие культурологической идеи преподавания иностранного языка отечественной педагогике, «Ученые записки.Электронный научный журнал Курского государственного университета»* 2021, № 4 (60), <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-kulturologicheskoy-idei-prepodavaniya-inostrannogo-yazyka-v-otechestvennoy-pedagogike-v-60-80-e-gody-hh-veka> [1.02.2025].
- Сакаева Л.Р., Баранова А.Р., *Методика обучения иностранным языкам. Уч. пособие*, Казань 2016, https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/116007/Sakaeva_L.R._Baranova_A.R._Metodika_obucheniya_inostrannym_yazykam.pdf [1.02.2025].
- Салехова Л.Л., *История развития профильного обучения иностранному языку в школах России (1950–2000 гг.)*, «Вестник ТГПУ» 2003, № 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-profilnogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-shkolah-rossii-1950-2000-gg> [1.02.2025].

Смирнова М.С., Якушева Н.Д., Раснянская Ю.А., *Изучение иностранных языков в СССР в 1950-х–1980-х годах (На основе данных официальной статистики)*, «Ученые записки» 2018, № 2(26), https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3737370 [1.02.2025].

Шелестюк Е.В., *Вестернизация в СССР и России: анализ некоторых причин // Иностранный язык в системе среднего и высшего образования: материалы III международной научно-практической конференции 1–2 октября 2013 года, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», Прага 2013*, https://sociosphera.com/files/conference/2013/k-10_01_13.pdf [1.02.2025].

ELEONORA SHAFRANSKAYA

<http://orcid.org/0000-0002-4462-5710>

Роман *Зеленый шатер* Людмилы Улицкой: Суккот как скрытый символ в сюжете

ZIELONY NAMIOT LUDMIŁY ULLICKIEJ: SUKKOT JAKO UKRYTY SYMBOL W FABULE

Streszczenie: Artykuł analizuje problematykę żydowską w powieści Ludmily Ulickiej *Zielony namiot*, wyrażoną w dyskursie mitologii codzienności i w oficjalnych praktykach. Perspektywa analizy związana jest z rysunkiem na okładce książki (pierwsze wydanie powieści) jako częścią tekstu, która nadaje mitopoetycki kierunek odczytaniu powieści: autorka artykułu widzi na rysunku szałas — sukę, którą Żydzi budują z gałęzi w dni pamięci o wędrówkach i cierpieniach przeszłości. Analizie poddano semantykę tytułu powieści, powiązaną z pamięcią o traumatycznej historii sowieckiego XX wieku.

Słowa kluczowe: powieść *Zielony namiot* Ludmily Ulickiej, ekfrazja, Sukkot, okładka książki, temat żydowski

LYUDMILA ULITSKAYA'S *THE GREEN TENT*: THE UNDERLYING SYMBOLISM OF SUKKOT IN ITS PLOT

Summary: The article examines the Jewish themes in Lyudmila Ulitskaya's novel *The Green Tent*, expressed in the discourse of the mythology of everyday life and in official practices. The analysis focuses on the book's cover artwork (first edition) as a part of the text that sets the mythopoetic direction for reading the novel: the author of the article sees in the drawing a sukkah — a booth that Jews build from plant branches during the days of remembrance of past wanderings and tribulations. The semantics of the novel's title, linked to the memory of the traumatic history of the Soviet 20th century, is also considered.

Keywords: Lyudmila Ulitskaya's novel *The Green Tent*, ekphrasis, Sukkot, book cover, Jewish theme

По охвату исторических событий второй половины XX века, по количеству упомянутых медийных личностей из общественной, культурной, литературной сфер бывшего СССР, по процессам, глубинным и видимым, которые происходили в стране, роман Людмилы Улицкой *Зеленый шатер* тянет на жанровое определение эпопеи, или — книги, Русской Библии XX века, на что в тексте романа есть очевидное указание. Так, один из героев романа, учитель словесности Шенгели, проводя много времени в архивах, убеждается, что

существующие разрозненно люди девятнадцатого века состояли между собой в родстве, несколько семейных кланов переплетались, их мир представлялся невероятно разрозненной семьей. В опубликованных до революции письмах постоянно присутствовали свидетельства этой удивительной взаимопроницаемости, и все эти связи, вместе с семейными ссорами, скандалами и мезальянсами, преображались в романах Толстого в нечто более важное, чем семейная хроника. «Русская Библия», — приходило в голову Виктору Юльевичу¹.

Именно в этой парадигме, о которой рассуждает Виктор Юльевич, написан роман Улицкой. Множество сюжетных линий и тем романа не станут объектом нашей аналитики. Мы остановимся на еврейской теме романа, одной из «скрепных» тем на пространстве советского государства. Этническая тема для «русской Библии» органична, эта тема особенно актуальна для XX века, когда этничность ложилась в основание всех судьбоносных процессов: репрессивных и расстрельных дел сталинского правосудия, переселения целых народов, сегрегационных циркуляров для отдельных этносов и проч.

Итак, еврейская тема в широком круге тем романа Улицкой как будто неявная и незамеченная. На разговор о ней наталкивает обложка книги ее первого издания (2011). В практике книгоиздательства оформление книги, ее первой публикации, всегда согласовывается с автором (при переизданиях появляются другие обложки, уже не входящие в зону авторского присутствия). Обложка первопубликации — это уже часть текста. Часть, которая выполняет художественные функции эпиграфа, или ответа на главный вопрос текста, или играет роль значимого для книги символа и проч. — примерно те же функции, что выполняет и само заглавие художественного произведения.

Цель статьи — выстроить логику еврейской темы в романе *Зеленый шатер*, задачи — декодировать визуальный текст обложки первого выпуска книги; расставить акценты обывательского дискурса и официоза, связанные с еврейством и характеризующие изображенную в романе эпоху.

Еврейская обложка романа *Зеленый шатер*

Заглавие романа Улицкой как будто бы ничего не сообщают читателю, не содержит ни проблематики романа, ни интриги, не дает представления о темах романа. Обратимся

¹ Л.Е. Улицкая, *Зеленый шатер: роман*, Эксмо, Москва 2011, с. 75. Далее ссылки на это издание — в тексте статьи в круглых скобках.

к классификации заглавий, выстроенной теоретиком Сигизмундом Кржижановским: это заглавие-антескрипт, заглавие-инскрипт и заглавие-постскрипт.

Заглавие *антескрипт* предваряет текст, это тяга, по выражению Кржижановского, тянувшая за собой всю книгу, постепенно прикрепляя к себе главу за главой, «как локомотив, собирающий свой подвижной состав»².

Заглавие *постскрипт* словно толкает текста: такое заглавие, считает Кржижановский, прячась за страницами текста, вдруг становится понятным на последнем этапе чтения³.

А заглавие *инскрипт* рождается внутри текста: «извилистая текстовая строка кружит по прямой строке заглавия, как плющ по шесту»⁴.

По какому принципу строится заглавие *Зеленый шатер*? Работает ли принцип инскрипта в заглавии *Зеленый шатер* — пока не понятно. А вот принцип *тяги* (антескрипта) и *толкача* (постскрипта) — вполне, но при условии, если будет расшифровано словосочетание *зеленый шатер*. Без погружения в метатекст и контекст романа классификация Кржижановского этот раз вряд ли нас спасет.

Опыт работы в студенческой аудитории показывает: по прочтении романа и после беседы о его проблематике заглавие понятней для читателя не становится. На вопрос: как вы понимаете заглавие романа — ответы отсылают к одноименной главе романа *Зеленый шатер*, где присутствует нарратив-сон, персонажи которого — действующие лица романа, живые и мертвые, выстраиваются в очередь к зеленому шатру. Но семантика заглавия, тем не менее, не раскрывается.

Первый шаг на пути осмыслиения семантики заглавия — это начало романа:

— Раечка, ты купи в «Елисеевском» чего-нибудь сладкого. Сегодня, между прочим, Пурим. Я таки думаю, что Самеах сдох.

Тамара не знала тогда, что такое Пурим, почему надо покупать что-нибудь сладкое и тем более, кто такой «Самеах», который сдох. Да и откуда ей было знать, что для конспирации Сталина и Ленина в их семье с давних пор называли по первой букве их партийных кличек, «с» и «л», да и то на потаенном древнем языке — «самех» и «ламед» (с. 8).

Пурим — еврейский праздник, в основе которого память о спасении евреев, проживавших на персидской территории.

² С. Кржижановский, *Поэтика заглавий*, Никитинские субботники, Москва 1931, с. 22.

³ Там же, с. 23.

⁴ Там же.

В контексте приведенной цитаты совпадшая с Пуримом смерть Сталина содержит также оттенок спасения евреев от агрессивной антисемитской политики советского вождя: так, именно в 1953 году было приостановлено «дело врачей», по сути антисемитское дело, грозившее многим арестованным смертной казнью. Эта «праздничная» парадигма становится подсказкой к прочтению обложки⁵. Именно Пурим настраивает на нужную волну — череду еврейских праздников. На обложке несколькими штрихами нарисован шалаш, или шатер, сооруженный из пальмовых или тростниковых листьев. Именно такие шалали сооружают евреи во время праздника Суккот, символизирующие «шалали, в которых евреи жили в течение 40 лет скитаний по пустыне»⁶.

Семантика сукки (шалаша) множественна: с одной стороны, помнить и не забывать о перипетиях-испытаниях прошлого. В Торе сказано: «В кущах живите семь дней; всякий туземец израильтянин должен жить в кущах, чтобы знали роды ваши, что в кущах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел их из земли египетской. Я — Господь, Бог ваш» (Лев. 23:42,43). С другой стороны, *Суккот* — аграрный праздник, связанный со сбором урожая.

Мы не знаем, какой смысл вложен в рисунок обложки художником Андреем Красулиным и писательницей Людмилой Улицкой. Книга, с ее текстом и оформлением, зажила своей самостоятельной жизнью, вступив в отношения с метатекстом культуры — именно им, метатекстом, спровоцирована наша читательская рецепция. Теперь становится понятно и заглавие: автор романа, с одной стороны, упомянул в сюжете почти все события травматической истории советского XX века — чтобы помнили; с другой стороны, «сбор урожая», зашифрованный в зеленом *шатре*, выступает в значении метафоры — собираются все и вся, подытоживается страшный «русский век».

Вернемся к Кржижановскому, который пишет:

Даже виньетка или издательский знак иногда слишком крепко пристают к заглавию, чтобы можно было, не повреждая его, оторвать эти знаки от слов. Так, новиковский «Трутень», выпущенный в 1769 году

⁶ Й. Телушин, *Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии*, перевод с английского Н. Иванова и Вл. Владимирирова, Мосты культуры – Москва, Гешарим – Иерусалим 2002, с. 482.

с изображением амура, примостившегося под буквами заглавия, во втором своем издании этого же года, согнав с листа амура, помещает рисунок осла, придавленного сатирам: журнал как будто бы и не изменил своего заглавия, но смысл его определенно эволюционировал⁷.

Кржижановский предупреждает, что следовать за семантикой красочных дополнений к заглавию «можно лишь в исключительных случаях: иначе сойдешь с темы на ее обочину»⁸. Хочется надеяться, что такое прочтение заглавия сопряжено с главной темой романа, в чем убеждает уже процитированный начальный эпизод и последующие: «Умер тиран. Умер титан. Существо древней породы, из подземного мира, страшное, сторукое, стоглавое. С усами» (с. 56). Здесь Улицкая продолжает мандельштамовскую метафору из стихотворения *Внутри горы бездействует кумир*⁹. Таким образом, заявленная заглавием вкупе с обложкой интенция романа имеет как общий характер (история страны), так и частный — еврейский.

Далее рассмотрим, как в романе *Зеленый шатер* отражена еврейская линия советской истории.

Обывательский дискурс: антисемитизм

Антисемитский миф, несмотря на научные трактаты и публицистические эссе, исследовавшие его аналогичность и отсутствие в нем rationalной мотивации, жив, став экзистенциальным паттерном полиэтнической картины мира. Фридрих Горенштейн в романе *Псалом* назвал этот миф «болезнью духа»¹⁰. С одной стороны, этот миф вписывается в картину мира, зиждущуюся на ксенофобии вообще, с другой стороны, стал самостоятельным паттерном в кругу прочих этнофобных дискурсов¹¹. Боязнь, или неприятие чужих, присутствует в любом этносообществе, а уж евреи в этой фобии лидируют.

С тревогой живет персонаж романа Улицкой профессор Ринк, курировавший научную работу с глухонемыми детьми Михи Меламида. Сочетание его имени и фамилии (Яков Ринк) было

⁷ С. Кржижановский, *Поэтика заглавий*, Никитинские субботники, Москва 1931, с. 5.

⁸ Там же.

⁹ Об этом подробнее см. статью: Ш.Р. Кешфидинов, Э.Ф. Шафранская, *Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности*, «Известия Смоленского государственного университета» 2023, № 4 (64), с. 27–29.

¹⁰ Ф. Горенштейн, *Псалом: Роман, повести*, Азбука, Азбука-Аттикус, Санкт-Петербург 2012, с. 354.

¹¹ См. подробнее: Э.Ф. Шафранская, *Синдром голубки: Мифопоэтика прозы Дины Рубиной*, Свое издательство, Санкт-Петербург 2012, с. 139–140.

ежедневным поводом для беспокойства Ринка: по сути — немец, по документам — русский, в глазах окружающих — еврей:

Всякий раз, когда Яков Петрович попадал в кабинеты лейтенантов и капитанов, он ожидал разоблачения. [...]

— Вам хорошо, Мария Моисеевна, вас, честную еврейку, и разоблачать не надо, а я половину жизни беспокоился, что меня ошибочно примут за еврея, а теперь живу в страхе, что меня разоблачат как немца (с. 434–435).

В таком же напряжении живет мать Ольги, героиня романа *Зеленый шатер*, Антонина Наумовна, — благодаря своему отчеству, с юности доказывая всем, что ее предки — из староверов, которые давали имена детям по святцам. «В молодые годы ее часто принимали за еврейку, что раздражало безмерно» (с. 272).

Зять Антонины Наумовны, Илья Исаевич Брянский, при первом же знакомстве вызвал у нее неприязнь:

Брянский-то Брянский, рассудила Антонина Наумовна, большой знаток по кадрам, однако Исаевич! — пророческие имена только у попов и у евреев в ходу... еще у староверов. Ей этот вопрос был хорошо знаком, всю жизнь отбивалась (с. 139).

Восприятие ею Ильи выражено в тех параметрах, которые задолго до нее уже выработала мифология повседневности: отличать чужого по внешности, фенотипу, имени, запаху, неправильному поведению¹².

Да и чему нравиться? Разве что волосом кудряв. А так — лицо скудное, в обтяжку, нос с вороньей костью, а губы мясистые, красные, как в лихорадке. Несуразный весь: плечи узкие, ноги тощие, в поясе того и гляди переломится, брючата узенькие, а впереди торчит, много наложено. А сам ледящий. Тьфу! (с. 139).

Точно так же, как Илья раздражает Антонину Наумовну, в рассказе *Еврей-птица* американского писателя Бернарда Маламуда птица по имени Шварц раздражает хозяина дома своим «длинным шнобелем» и дурным запахом: «Почему от тебя должно вонять, как от дохлой рыбы? — Я извиняюсь, мистер Коэн, но если кто-то ест чеснок, от него пахнет чесноком. Я три раза в день ем селедку. Кормите меня цветами, и я буду пахнуть цветами»¹³. Но если рассказ Маламуда уже своим

¹² О.В. Белова, *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*, Индрик, Москва 2005, с. 10.

¹³ Б. Маламуд, *Еврей-птица* // Б. Маламуд, Ангел Левин: *Рассказы*, перевод В. Голышева, Б.С.Г.-ПРЕСС, Москва 2005, с. 439.

заглавием задает интенцию прочтения, то в романе *Зеленый шатер* антисемитизм растворен в обыденности, надо сфокусировать читательский взгляд именно на этой теме.

[...] теща видеть не могла зятка — вихлявого, невоспитанного. И смех его громкий был ей неприятен, и даже запах в уборной после него казался особенно противным. «Пахнет, как животное. Еврейский запах какой-то, — и каждый раз, входя после него в уборную, сжигала клочок газетной бумаги. — Ну и выбрала себе девочка моя кобеля вонючего [...]» (с. 346).

Другой персонаж романа — Анна Александровна, бабушка Сани Стеклова, — интеллигентная, образованная дама, воспитавшая достойного внука, опекавшая всех его друзей. Но когда Лиза предпочла ее внуку другого жениха, Анна Александровна, при всей ее интеллигентности, указывает в качестве презренного порока именно «евреиство» жениха.

— Все весьма British, — шепнул Саня бабушке.

— No, Jewish, — поправила Анна Александровна Саню.

— Нюта, звучит как-то антисемитски. Я за тобой не замечал.

[...]

— Саня, антисемитизм в нашей стране — привилегия лавочников и высшей аристократии. А наше семейство по всем признакам — интеллигенция, хоть и дворянского происхождения. Евреев я люблю, ты же знаешь.

— Знаю. Ты Миху любишь. Мне это совершенно безразлично — еврей, нееврей. Только почему-то из двух моих ближайших друзей — полтора еврея.

— В том-то и дело. Может, чувствительность повышенная.

Анна Александровна антисемитизмом действительно брезговала, смысл ее чувства был иной. Когда-то в юности она отказалась влюбленному в нее пожизненно Васеньке, и теперь осуществилась месть судьбы: Лизка, его внучка, отказалась ее утонченному Санечке, предпочтя ему еврейского юношу расплывчатой внешности. [...] И еврейство как-то вставало в общий ряд неприятных черт Лизиного жениха (с. 229–30).

Пресловутая фраза, часто звучащая в ответ на обвинение в антисемитизме, «евреев я люблю» (а еще с прибавкой: «у меня друзья евреи») — маркер спящего антисемитизма, нужна ситуация, и он проснется.

Причины ужасающей картины Москвы после похорон Сталина, при всеобщей любви к «отцу народов», приводят обычного человека к евреям. Покупательницы, среди которых были и родители учеников Шенгели, обращаются к нему, зашедшему в магазин:

— Виктор Юрьевич, это что же такое стряслось-то? Вот люди говорят, евреи подстроили ходынку эту? А вы слыхали, может, что? [...]

— Нет, голубушка, ничего такого не слышал. Выпьем сегодня стопку-другую за помин души и будем дальше жить, как жили. А евреи что? Да такие же люди, как мы. [...]

Взял свое, расплатился и ушел, оставил теток в некотором замешательстве: может, и не евреи это подстроили, а другие какие... Врагов-то весь мир кругом. Все нам завидуют, все нас страшатся (с. 59–60).

Мифологизированная в русской истории Ходынка сродни кровавому навету мировой истории. Миф живет до тех пор, пока существует вера в него. Как видим, вера не отступает, миф оказался почти экзистенциальной скрепой.

Улицкой удалось без негодования и пафоса, без моралите и без особых акцентов показать почти всеобщую «ужаленность» антисемитизмом — простые и сложные персонажи ее романа, неагрессивные, тихие бросают одну лишь фразу, вполне безобидную, но этого достаточно, чтобы распознать эту ментальную скрепу. Так, ученый Эдвин Винберг хвалит пластинку с записью сонаты Шостаковича в исполнении Даниила Шафрана. Его собеседник при этом произносит про себя фразу: «Вот какой народ, как они все же своих любят», и тут же как бы оправдывается перед собой же: «А что плохого, в конце концов? Все люди так устроены, всем свои ближе» (с. 404). Этот самый Винберг, «чужак из чужаков, мало того что еврей, еще и немец, развивал свои баснословные учения и держался с таким европейским самоуважением, которого почти и не видилось в отечественных широтах» (с. 388).

Официоз и евреи

Антисемитизм всегда роднит власть и обывателя.

Пока еще шел год пятьдесят третий, и март еще не наступил, антисемитская кампания была в полном разгаре. В эти паршиевые времена еврейская восьмушка Виктора Юльевича стонала и ужасалась, а грузинская четвертинка стыдилась и страдала. [...] Чего в Викторе Юльевиче категорически не было — гордого чувства принадлежности к какому-нибудь народу, он ощущал себя одновременно изгояем и белой костью, а жидаедские эти времена были отвратительны ему более всего эстетически: некрасивые люди, одетые в некрасивую одежду, некрасиво себя вели (с. 51–52).

Талантливым учеником Виктора Юльевича был Миха Меламид, в классе он был первым по литературе, и он «знал, что евреев на филфак не берут, но знал также, что другого ему не нужно» (с. 108). А когда пришла пора поступать в аспирантуру, еврейское «клеймо» сделало свое дело: «Дались вам эти Меламиды, Рабиновичи...» (с. 435), — пеняет тридцатишестилетний капитан, начальник первого отдела вуза,

семидесятивосьмилетнему члену-корреспонденту Академии педагогических наук. Миха в аспирантуру не попал. Он увлекся правозащитной деятельностью, спасая крымских татар и помогая им. Однажды познакомился с ними в Крыму — они, будучи когда-то, в 1944 году, вышвырнутыми из родных гнезд, приехали на могилы родственников. Видя несправедливость власти к крымским татарам и их бесправие, Миха решил, что история еврейского изгнания из Израиля — слишком давняя, «а татарская была такая свежая, их дома и колодцы в Крыму еще не все были разрушены, татары еще помнили советских солдат, их выселявших, и соседей, занимавших их дома» (с. 466). Близкие понимали, что Миха ступил на опасную тропу, шептались: «Ну при чем тут татары! Крым! О себе бы позабылся! Еврею сесть за возвращение татар в Крым! Уж лучше сел бы за свое собственное возвращение в Израиль!» (с. 480).

В романе отзывается дело Михоэлса, возглавлявшего Еврейский театр (ГОСЕТ). Бывший генерал, отец Ольги, завел интрижку со своей секретаршей, переросшую в любовь на цепких «тридцать два годика», его возлюбленная Софья оказалась еврейкой. Вызванный на допрос генерал подписал капитану из ПУРа все, что требовалось: так был расстрелян брат Софьи, артист ГОСЕТА, так и сама Софья отправилась в ссылку, как «член семьи изменника родины», на четыре с половиной года в Караганду. В 70-е приходят с обыском к Ольге. Эти рейды имели тонкие отличия: в одних случаях интересовались подписантами и антисоветчиками, в других искали запрещенные книги, а в третьих интересовались только евреями (с. 263).

Александров (следователь. — Э.Ш.), удивив Ольгу, спросил о Тамаре Брин.

— Нет, не видимся. Раньше дружили, а теперь она с головой в науку ушла, ни с кем не общается.

— Почему же ни с кем? С Марленом Коганом, например, общается. Иврит изучает (с. 265).

Преподавание и изучение иврита в брежневском ССР преподавалось властью.

Все реалии еврейской истории XX века, воспроизведенные в романе, соответствуют мифологии повседневности советской жизни. Лишь в эпоху перестройки они стали компонентом художественных текстов русской литературы (см. постсоветскую прозу Дины Рубиной, Александра Мелихова, Фридриха Горенштейна, а также неподцензурную литературу советского периода), до этого Главлит практически не пропускал в тексты никаких евреев. Авторы пользовались эвфемизмами. Поэтому

роман *Зеленый шатер* ценен и этой исторической правдой о «дружбе народов».

В одной из последних глав романа под названием *Русская история* Костик, сын Ольги, уже взрослым семейным человеком узнает о своем прадеде Науме, старовере, о котором его бабка никогда ничего не рассказывала, так как отреклась от него ради своей партийной карьеры. Костику сообщили, что надо перевезти из скита, где могила прадеда, его «косточки» — расчищают пространство для новостроек. Костику тянуло, был занят, а когда приехал, скита уже не было на месте, рядом работал экскаваторщик:

Опоздал. Этот экскаваторщик вчера или позавчера ковырнул землю ковшом, зацепил кости прадеда, вывалил кузов, и теперь они покоятся на городской свалке. Какой стыд... И теперь это навсегда [...] Где та могила? Любовь к отеческим гробам... Прадеда кости на свалке... Какая русская история... Да, мы такие... (с. 553).

Смыслы романа можно встроить между двумя образами-институциями: «зеленым шатром» и «русской историей». Оплачивающий прах своего прадеда Костик был вознагражден: к нему подошли две старушки, сказав, что косточки спасены, их перевезли. Но эта счастливая случайность не меняет эсхатологической интенции «русской истории». Чтобы «косточки» не попали на свалку истории, нужен «зеленый шатер» — время, когда надо вспоминать свое прошлое.

Отметим, что эта гуманистическая озабоченность присуща еще ряду современных писателей. Например, Саша Филиппенко создает в романе *Красный крест* два антитетичных образа — *альцгеймер*, символизирующий утрату исторической памяти, и *красный крест* — некую указующую вешку, напоминающую о травмах, сквозь которые прошла страна в XX веке¹⁴. Это и писатель Наталья Громова, отыскивающая в своих архивных романах ключ от норы времени¹⁵.

Выводы

Таким образом, обложка книги *Зеленый шатер*, ее первой публикации, выполняет в романе функцию метатекстуального экфрасиса: рисунок не описан в тексте, что свойственно для

¹⁴ С. Филиппенко, *Красный крест: Роман*, Время, Москва 2018.

¹⁵ См. статью: Э.Ф. Шафранская, *Архивный вектор в современной русской литературе* // „Przegląd Rusycystyczny 2022, № 4 (180), с. 25–38.

классического экфрасиса, он описан в метатексте культуры.

Возвращаясь к классификации заглавий Кржижановского, можно сказать, что в романе *Зеленый шатер* заглавие выполняет функции всех трех типов: это и «тяга» (антескрипт), и «толкач» (постскрипт), и «вьющийся плющ по шесту» (инскрипт) — метатекстуальная аллюзия на шатер, построенный из веток растений. Читая роман *Зеленый шатер*, постсоветский читатель вспоминает давнее и недавнее прошлое, а читатель нового поколения узнает травматическую историю своей страны, в которой антисемитизм — не из последних слагаемых русской истории. Есть ли рецепт на излечение от антисемитизма? Увы, но есть повод задуматься и запустить механизм внутренней непреходящей работы, выдавливая из себя ксенофоба.

Библиография

- Белова О.В., *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*, Индрик, Москва 2005.
- Филипенко С., *Красный крест: Роман*, Время, Москва 2018.
- Горенштейн Ф., *Псалом: Роман, повести*, Азбука, Азбука-Аттикус, Санкт-Петербург 2012.
- Кржижановский С., *Поэтика заглавий*, Никитинские субботники, Москва 1931.
- Маламуд Б., *Еврей-птица* // Б. Маламуд, *Ангел Левин: Рассказы*, перевод В. Голышева, Б.С.Г.-ПРЕСС, Москва 2005, с. 430–445.
- Шафранская Э.Ф., *Синдром голубки: Мифопоэтика прозы Дины Рубиной*, Свое издательство, Санкт-Петербург 2012.
- Шафранская Э.Ф., *Архивный вектор в современной русской литературе*, „Przegląd Rusycystyczny“ 2022, № 4(180), с. 25–38.
- Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., *Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности*, «Известия Смоленского государственного университета» 2023, № 4(64), с. 19–38.
- Телушкин Й., *Еврейский мир: Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии*, перевод с английского Н. Иванова и Вл. Владимирова, Мосты культуры – Москва, Гешарим – Иерусалим 2002.
- Улицкая Л.Е., *Зеленый шатер: Роман*, Эксмо, Москва 2011.

MICHAŁ DARIUSZ JAMROZY

badacz niezależny

<http://orcid.org/0009-0003-1653-5050>

Zinowij Zinik — aspekt kulturowy emigracji w powieści *Grzybowstąpienie*

ZINOVY ZINIK — THE CULTURAL ASPECT OF EMIGRATION IN THE NOVEL *THE MUSHROOM PICKER*

Summary: Emigration is a worldwide and timeless phenomenon, regardless of its voluntary or forced nature. The study of emigration and repatriation has become a popular and widely discussed topic, as these phenomena can be dissected by many fields of study, such as history, cultural studies, literary studies, linguistics, religious studies, sociology, political science or even research in pedagogy. The article deals the work of the emigrant writer Zinoviy Zinik in the field of literary studies, with reference to the author's interest in culture. This article is devoted to presenting Zinoviev Zinik's silhouette, discussing one of the author's most popular novels, *The Mushroom Picker*, which deals with the issue of cultural barriers between representatives of two different cultures. It also discusses emigration as a source of the author's literary concepts.

Keywords: Zinoviy Zinik, emigration, *The Mushroom Picker*, cultural differences

ЗИНОВИЙ ЗИНИК — КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЭМИГРАЦИИ В РОМАНЕ *РУССОФОБКА И ФУНГОФИЛ*

Резюме: Эмиграция — всемирное и вневременное явление, независимо от ее добровольного или вынужденного характера. Изучение эмиграции и депатриации стало популярной и широко обсуждаемой темой, поскольку эти явления могут быть рассмотрены во многих областях знаний, таких как история, культурология, литературоведение, лингвистика, религиоведение, социология, политология и даже исследования в области педагогики. В статье рассматривается творчество писателя-эмигранта Зиновия Зиника с учетом культурологического интереса автора. Настоящая статья посвящена представлению Зиновия Зиника и обсуждению одного из самых популярных романов автора — *Руссофобка и фунгофил*, поднимающего проблему разногласий между представителями двух разных культур. Затрагивается также тема эмиграции как источника литературных приемов рассматриваемого автора.

Ключевые слова: Зиновий Зиник, эмиграция, *Руссофобка и фунгофил*, культурные различия

Pisarze każdej epoki literackiej, zarówno w Rosji, jak i na całym świecie, poruszają w swoich dziełach problemy społeczne swoich czasów, dając współczesnym czytelnikom możliwość zwrócenia uwagi na warunki ówczesnego życia. Wiek XX w historii Związku Radzieckiego był okresem ciągłego napięcia pomiędzy totalitarną władzą a zwykłymi obywatełami, pisarzami, naukowcami, którzy nie zgadzali się z decyzjami komunistycznej partii. Pierwsza fala

masowej emigracji, spowodowana zmianami politycznymi związanymi z rewolucją październikową, zmusiła znaczną część rosyjskiej inteligencji, naukowców, pisarzy, ale także zwykłych obywateli do opuszczenia kraju, ponieważ nie akceptowali oni przemian zachodzących w ich ojczyźnie. Druga fala emigracji, wywołana II wojną światową, była momentem w historii świata, w szczególności Europy, kiedy życie kulturalne i literackie stało się mniej aktywne, a wojna, która objęła niemal cały kontynent, zwiększyła liczbę przymusowych wysiedleń, co stanowiło w tamtym czasie główną przyczynę emigracji. Z kolei trzecia fala (zwana również polityczną), najważniejsza z punktu widzenia naszych rozważań, przypadła na lata 70. i 80. XX wieku, kiedy za rządów Leonida Breżniewa nastąpiła epoka zastoju. Sytuacja polityczna w ZSRR, cenzura, liczne represje i deportacje doprowadziły do narodzin grupy oporu — ruchu dysydentckiego. Znaczna część twórców tego okresu wykorzystała rozwój podziemia literackiego do nielegalnego publikowania antykomunistycznie zorientowanych utworów, zarówno w obiegu wewnętrznym, jak i zewnętrznym, poza granicami ZSRR, tj. w samizdacie i tamizdacie. Skala działalności ruchu dysidentckiego i podziemia literackiego pokazuje, na ile i w jaki sposób sytuacja polityczna w państwie wpływała na twórczość pisarzy, ściśle ukierunkowując problematykę poruszaną w ich dziełach.

Repatriant, dobrowolny emigrant trzeciej fali emigracji rosyjskiej

Okres trzeciej fali emigracji rosyjskiej charakteryzował się masowym wyjazdem wielu przedstawicieli inteligencji, działaczy sfery kultury i nauki, a przede wszystkim pisarzy ze Związku Radzieckiego. Do grona tego można zaliczyć Zinowija Jefimowicza Gluzberga, urodzonego w 1945 roku w Moskwie, obecnie posiadacza brytyjskiego obywatelstwa¹. Niegdyś uczęszczał do szkoły artystycznej dla dzieci, potem ukończył studia wyższe na Wydziale Matematycznym (kierunek: topologia) Moskiewskiego Uniwersytetu Państwowego. W czasie studiów nie zrezygnował z rozwoju swoich artystycznych zainteresowań, uczęszczając na zajęcia z krytyki teatralnej organizowane przez czasopismo „Teatr”². Działalność literacka Zinika rozpoczęła się ok. roku 1964, wraz z nastaniem w ZSRR prawie dwudziestoletniej epoki zastoju. Pisarzom tego okresu

¹ W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku*, przel. B. Kodzis, Ossolineum, Wrocław 1996, s. 729.

² A. Wołodźko, *Pasierbowie Rosji: o prozaikach trzeciej emigracji*, Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf”, Warszawa 1995, s. 141.

początkowo mogło się wydawać, że złagodzona cenzura i zwiększała wolność literacka pozwoliły na znaczący rozwój literatury, niemniej jednak tak się nie stało. Komunistyczna władza w ZSRR próbowała wykorzystać liberalizację ograniczeń w celu nakłonienia twórców do kreowania wyidealizowanego obrazu totalitarnego systemu. Bezustannie pilnowano, aby nikt w swoich utworach nie oczerniał otaczającego świata i w sposób prawdziwy nie przedstawiał problemów, z jakimi borykali się zwyczajni obywatele³.

Pierwsze utwory Zinika pojawiły się w 1965 roku — były to głównie publikowane w lokalnej prasie recenzje teatralne. Dekadę później, w roku 1975, zdecydował się na repatriację do Izraela, wykorzystując swoje żydowskie pochodzenie⁴. Co ważne, pisarz podkreśla, że jego wyjazd nie został wymuszony przez władze, a jego emigracja była całkowicie dobrowolna. Odczucia z nią związane wyraził w następujący sposób:

Но я не в эмиграции, я дома! У меня нет российского паспорта. Мне дали мою выездную визу — розовую бумажку — в один конец. Билет в одну сторону. И взамен попросили мой советский паспорт, разорвали его у меня на глазах и бросили в мусорную корзину. Больше я его обратно не просил. Я был убежден, что никогда не смогу вернуться⁵.

Pomimo oskarżenia o odmowę pełnienia służby wojskowej Zinik nie był represjonowany. W przeciwieństwie do innych pisarzy-emigrantów tego okresu nie identyfikował się jako dysydent, skłonny do publikacji nieprzychylnych dla władzy dzieł literackich⁶. Jako repatriant Zinik podjął się pracy tłumacza i komentatora radiowego, nie zarzucając rzeczą jasna pracy twórczej. W 1976 roku wydał pierwszą powieść *Известия*, rok później opublikowany został utwór *Перемещенное лицо*⁷. Po dwóch latach życia w Jerozolimie od rosyjskojęzycznego oddziału radia BBC dostał propozycję pracy w Londynie, w rezultacie czego przeprowadził się do stolicy Anglii, stając się ekspatriantem. W nowym miejscu pracy Zinik otrzymał stanowisko redaktora programu *Новости*

³ L. Bazylow, P. Wieczorkiewicz, *Historia Rosji*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 2005, s. 550–551.

⁴ W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej...*, s. 729.

⁵ K. Никитина, интервью с З. Зиником, Зиновий Зиник: Я может быть, и уехал, чтобы быть иностранцем, Журнал Зима, 07.04.2015, <https://zimamagazine.com/2015/04/zinovij-zinik/> [20.08.2024].

⁶ K. Duda, *Zinowij Zinik (Rosjanin na emigracji)*, w: *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — estetyka — recepcja*, red. A. Woźniak, Wydawnictwo KUL, Lublin 2013, s. 343. (Zinowij Zinik w 1972 roku został oskarżony przez władzę o odmowę pełnienia służby wojskowej, niemniej jednak nie miało to wpływu na jego następne decyzje odnośnie do opuszczenia ZSSR, a także fakt ten nie wpłynął na dalszy rozwój literacki pisarza).

⁷ W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej...*, s. 729–730.

культуры, w którym zajmował się adaptacją twórczości rosyjskich pisarzy. Warto wspomnieć, że poza działalnością w radiu angażował się w tamtejsze życie literackie, współpracował jako krytyk z licznymi anglojęzycznymi czasopismami. Eseje i artykuły publikował m.in. w: „The Times Literary Supplement”, „The Spectator”, „The Listener”, „The Guardian” i „The Independent”⁸. Z uwagi na współpracę Zinika z anglojęzycznym środowiskiem literackim, znajomość języka angielskiego i przede wszystkim posiadanie przez pisarza brytyjskiego obywatelstwa można zaliczyć go również do grupy emigrantów-asymilantów, której przedstawiciele zaadaptowali się do życia na obczyźnie, przyjmując kulturę i obyczaje państwa, w którym zamieszkali. Przynależność autora do tej grupy ma istotne znaczenie zwłaszcza dla powieści *Grzybowstąpienie* (ros. *Руссофобка и фунгофил*), jako że Zinik wykorzystał w niej swoje obserwacje dotyczące emigrantów i dotykających to środowisko barier kulturowych. W związku z udaną asymilacją, po wyjeździe z ZSRR i Izraela, twórca wydał zbiór esejów *У себя за границею*, którego sam tytuł jest już znaczący. Wspomina tam życie w Rosji, podkreślając swoją przynależność do grupy rosyjskich emigrantów, opisuje fenomen emigracji i problemy, z którymi spotykają się osoby opuszczające swoją ojczyznę. Warto zaznaczyć, że badacze opisują Zinika jako emigranta tylko w aspekcie jego zainteresowań literackich, odnoszących się do emigracji, ponieważ niezaprzeczalnie jest on w pełni zasymilowany do życia w zachodniej rzeczywistości obywatelem Anglii⁹.

Zinik, mieszkając już w Wielkiej Brytanii, stale poszerzał swój dorobek literacki. W latach 80. ukazały się następujące tomy: *Ниша в пантеоне* (1981), *Уклонение от повинности* (1982), *Русская служба* (1983), *Руссофобка и фунгофил*¹⁰ (1985)¹¹. Łącznie na emigracji twórca opublikował osiemnaście utworów, które zostały przetłumaczone na wiele europejskich języków. Jego twórczość nie była szczególnie rozpoznawalna, a wydawane nakłady znacznie niższe niż innych pisarzy trzeciej fali emigracji rosyjskiej, takich jak: Aleksander Sołżenicyn, Wasilij Aksjonow czy Josif Brodski. Niemniej jednak należy zwrócić uwagę, że jedna z najpopularniejszych powieści Zinika — *Grzybowstąpienie* — już dwa lata po publikacji została przetłumaczona na język angielski. Co interesujące, w 1993 roku brytyjski nadawca publiczny BBC zdecydował się na ekranizację dzieła

⁸ A. Wołodźko, *Pasjerowie Rosji*..., s. 141.

⁹ K. Duda, *Zinowij Zinik (Rosjanin na emigracji)*..., s. 343.

¹⁰ Powieść *Руссофобка и фунгофил* została wydana w polskim tłumaczeniu 1 stycznia 1994 roku pod tytułem *Grzybowstąpienie*.

¹¹ W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej*..., s. 729–730.

Zinika, dzięki czemu pisarz zdobył popularność wśród zachodniej publiczności¹². Pomimo niewielkiej liczby czytelników w Związku Radzieckim wspomniana powieść zwróciła uwagę Moskiewskiego Teatru Komedii i Dramatu, zwanego Teatrem na Tagance, w którym została wystawiona sztuka na jej podstawie¹³.

Prozę autora *Grzybowstąpienia* badacze charakteryzują jako nie najprostszą w odbiorze i podkreślają, że nie każdy jego czytelnik jest zdolny do analizy istoty powieści. Fabuła w twórczości Zinika odgrywa drugoplanową rolę w porównaniu z zarysowanymi w obrazach bohaterów procesami psychologicznymi. Zwrócenie uwagi na psychologiczne aspekty postaci stało się kluczowym zadaniem dla autora. Chciał przede wszystkim zobrazować sylwetkę emigranta i problemy, z jakimi spotka się na swojej drodze, żyjąc w obcym państwie¹⁴. Pomimo tego, że dzieła Zinika są przepełnione ironią, satyrą, samoanalizą zachowawczą i groteską, podkreślają, że nie czuje się satyrykiem czy przedstawicielem postmodernizmu bądź realizmu, albowiem jego proza nie odpowiada kryteriom wymienionych nurtów. Mając na uwadze niejednorodny styl tej prozy, autora *Grzybowstąpienia* określa się jako pisarza eksperymentatora, dla którego najważniejszym aspektem w twórczości jest poszukiwanie własnego stylu, formy i słowa w nowym, paradoksalnym znaczeniu¹⁵.

Grzybowstąpienie — obraz emigrantów

Jeden z najpopularniejszych utworów Zinika — *Grzybowstąpienie*, pierwotnie został opublikowany w języku rosyjskim w 1985 roku w Londynie. Czytelnik powieści poznaje małżeństwo Rosjanina — Konstantego, i Angielki — Cleo. Bohaterowie pierwotnie zdecydowali się zamieszkać w ZSRR, jednak w wyniku różnych okoliczności, które napotkali na swojej drodze, postanowili następnie przeprowadzić się do Anglii. Niezależnie od miejsca zamieszkania borykają się oni z problemami życia codziennego (ZSRR — Anglia). Tom jest ironicznym obrazowaniem zderzenia mentalności Rosjanina i Angielki, a także groteskowym przedstawieniem różnorodnych kultur Wschodu i Zachodu, prześmiewczo wydobywającym ich wady. Autor *Grzybowstąpienia* skupia się na odtwarzaniu procesów

¹² Р. Кацман, *Русско-израильская литература и «чудовищный двойник» (случай Зиновия Зиника)*, „Iudaica Russica” 2023, nr 2 (11), c. 11–14.

¹³ A. Wołodźko, *Pasierbowie Rosji...*, s. 141.

¹⁴ Tamże.

¹⁵ Tamże, s. 145–146.

myślowych, które dotyczą nie tylko współczesnych dla postaci wydarzeń, ale również faktów z przeszłości. Główny wątek dzieła często przerywają retrospekcje — wspomnienia bohaterów, dzięki czemu twórcy udaje się budować holistyczny obraz ich mentalności, tożsamości i kultury narodowej¹⁶. Zinik wytyka wady dwóch narodów, posługując się postaciami drugoplanowymi, takimi jak Marga, Anthony i Pan Tadeusz, który z uwagi na swoje polskie pochodzenie przez pozostałych protagonistów nie jest traktowany ani jako przedstawiciel Zachodu, ani Wschodu¹⁷. Pan Tadeusz pełni funkcję łącznika pomiędzy dwoma różnymi narodami, jednakże wciąż dla pozostałych postaci jest w pewnym stopniu obcy ich kulturze. Zinik, tak jak i inni pisarze emigracyjni, podkreśla, że emigracja nie jest rozwiązaniem dotychczasowych problemów, z którymi człowiek spotyka się, żyjąc w ojczyźnie. Wyjazd za granicę, do innego państwa wiąże się z koniecznością zaadaptowania się w nowej rzeczywistości, przyjęcia języka i kultury nowego środowiska. Natomiast pełna adaptacja powinna odbywać się z zachowaniem dotychczasowej tożsamości kulturowej, bez odrzucenia wartości państwa przyjmującego¹⁸. W przypadku Kostii główną przyczyną problemów z adaptacją w Anglii jest posiadanie przez niego licznych cech *homo sovieticus*.

Uznaje się, że pierwszą osobą, która użyła wspomnianego terminu w negatywnym znaczeniu, był Aleksandr Zinowiew, dla którego *homo sovieticus* stał się synonimem moralnej degradacji człowieka. Dzięki niemu pojęcie to szeroko się rozprzestrzeniło, określając ten typ człowieka jako nieudany eksperyment socjalistycznej władzy, która zamiast stworzyć wyidealizowany wzorzec zachowania, wykreowała wyniszczonego przez totalitarną władzę człowieka o licznych negatywnych cechach. *Homo sovieticus* charakteryzował się głównie nieufnością, problemami z samodzielnością i podejmowaniem decyzji, podejrliwością, biernością, apatią, oportunistem, pretensjonalnością, lenistwem i ogólnym brakiem zaangażowania¹⁹. Przedstawiony wzorzec człowieka jest rezultatem działań politycznych i ideologicznych władzy w ZSRR, a obywatele tego państwa, żyąc w odizolowanym od reszty świata społeczeństwie, mieli ograniczone możliwości zapoznania się z zachodnią kulturą i jej wartościami.

¹⁶ K. Duda, *Przestrzeń fizyczna i bariery mentalne w doświadczeniu emigrantów rosyjskich („Grzybowstąpienie” Zinowija Zinika)*, „Politeja” 2019, t. 16, nr 1 (58), s. 378–379.

¹⁷ Zob. 3.P. Шарипова, *Национальные черты характера англичан, русских и башкир в формировании этнокультурной компетенции*, «Вестник науки» 2022, № 11 (56), с. 177–182.

¹⁸ K. Duda, *Przestrzeń fizyczna i bariery mentalne...*, s. 378–379.

¹⁹ W. Parniewski, *Homo sovieticus* (A. Zinowiew, M. Heller, J. Tischner), „Acta Universitatis Lodzienensis. Folia Literaria” 1995, nr 37, s. 135–136.

Zinik, wykorzystując w powieści wzorzec *homo sovieticus*, wykreował Konstantego, którego negatywne cechy uniemożliwały asymilację w nowej rzeczywistości, w Anglii. Co więcej, wcześniej te same cechy przyczyniły się do podjęcia przez bohatera decyzji o opuszczeniu ojczyzny. Jego pretensjonalność i szereg nieporozumień doprowadziły do sytuacji, w której został dotkliwie pobity w czasie pracy. W obliczu zagrożenia, będąc zmuszonym bronić się przy użyciu dostępnych środków, posłużył się jedną z produkowanych tam konserw. Gdy pobity mężczyzna zdecydował się opuścić zakład, w którym doszło do tego groteskowego wydarzenia, został oskarżony o kradzież żywności. Wynikiem tego incydentu była utrata przez bohatera posady. Kumulacja problemów zawodowych i obawy przed możliwymi konsekwencjami wcześniejszych wydarzeń skłoniły Konstantego do wyjazdu z żoną do Anglii²⁰. W tym momencie ich role się odwróciły. Teraz to on zaczął borykać się z problemami życia na emigracji, z którymi wcześniej walczyła Cleo. Zinik przedstawia negatywne cechy bohatera, które utrudniają mu przystosowanie się do życia w obcym państwie. Po opuszczeniu ojczyzny jego nastawienie do wszystkiego, co zachodnie i wschodnie, drastycznie uległo zmianie. Przed wyjazdem Konstanty fascynował się zachodnią kuchnią, polityką, a jego stosunek do wschodniego ustroju zbliżony był do nastawienia przedstawicieli ruchu dysydenckiego. Tymczasem życie w obcym państwie stało się codzienną walką z zachodnią kulturą i tamtejszymi zwyczajami, ponieważ przy każdej rozmowie z przedstawicielami Zachodu mężczyzna czuł, że jego wartości i tożsamość kulturowa są zagrożone²¹. Ze względu na stałe poczucie zagrożenia Konstanty w pełni odrzucił wartości panujące w Wielkiej Brytanii. Warto zwrócić uwagę, że przykładowo zwykłe rozmowy o herbatce sprowadzane były do nerwowych odpowiedzi mężczyzn, w których próbował bronić swoich przekonań, pomimo że nikt go nie atakował. Kostia nie potrafił neutralnie rozmawiać z Cleo, Margą i Anthonym, stale podkreślał niedoskonałości angielskich zwyczajów i kultury. Ciągłe poczucie bycia ofiarą zachodniego społeczeństwa, całkowite odrzucenie zachodniej kultury i alienacja ze społeczeństwa doprowadziły do tragicznego finału.

Zinik w powieści *Grzybowstąpienie* zwraca również uwagę na problemy życia na emigracji przedstawiciela Zachodu — Cleo, która wraz ze swoim mężem pierwsze lata po ślubie spędziła w Związku Radzieckim. Przed ślubem z Konstantym kobieta

²⁰ Zob. R. Grzybowski, *Moralność komunistyczna jako konstytutywny składnik osobowości nowego człowieka (homo sovieticus)*, „Pedagogika. Studia i rozprawy” 2018, nr 2 (26), s. 326–330.

²¹ K. Duda, *Przestrzeń fizyczna i bariery mentalne...*, s. 379.

charakteryzowała się skrajnie lewicowymi poglądami, była zafascynowana Związkiem Radzieckim, o którym zdobywała informacje od swojej przyjaciółki Margi. To dzięki niej Cleo poznała w radzieckiej Rosji swojego przyszłego męża i jego przyjaciół, którzy przejawiali dysydenckie poglądy, stające się główną barierą między nimi. Wśród pozostałych barier dzielących przedstawicieli dwóch różnych kultur można też wymienić problemy komunikacyjne wynikające ze słabej znajomości języka rosyjskiego przez kobietę, ale także z nieznajomości kultury i obyczajów panujących w ZSRR. Na przykład fascynacja Rosjan przedwojenną angielską literaturą i zachodnim stylem życia wydała się Cleo całkowicie abstrakcyjna.

Междудвумя туземцами, рвавшими друг у друга одну книгу, вспыхнул непонятный Клио спор: кто лучше — Фолкнер или Хемингуэй? Она смутно помнила имена этих двух довоенных писателей, которыми зачитывалась ее бабушка²².

Przytoczony cytat wyraźnie pokazuje, że bohaterka nie rozumie zachwytu Rosjan nad wspomnianymi angielskimi autorami, tak samo jak obywatele ZSRR w żaden sposób nie pojmują jej poglądów politycznych. Rozbieżność światopoglądów doprowadziła do izolacji Cleo od najbliższego grona przyjaciół jej męża, którzy w rezultacie przestali się również widywać z samym Kostią. Te codzienne życiowe sytuacje pokazują, jak trudne, a często niemożliwe, staje się dla obcokrajowca przezwyciężenie mentalnych granic dzielących dwa różne narody.

Emigracja jako koncepcja literacka

Zinik jako dobrowolny emigrant, dla którego chęć wyjazdu była silniejsza niż przywiązanie do ojczyzny, rodziny i przyjaciół, określa bezpowrotną emigrację jako poszukiwanie nowego doświadczenia²³. Twórca, w odróżnieniu od wielu innych pisarzy okresu trzeciej fali emigracji rosyjskiej, przedstawia swój wyjazd jako wolny od pobudek dysydenckich. Jego celem było stanie się „obcym”, zwykłym emigrantem. Jak przyznaje, dzięki wyjazdowi udaje mu się w pełni obserwować świat z innego punktu widzenia niż ten dotychczasowy, za czasów życia w ZSRR²⁴. Autor *Grzybowstąpienia*,

²² З. Зиник, *Русофобка и фунгифил*, РУССЛИТ, Москва 1991, с. 23.

²³ K. Duda, *Zinowij Zinik (Rosjanin na emigracji)*..., s. 344.

²⁴ Эмиграция как литературный прием. С писателем З. Зиником беседует обозреватель С. Тарошин, «Литературная газета», 20.03.1991, с. 11, cyt. za: A. Wołodźko, *Pasierbowie Rosji*..., s. 144.

kreując postać Konstantego na podstawie własnych obserwacji otaczającej go rzeczywistości, przedstawia, jak człowiek pragnąć wyjazdu ze swojej ojczyzny idealizuje to, czego faktycznie nie zna. Bohater powieści, mieszkając w Anglii, zaczyna odczuwać nostalgię za swoją ojczyną, docenia to, co stracił, przestaje idealizować to, co było mu wcześniej nieznane. Scharakteryzowany jako przedstawiciel *homo sovieticus*, odczuwa strach przed nową otaczającą go rzeczywistością. Jako sposób obrony przed utratą jedynego, co mu pozostało po wyjeździe z ojczyzny — radzieckiej tożsamości kulturowej, tworzy traktat *Toska po rodzinie*²⁵. Dzieło Konstantego jest opisem wewnętrznych emocji, przedstawia samotnego, wyobcowanego człowieka, teskniącego za Związkiem Radzieckim. Utrata ojczyzny porównana zostaje tu do bólu odczuwanego przy nowotworze czy dżumie i określona jako choroba wyniszczająca wszystkie pozostałe uczucia i myśli. Tak jak bohater jego tekstu Kostia obwinia za swoje cierpienie zachodnie społeczeństwo, w tym swoje najbliższe otoczenie, do którego należą Cleo, Marga i Anthony. Ów „traktat Rosjanina” stanowi pewnego rodzaju podsumowanie doświadczeń przedstawicieli Wschodu na emigracji²⁶.

W finale powieści Zinika ujawnia się trzeci osobowy narrator (po czym narracja zostaje zmieniona na pierwszoosobową) — jest nim inny Rosjanin, pisarz-emigrant, któremu udało się w pełni zasybilować w obcym państwie. Jego interpretacja traktatu Kostii mocno i wyraźnie oddaje istotę *Grzybowstępienia*. Przywołajmy ten fragment:

Короче, в этом профессоре Похлебкине чувствовался чуть ли не самоанализ Константина, и все это тянуло бы на вполне сносный роман, если бы не перемежалось бесконечными философскими отступлениями и пересоленной символикой кулинарных рецептов, которые герой изучает в связи с биографией крепостного Апелеса. Эта навязчивая кулинарная символика должна подчеркнуть фундаментальные различия в восприятии мира в желудочном, то есть, согласно профессору, в религиозно-почвенном смысле, между Востоком и Западом. Герой Константина, естественно, пессимист, то есть считает, что роковая пропасть в этом понимании никогда не будет преодолена и что западный человек никогда не сможет понять, в чем прелест вонючей воблы, точно так же, как русский человек не станет есть лягушек; то есть, мол, Пушкин останется непонятным для иностранцев точно так же, как Данте навсегда останется восхитительной загадкой для русских. Сближение двух культур, короче, совершенно безнадежное дело²⁷.

²⁵ K. Duda, *Zinowij Zinik (Rosjanin na emigracji)*..., s. 344–347.

²⁶ Tamże.

²⁷ З. Зиник, *Русофобка и фунгифил...*, с. 232.

W przytoczonym cytacie możemy zauważyc, że Profesor Po-chlebkin jako narrator-asymilant nie rozumie, dlaczego tacy ludzie jak Kostia decydują się na emigrację. Zinik zwraca uwagę, że większość osób wyjeżdżających za granicę żyje idylliczną wizją Zachodu, nie mogąc znieść realiów sowieckiej rzeczywistości. Zderzenie się z obcymi kulturą, językiem i obyczajami po jakimś czasie wywołuje jednak u nich tęsknotę za utraconą przeszłością. Postać Profesora, pisarza-emigranta, któremu udało się zasymilować w obcym państwie, przywodzi na myśl sylwetkę autora powieści, co sprawia, że narrator pełni także funkcję *porte-parole* Zinika. Z kolei interpretacja traktatu Konstantego służy jako komentarz do własnej powieści, odnoszącej się nie tylko do postaci głównego bohatera, ale również do innych pisarzy, którzy decydowali się na wyjazd ze Związku Radzieckiego, oczekując, że rozwiąże on wszystkie ich dotychczasowe problemy. Często jednak nie byli nawet w stanie nauczyć się języka swego nowego państwa, a co dopiero przyjąć jego kulturę i obyczaje.

Pierwotnie repatriacja, a następnie emigracja dały Zinikowi możliwość obserwowania wszystkich związanych z tym zjawisk i procesów. Twórca stał się zdystansowanym ich komentatorem. Powieść *Grzybowstąpienie* jest tego przykładem, jako że prezentuje szczegółowy obraz zderzenia kultur i uczucia wyobcowania. Wyjazd z ZSSR spotęgował u pisarza zainteresowanie tematyką emigracyjną. Poprzez kreacje bohaterów literackich, niezależnie od ich narodowości, opowiada on o świecie, bezpośrednio nie ujawniając przy tym własnego stanowiska²⁸. Przedstawia proces emigracji, akcentując problematykę utraconej ojczyzny, języka, tożsamości kulturowej, odwołując się do problemów społecznych w Anglii i Związku Radzieckim, wprowadza motywy utraconego domu²⁹.

Zinowij Zinik jako repatriant, dobrowolny emigrant nie wykorzystuje uzyskanej poza granicami ojczyzny swobody literackiej do dysydencji walki z totalitarnym aparatem państwa sprawującym władzę w Związku Radzieckim. Za pomocą groteski i absurdu przedstawia panujące realia swoich dwóch ojczyzn, wytyka wady mentalności obu narodów, prezentując obyczaje, tradycje czy poglądy polityczne, ale także zwraca uwagę na powody i konsekwencje wynikające ze zderzenia dwóch różnych kultur i problemów wywołanych odrzuceniem wartości państwa przyjmującego. Twórca określany jako fantasta i humorysta w powieści

²⁸ Л. Шевченко, *Россия, Запад и эмиграция в сборнике Зиновия Зиника «Эмиграция как литературный прием»*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2022, nr 12, c. 133.

²⁹ С. Трунин, *Феномен эмигрантской литературы в современной публицистике (сборник эссе Зиновия Зиника «Эмиграция как литературный прием»)*, «Журналистика» 2012, № 14, с. 401.

Grzybowstąpienie podkreśla wartości moralizatorskie³⁰. Fabuła opowiadająca groteskową historię mażeństwa Rosjanina i Anielki w rzeczywistości stanowi obraz nieszczęśliwej pary Cleo i Konstantego. Pojawiające się między nimi problemy są wynikiem bariery językowej, a z kolei język jest nieodłączną częścią kultury danego narodu. Para, posiadająca odmienne zbiory wartości moralnych będące wynikiem wychowania w dwóch różnych ustrojach — kapitalistycznym i socjalistycznym — doświadcza różnic poglądów politycznych oraz trudności w rozumieniu i przestrzeganiu zasad życia społecznego w państwie przyjmującym. Z kolei zastosowanie pierwszoosobowej narracji pełniącej funkcję *porte-parole* autora umożliwia podsumowanie losów tragikomicznego mażeństwa. Pomimo przeciwności losu, które emigranci spotykają na swojej drodze, są w stanie je przezwyciężyć, zaadaptować się w obcym państwie dzięki przyjęciu jego kultury, ale nie zatracając ojczystej tożsamości.

Bibliografia

- Bazyłow L., Wieczorkiewicz P., *Historia Rosji*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 2005.
- Duda K., *Przestrzeń fizyczna i bariery mentalne w doświadczeniu emigrantów rosyjskich („Grzybowstąpienie” Zinowija Zinika)*, „Politeja” 2019, t. 16, nr 1 (58), s. 377–388.
- Duda K., *Zinowij Zinik (Rosjanin na emigracji)*, w: *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — estetyka — recepcja*, red. A. Woźniak, Wydawnictwo KUL, Lublin 2013, s. 341–353.
- Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*, red. A. Drawicz, L. Suchanek, Universitas, Kraków 1993.
- Grzybowski R., *Moralność komunistyczna jako konstytutywny składnik osobowości nowego człowieka (homo sovieticus)*, „Pedagogika. Studia i rozprawy” 2018, nr 2 (26), s. 325–339.
- Gwiźdz M., Aleksandra Zinowiewa koncepcja istoty „homo sovieticus”: wymiar psychologiczno-antropologiczny, w: *Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze: księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Lucjanowi Suchankowi*, T. 2, red. K. Duda, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2008, s. 155–164.
- Kasack W., *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku*, przel. B. Kodzis, Ossolineum, Wrocław 1996.
- Parniewski W., *Homo sovieticus (A. Zinowjew, M. Heller, J. Tischner)*, „Acta Universitatis Lodzienensis. Folia Litteraria” 1995, nr 37, s. 135–151.
- Wołodźko A., *Pasierbowie Rosji: o prozaikach trzeciej emigracji*, Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf”, Warszawa 1995.
- Алексеева Л.М., *История инакомыслия в ССР. Новейший период*, Московская Хельсинкская группа, Москва 2012.

³⁰ *Литература русского зарубежья (1920–1990)*, ред. С.С. Васильева, А.В. Млечко, О.А. Павлова, А.И. Смирнова, Флинта, Москва 2012, с. 445.

- Байбатырова Н.М., *Советская система в отражении публицистики авторов «третьей волны» русской эмиграции*, «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» 2019, № 3 (34), с. 69–75.
- Барковская Н.В., Юркина А.Н., «С полурусского, полузабытого...»: Выбор языка как психологическая проблема эмигранта, «Филологический класс» 2016, № 3 (45), с. 58–62.
- Зиник З., *Руссофобка и фунгофил*, РУССЛИТ, Москва 1991.
- Кацман Р., *Русско-израильская литература и «чудовищный двойник» (случай Зиновия Зиника)*, „Iudaica Russica” 2023, nr 2 (11), с. 1–24.
- Латынина М.И., Хренова Н.Ф., *Национальные аспекты менталитета англичан*, «Инновации в науке» 2018, № 11 (87), с. 14–16.
- Литература русского зарубежья (1920–1990), ред. С.С. Васильева, А.В. Млечко, О.А. Павлова, А.И. Смирнова, Флинта, Москва 2012.
- Минеева И.Н., *Эмиграция как сюжет в современной русской литературе (З. Зиник и К. Кобрин)*, «Вестник СПбГУ» 2014, № 4, с. 96–104.
- Никитина К., интервью с З. Зиником, Зиновий Зиник: Я может быть, и уехал, чтобы быть иностранцем, Журнал Зима, 07.04.2015, <https://zimamagazine.com/2015/04/zinovij-zinik/> [20.08.2024].
- Сергеева А.В., *Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность*, Флинта наука, Москва 2020.
- Трунин С., *Феномен эмигрантской литературы в современной публицистике* (сборник эссе Зиновия Зиника «Эмиграция как литературный прием»), «Журналістыка» 2012, № 14, с. 400–403.
- Шарипова З.Р., *Национальные черты характера англичан, русских и башкир в формировании этнокультурной компетенции*, «Вестник науки» 2022, № 11 (56), с. 177–182.
- Шевченко Л., *Россия, Запад и эмиграция в сборнике Зиновия Зиника «Эмиграция как литературный прием»*, „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2022, nr 12, с. 125–139.

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski

<http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Конармия Исаака Бабеля: еврейские контексты

ARMIA KONNA IZAKA BABLA: KONTEKSTY ŻYDOWSKIE

Streszczenie: Obiekt analizy stanowią wybrane z tekstu Babla zdania i połączenia wyrazowe, w których zawarte są odniesienia do tematyki żydowskiej w kontekście egzystencji Żydów na tle grabieży i działań wojennych w okresie wojny domowej na początku lat 20. XX wieku. Omawiane wydarzenia rozgrywają się na terytorium wschodniej Polski i zachodniej Ukrainy. Pojawienie się przedstawicieli lokalnego środowiska żydowskiego, ich wygląd zewnętrzny, zajęcia, odzież, zachowanie, jak również stosunek otoczenia do nich, wzajemne relacje wewnętrz rodzinny i wspólnoty oraz pomiędzy wspólnotami są obiektem stopniowej klasyfikacji semantycznej. Autor wydziela grupy i podgrupy, których ilustracyjny opis i charakterystyka pozwalały zauważać i zrozumieć nie tylko zachodzące wydarzenia, lecz także to, czym jest przedstawiony w utworze Babla świat żydowskiej egzystencji. Skutkiem takiego podejścia jest semantyczny, oparty na wyróżnianych cechach opis tego, co składa się na żydowskie właściwości i żydowską specyfikę zarówno w odniesieniu do opisanego w tekście utworu czasu i przestrzeni, jak i w szerszej perspektywie.

Słowa kluczowe: konteksty definicyjne, semantyka, cechy semantyczne, konceptualność, parametry opisu

ISAAC BABEL'S CONARMY: JEWISH CONTEXTS

Summary: The references to the Jewish theme selected from Babel's text, occurring in the form of sentences and phrases, formed the subject of analysis, the meaning of which was determined by the representation of the image of Jewish existence against the background of looting, military operations during the civil war of the early 20s of the twentieth century. The events are taking place on the territory of eastern Poland and western Ukraine. The appearance of representatives of the local Jewish environment, their appearance, occupations, clothes, actions, behavior, as well as attitudes towards them from others, their relationships with these others, their internal relationships — in the family, in the community, between communities, among themselves — all this becomes the object of a consistent semantic distribution. There are distinguished groups and subgroups, the visual, viewable description and characteristics of which make it possible to see and understand not only what is happening, but also what the world of Jewish existence depicted by Babel in his work represented. The consequence of the proposed consideration could be a semantic, according to the highlighted features, characterizing the description of what constitutes Jewish features and Jewish specifics, both in relation to the time and space shown in Babel, and in a broader perspective.

Keywords: defining contexts, semantics, semantic features, conceptuality, description parameters

В связи с заявленной темой и в отношении к тексту произведения Исаака Бабеля первое, над чем стоит задуматься, это то, почему в Конармии довольно последовательно появляются обозначенные контексты и какова их возможная роль. Не хо-

телось бы отвечать на этот вопрос обобщенно и однозначно, сделав это предметом дальнейшего рассмотрения с заключающим выводом и подчинив ему, в большей либо в меньшей мере, последующее. Поставив этот вопрос, имеет смысл обратиться к тому, что можно себе представить как позицию автора. Позицию, которая не только предполагает его присутствие, иногда непосредственно отраженное в тексте, но и дает возможность читателю увидеть происходящее глазами и с точки зрения повествователя. Не как стороннего наблюдателя, а как участника, наравне и в ряду с другими¹. Описываемое и представляемое у Бабеля в этом смысле можно воспринимать как хронику отображаемых событий² с теми, кто в них себя проявляет и действует. В них себя проявляет и действует также и пишущий.

С тем чтобы подойти к анализу выбранных из произведения контекстов, с определением в нем позиции автора, касаясь вопроса этой позиции, можно представить ее себе как вхождение – в толщу пространства изображаемого бытия. И таким же вхождением, в толще имеющегося, движущегося в ней существования, было бы то, что связывается в нем с еврейским наличием и присутствием. Авторское положение в том, что показывается и отображается, и это следует уточнить, не чуждо и не сторонне в нем, но и не тождественно, не эквивалентно ему, не совпадает с ним и себя с ним не идентифицирует. На-

¹ Позиция автора-рассказчика, его сходство и несовпадение (не полное совпадение) с писателем, в том числе и в биографическом аспекте, были предметом рассмотрения в работах: Ф.М. Штейнбук, *К проблеме главного героя в книге Исаака Бабеля «Конармия»*, «Литература в контексте культуры» 2002, вип. 8, с. 29–37; И.В. Юзевович, «Лицний человек» и «тaluš». Социальные и исторические предпосылки появления «беспочвенного героя», «Тирош. Труды по иудаике» 2011, № 11, с. 35–48; И.В. Юзевович, «Лицний человек» и «тaluš». «Лицний человек» как проекция отчуждения писателя, «Тирош. Труды по иудаике» 2012, № 12, с. 233–242; И.В. Юзевович, Герой-бунтарь в контексте прозы И.Э. Бабеля, «Вестник славянских культур» 2020, т. 55, с. 173–185; Е.И. Погорельская, Конармейский дневник Исаака Бабеля в контексте биографии, истории и литературы, дис... канд. филол. наук, Москва 2022.

² Исторический, дневниковый, хроникальный характер произведений Бабеля, Конармии в первую очередь, затрагивают Л. Дарьялова, *Проблемы историзма повести И. Бабеля «Конармия»*, «Учёные записки Калининградского университета» 1968, № 1, с. 109–122; Э. Коган, *Работа над «Конармиею» в свете полной версии «Планов и набросков»*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 78–87; И. Сухих, О звёздах, крови, людях и лошадях: 1923–1925. «Конармия» И. Бабеля, «Звезда» 1999, № 12, с. 222–232; Ф.М. Штейнбук, *О мотивах и толосах «Конармии»* И.Э. Бабеля, «Культура народов Причерноморья» 2002, № 34, с. 95–98; И.А. Есаулов, *Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля*, Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», София 2011; Г.С. Жарников, *Поэтика «переходного мира» в прозе Исаака Бабеля (на материале циклов «Конармия» и «Великая Криница»)*, дис... канд. филол. наук, Самара 2018. Размышления на тему историзма и биографизма можно также найти у авторов обширного (792 с.) издания: Е.И. Погорельская (отв. ред.), *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век*, Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016.

ходясь внутри, оно в нем обособленно, имея способность смотреть и оценивать наблюдаемое с собственной, и при этом осознаваемой, позиции, хотя и не со стороны. То же можно увидеть у Бабеля и в приложении к еврейским контекстам³.

Приведенное замечание важно для понимания главного в отношении того, о чём речь. Внутренним побуждением предлагаемого рассмотрения было то, что можно представить как отображаемую в тексте произведения картину еврейского, но не присутствия, не бытия, а положения, места и функции — в том, что его окружает, а окружая, вбирает, не поглощая и не адаптируя. Не параллельно то и другое и неозвучно одно в другом, гармонии нет, как и нет резонанса, а то, что есть, можно считать включенной позицией, которую следует определить. Мир еврейского у Бабеля не изолирован в том, что его окружает, но, будучи собственным, взаимодействует с ним и участвует в нем. Своим, также собственным, образом.

Говоря о картине еврейского отражения, значимым для такого анализа представлялись места, — с одной стороны, передвижения, следования тех, кто мы и кто наши, т.е. конармии, а с другой своей стороны, и это было бы определяющим, возникновения частых и неизбежных при этом передвижении еврейских мотивов и образов. С появлением где-либо, в каком-то городе, поселении, местечке, повествователь постоянно и неизменно сталкивается в нем с еврейским присутствием. Важен, однако, не столько сам этот факт, сколько то, что в каждом таком возникающем месте находит свое выражение нечто имеющее свое отношение к постепенно себя собирающей в некую связную общность картине⁴. Взаимодействуют

³ Затрагиваются эти вопросы, но как попутные, в ряде работ, специально об этом, хотя с иной стороны, см. М. Фридберг, *Еврейские фольклорные мотивы в «Конармии» Бабеля* // Б. Аверин, Э. Нитрауэр (ред.), *Русская литература XX века. Исследования американских ученых*, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Петро-РИФ, Университет Джеймса Медисона (Вирджиния, США), Санкт-Петербург 1993, с. 436–445; А.В. Подобный, *Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» 2008, № 71, с. 122–129. О евреях, еврейском и месте еврейского в творчестве Бабеля, в том числе и в философском аспекте, см. оригинальную и интересную работу: А.К. Жолковский, М.Б. Ямпольский *Бабель/Babel, Carte Blanche*, Москва 1994.

⁴ Возникающая в данной связи проблема жанра, а также стиля и языка анализируемого произведения, которая, с точки зрения поставленной задачи, не могла нас интересовать, по-разному определяемая и характеризуемая у разных авторов, как дневник, дневниковые записи, сборник новелл, рассказов, сказовый цикл, историческая хроника и пр., в том числе с учетом особенностей композиции, — эта проблема находит отражение в работах: В.В. Тарасова, *Стиль Исаака Бабеля («Конармия»)*, дис... канд. филол. наук, Екатеринбург 1999; Ф.М. Штейнбук, *Прерывность непрерывного как основа композиционного единства «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 7, с. 99–105; Ф.М. Штейнбук, *Циклізація як засіб осягнення глибинних змістів: На прикладі «Кінармії» І.Е. Бабеля*, «Всесвітня література в середніх навчальних закладах України» 2002, № 12, с. 54–55;

в ней статическое и динамическое, статическое как свойственное и постоянное, или константное, и статическое наблюдавшего переменного; равно как и динамика свойственности и динамика изображения, динамика наблюдаемого. Возьмем для примера первый такой еврейский контекст:

Поздней ночью приезжаем мы в Новоград. Я нахожу беременную женщину на отведенной мне квартире и двух рыжих евреев с тонкими шеями; третий спит уже, укрывшись с головой и приткнувшись к стене. Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате, обрывки женских шуб на полу, человеческий кал и черепки сокровенной посуды, употребляющейся у евреев раз в году — на Пасху.

— Уберите, — говорю я женщине, — как вы грязно живете, хозяева...

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают обломки с полу, они прыгают в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся. Они кладут мне распоротую перину, и я ложусь к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем. Пугливая нищета смыкается тотчас над моим ложем⁵ (с. 6).

Идя по порядку, то, что Я нахожу, можно считать статическим наблюдаемого, равно как и беременную женщину, на отведенной мне квартире, двух рыжих евреев и все остальное, до Уберите, которое заряжено динамично, динамикой изображения. Его подытоживающее заключение как вы грязно живете, хозяева будет статическим свойственным, постоянным (равно как и посуда на Пасху). Далее следует динамика наблюдаемого: Два еврея снимаются с места, прыгают, убирают, шеи их пухнут и вертятся, кладут, я ложусь. То, что на войлочных подошвах, обломки с полу, в безмолвии, по-обезьяньи, распоротую перину, будет статическим свойственным, характеризующим образы отображаемой еврейской картины. То, что к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем, есть статика изображаемого; Пугливая нищета смыкается — динамика свойственного при тотчас над моим ложем, которое будет статикой изображаемого.

Ф.М. Штейнбук, Жанровое своеобразие и внутреннее единство «Конармии» И.Э. Бабеля, дис... канд. филол. наук, Ялта 2002; Ли Су Ен, Поэтика циклов И.Э. Бабеля «Конармия» и «Одесские рассказы», дис... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2005; К.А. Кадырова, Жанровое своеобразие новелл в книге И.Э. Бабеля «Конармия», «Вестник Дагестанского государственного университета» 2008, вып. 4, с. 40–45; М. Соколянский, Книга новелл или роман? (о жанре «Конармии Бабеля»), «Проблемы сучасного літературознавства» 2012, № 16, с. 111–120; З. Бар-Селла, Иосиф Ужасный: От текстологии к композиции // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте..., с. 44–74. Многосторонний анализ книги, не только жанровый в том числе, но и текстологический, можно найти в работе: Г.А. Белая, Е.А. Добренко, И.А. Есаулов, «Конармия» Исаака Бабеля, РГГУ, Москва 1993.

⁵ И. Бабель, Конармия, третье издание, Государственное издательство, Москва–Ленинград 1928. Все цитаты взяты из этого издания, номера страниц указаны в тексте в скобках.

Возникающая в результате картина складывается в данном месте (*Новоград, в отведенной квартире*) из признаков, определяемых как состав (женщина, два еврея плюс третий), внешний облик (беременная, рыжие с тонкими шеями), положение (спит, укрывшись с головой и повернувшись к стене), внутренность помещения (развороченные шкафы, обрывки женских шуб на полу и все прочее в отведенной мне комнате), предметы (шкафы, женские шубы, посуда, перина), одежда и обувь (на войлочных подошвах), движения (снимаются с места, убирают обломки с полу, прыгают, в безмолвии, по-обезьяньи, шеи пухнут и вертятся, кладут мне распоротую перину). И в этой картине находит свое выражение то, что общее, то, что свойственное, и то, что делает ее актуально привязываемой к данному, как еврейскому, расположению, в том, что его окружает и что существует, в нем отражаясь и вторгаясь в него.

Это последнее, через общий военный контекст и аспекты просматриваемого разорения — развороченные шкафы, то, что валяется на полу, распоротая перина, — делает представление о свойственном значимым в том отношении, что оценку автора (как вы грязно живете, хозяева), равнодушие к месту, пугливую нищету следует воспринимать как следствие произведенного разграбления⁶, направленного со стороны враждебно настроенного внешнего на то, что необходимо определять как еврейское существование и бытие, в данном его пространственном проявлении (восточная Польша, западная Украина).

Находит свое выражение в приведенном отрывке и позиция повествователя, в трех себя повторяющих также впоследствии проявлениях — наблюдателя, оценивающего и участника. Позиции эти, как правило, не совместимы: первое отражает себя в описаниях, второе — обычно в репликах, а участие — в производимых действиях и заключающих их комментариях.

Касаясь затрагиваемого вопроса изображаемой картины еврейского разорения, в данное изображаемое время, в данных местах, равно как и еврейского бытия, в данном пространственном проявлении, следует обратить внимание на то, какие семантические проекции позволяют автору этот вопрос представлять. Часть из них была названа в приведенном порядке

⁶ Ср. такие высказывания: «В Конармии перед нами разворачиваются картины медленного угасания еврейской окраины», «В первой же новелле цикла... явственно раскрывается образ Смерти», «Два плана создает Бабель: смерть привычных устоев жизни и веры («Я нахожу развороченные шкафы в отведенной мне комнате...») и смерть человека («Мертвый старик лежит там, закинувшись навзничь...»)». (А.В. Подобрий, *Еврейский мир...*, с. 123).

состава, положения в смысле занимаемой позы (*спит, укрывшись с головой и приткнувшись к стене*), внутренности помещения, предметов и пр. Другая часть находит свое отражение в последующих фрагментах. Прежде чем передать ее в полном текстовом виде, значимым для производимого рассмотрения будет введение еще одного основания — того, что, следуя из описания, проявляет себя как определяющие параметры наблюдаемого, или признаки свойственного, проприативного, в отношении того, что еврейское, в представлении автора.

Покажем это на том же отрывке. В том, что изображается как объект описания, видим мы, для состава, беременную женщину, двух рыжих евреев с тонкими шеями и третьего спящего, укрывшегося с головой и приткнувшегося к стене. Далее следуют, во внутренности помещения и как предметности, развороченные шкафы, со всем тем, что, разорванное, разбитое, обломки и мусор, включая черепки сокровенной посуды для Пасхи, валяется на полу. После чего, с переходом от обращения повествователя к хозяевам, возникают движения: «Два еврея снимаются с места. Они прыгают, убирают обломки, их шеи пухнут и вертятся, кладут мне распоротую перину, к стенке, рядом с третьим, заснувшим евреем».

Что представляет и что содержит в себе такая картина, не сама по себе, не как картина увиденного, а как картина еврейского состояния, в данном месте, в данное время, в данном пространственном проявлении? Если бы не было этого важного автору на еврейском акцента, не повторялось бы им то, что два рыжих еврея, что у евреев на Пасху и все остальное, в том числе также далее. Автору это важно, стремится он это отобразить, показывая, что оно есть такое и в чем его специфичность, отделяясь в изображаемом от прочего. Средствами этого различия (об обособлении не хотелось бы говорить) становятся для него представляемые им картины и образы.

Исходя из этого, определяющими параметрами семантики этих образов и картин, как проекций изображаемого, были бы 'бросающаяся в глаза нерегулярность состава', определяемая к несимметрической и экстравертной декомпозиции женского и мужского, беременной женщины, двух рыжих евреев с тонкими шеями и третьего спящего, укрытого с головой и к стене; 'дисгармонирующие несоответствия предметностей, их поражающая взгляд неуместность, бескруживающая несвойственность месту', — валяются разбитые, в беспорядке и там, где им не положено быть; 'стремительно-прыгающая суетливость, молчаливое мельтешение, из-

быточная моторность в движениях', подчеркиваемые словами в безмолвии, по-обезьяньи, как японцы в цирке.

Последовательно представляемые автором картины еврейского положения в том, что изображается (еврейская тема отражает себя в Конармии с начала и до конца, от первого — *Переход через Збруч*, до последнего — *Сын рабби*, композиционного компонента), — картины эти можно подразделить на две неравные и не прямо соотносимые части. Внешнего, наблюдющего, вхождения и подключенного, взаимодействующего и участвующего, с пограничным, промежуточно-переходным, вхождением, через нарастающее включение инородного, с его позицией, взглядом и отношением к тому, что свое и еврейское, с его стороны. Особенность описания, в отношении двух указанных нами частей, заключается в том, что первое отражает себя во втором, а также и в переходном, пронизывая его и присутствуя в нем, воспринимаясь при этом не исключительно с точки зрения внешнего повороте.

Две эти части передают себя в определяемой нами картине в не совпадающих семантических проекциях — того, что внешнее, и того, что не внешнее, что, не будучи внутренним или не исключительно внутренним, способное отражаться во внешнем, другое по своему существу. Покажем данное положение в параметрах. Для первой части такими предпочтительными и определяющими можно считать то, как некая данность выглядит, что она собой представляет, и это были бы:

1) люди, лица, субъекты в проекциях 1a) внешнего вида как наблюдаемой формы телесных черт, 1b) одежды, обуви, 1c) движений, 1d) положения как позы, 1e) занятий;

2) не люди, предметности, объекты наблюдаемого внешнего, определяясь далее как 2a) предметы (вещи), 2b) строения, помещения (конструкты), 2c) внутренний вид помещений, их признаки (интерьеры), 2d) назначение помещений, строений (конститутивы), 2e) продукты питания (нутритивы);

3) межличностные отношения 3a) в своей среде, между собой, 3b) внутрисемейные, между членами данной семьи, 3c) со стороны не еврейского окружения, 3d) в обратную сторону, от еврейской среды к не еврейскому окружению, как в целом, так и в его представителях.

Вторая часть, включая в себя перечисленные параметры первой, поворачивает их к себе еще одной, внутренней, стороной, определяя в них и выводя на поверхность, дополнительные аспекты и смыслы. Тем самым, и лица, субъекты,

и объекты не люди, равно как и отношения между людьми, как внутри среды, так и к тем, кто ее окружает, будут себя повторять, но в других своих положениях. Подготавливает эту вторую, более погруженную часть, как уже отмечалось, переходная, промежуточная, характеризующаяся тем, что внешнее не еврейского окружения, взаимодействуя с еврейской средой в ее представителях, находясь внутри этой среды, дает возможность увидеть в ней новые, уточняющие, значения и оттенки. В развивающемся в своей последовательности описании в тексте, с точки зрения участующих, выглядит это не совпадающим образом. Для первой части повествователь, автор, выступая первоначально в роли приходящего наблюдателя и, через им представляемое, оценивающего, взаимодействует, в основном вербально, с представителями еврейской среды: Повествователь ↔ Субъекты, лица.

Промежуточный переход от первой части ко второй характеризуется иным характером взаимодействия. Приходящими и при этом не наблюдателями выступают представители не еврейской среды, которые при вхождении и взаимодействии с теми, кто в ней, проявляют себя в этой среде, обращаясь в ней как особенной, обособленной, и, если не чуждой, то посторонней. Взаимодействие при этом имеет не только вербальный характер, но и предметно-акциональный, предполагая действия, выражаемые как непосредственно, так и при посредстве каких-то объектов. Характер такого взаимодействия не равен и не симметричен. То, что исходит, в предметах и действиях, со стороны не еврейского окружения, не соглашается, отличаясь значимым образом, от того, что исходит от еврейской среды к тем, кто вне: Представители окружения → / ← Представители определяемой среды.

Вторая часть характеризуется усилением как верbalного, так и предметно-акционального, участвующего, подключение повествователя к отображаемой им еврейской среде в ее представителях, которую он показывает, с одной стороны, как свою, а с другой, как такую, которая не есть среда его принадлежности, как в социально-географическом, так и функционально-деятельностном и идеологическом отношениях. Автор, на что он прямо указывает, обращая внимание на отличия, не происходит из этих мест, не является представителем описываемой им еврейской среды, не ортодоксален и не религиозен, хотя с традицией не только знаком, но и следует ей в каких-то возможных случаях, и, что самое главное, он является тем, кто описывает, приняв на себя таковую роль, то, что

видит и в чем принимает участие. А это не что-нибудь, а военные действия. Все это не свойственно тем представителям, с которыми он в своей такой ролевой позиции сталкивается. Взаимодействие во второй части по внешнему виду выглядит так же, как в первой, с переходом от остающейся неизменной, но по-новому представляемой, позиции наблюдателя к позиции того, кто комментирует и участвует, как вербально, в репликах и разговорах, так и невербально, в производимых совместно перемещениях, субботнем присутствии, эмоциональных сочувствующих состояниях и осуществляемых действиях: Повествователь-участник ↔ Представители местной еврейской среды.

Подготавливающим вхождением от промежуточно-переходного изображения к подключенно-участвующему, определяемому как вторая часть, становится то, что проецирует внутренне свойственное, на фоне социально (не)одобряемого и общепринятого, противодействующее ему, но не противоборствующее, замыкающееся в себе, сочувствующее сострадание к человеческому, к страху, томлению, ожиданию в нем, его обойденности и всеобщему пренебрежению. Воплощением данного отношения становится история Деборы, рассказанная Аполеком, брачная ночь которой «кончилась недоумением и слезами». Охваченная страхом при виде «мужа, приблизившегося к ее ложу, она изрыгнула все съеденное ею за свадебной трапезой. Позор пал на Дебору, на отца ее, на мать ее и на весь род ее. Жених оставил ее, глумясь, и созвал всех гостей». В этом месте наступает неожиданный переход. Преисполненный сострадания, Иисус, возложив одежду новобрачного, принимает на себя его роль. После чего «она вышла к гостям, шумно торжествуя и лукаво отводя взоры, как женщина, которая гордится своим падением. И только Иисус стоял в стороне. ...Никем не замеченный, он вышел из пиршественного зала и удалился в пустынную страну, на восток от Иудеи» (с. 29).

В данном месте значимы для понимания все взаимодействующие и участвующие позиции: рассказчика, который Аполек и не еврей, но историю рассказывает в еврейском шинке и еврею-повествователю (и это вторая позиция, слушателя и пересказчика). Обе эти позиции, но не равно, представляют вхождение, оценку и характеризующий взгляд извне и со стороны. Позиция главной героини Деборы, страдательная и беззащитная. Позиция мужа ее, приходящего в брачную ночь, глумящегося над ней и позорящего ее, лишенная тени сочувствия

и понимания. Позиция тех, от кого исходит позор и кто поддерживает не состоявшегося супруга в его глумлении, не по причине присутствующего в них зла и несочувствия, а по условиям существующих социальных норм и порядка. Позиция отца героини, матери и всего рода ее, которые вынуждены, по тем же условиям, принять на себя позор, став объектом пренебрежения и исключения. Позиция Иисуса, как сочувствующего и своего по среде, а не своего по принятым в ней нормативам неодобрения, презрения, исключения тех и того, кто по каким-то причинам выходит за их пределы. И, наконец, последняя — позиция женщины, которая гордится своим падением, не потому, что это падение, а потому, что оно освобождает ее, от страха, задавленности, томления, ожидания, давая ей исполнение и позволяя без опасения и оглядок осуществлять свою женскую роль.

Параметры второй части, как уже отмечалось, включают в себя те, что были типичны для первой, поворачивая их к себе еще одной стороной и добавляя к ним нечто новое. Более пристальное и входящее, погружающееся, вхождение, предполагает свой собственный план, обусловленный изменяющимся перемещением-переходом, от одного положения к другому. То, что было и как проявляло себя на отведенной в Новограде квартире, то, что обнаруживает себя в корчме Шмереля «на Ровненском шоссе, в двух верстах от городской черты» (не случайна эта позиция за городской чертой, равно как и появляющиеся в этой корчме не евреи), и то, с чем повествователь далее сталкивается в своих передвижениях и походах, — Житомир (*Гедали, Рабби*), Путь в Броды, Кладбище в Козине, Берестечко, бои под Лешнювом, Сокаль, Вербы, Замостье, у Ковеля, не доеzzя Ровно (*Сын Рабби*), — все это, включая в себя предшествующее и взаимодействуя с ним, предполагает развитие и дополнительный поворот.

Вторая часть, оставляя повторяющиеся параметры внешнего вида, одежды, движений, занятий; предметов, строений и помещений с их внутренним видом; межличностных отношений в своей среде, между членами данной семьи, со стороны не еврейского окружения и в обратную сторону, — добавляет к ним представления о субботе, открываемые воспоминаниями детства, изображение европейской лавки старьевщика, описание кладбища и броскую характеристику синагог, рассуждения о смерти и вечности (еврейской матери и хасидизма), о готовности и вместе с тем неспособности к восприятию революции и того, что она несет, об утрате прежнего состояния

и беспросветности нынешнего, об упорстве духовного выбора и, наконец, о еврейском (и единичном) участии в изображаемой войне.

Попробуем все это в какой-то, хотя бы неполной, последовательности отобразить. Начнем с открывающих переход к погружению в то, что еврейское внутреннее и духовное его существо, воспоминаний повествователем детства:

В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний. Когда-то в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзра. Старуха моя в кружевной наколке ворожила узловатыми пальцами над субботней свечой и сладко рыдала. Детское сердце раскачивалось в эти вечера, как кораблик на заколдованных волнах. О, истлевшие талмуды моего детства! О, густая печаль воспоминаний! (с. 36)

Воспоминания наплывают перед субботой, и это вечер, когда мой дед... и т.д. Возникает перед глазами картина, в которой определяемо значимыми становятся желтая борода (желтый цвет появляется неоднократно в описаниях внешнего вида евреев⁷, а также стен синагог), кружевная наколка, узловатые пальцы, сладкое рыданье над субботней свечой. К этому стоит добавить «томы Ибн-Эзра и истлевшие талмуды (моего детства)». Описываемое в воспоминаниях представляет то, что, будучи связано для евреев с субботой, передает пропущенную повествователем через себя 'атрибутику прерывания действующего и деятельного состояния в недействии и недеянии', с тем чтобы, через обретение покоя, можно было затем перейти к последующему в своих совершениях этапу. Отсюда густая печаль, покрывающая картину прежнего и отошедшего, не исполняемого теперь, положения. Возможен, через отношение к той же субботе, какой-то свой переход, но это не будет тем, что было прежде, и с ним при этом не связано.

Воспоминания детства сменяются тем, что видит повествователь перед субботой теперь:

Я кружу по Житомиру и ищу робкой звезды. У древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен старые евреи продают мел, синьку, фитили, — евреи с бородами пророков, с страстными лохмотьями на впалой груди...

⁷ Можно ли это рассматривать с точки зрения символики отчуждения, исключения, обособления, отделения либо чего-то другого (ср. устар. желтый дом, а также желтый цвет поясов, шляп у евреев в средневековье, и, наконец, желтая звезда Давида) — вопрос, который можно поставить, но в данном месте не стоит, в связи с текстом Бабеля, на него отвечать, поскольку это требует погружения в замыслы и ассоциативные представления автора, что не входило в задачу.

Это также и продолжение цитаты из текста, должно быть набрано, как предыдущее

Рассмотрим данный фрагмент, представляя его в семантических признаках.

Первый ряд составляют предикатно себя воплощающие мотивы не реализуемого поиска: *кружу – ищу (робкой звезды) – /вижу/ – передо мною базар и смерть базара – немые замки – гранит мостовой* – как лысина мертвца = *робкая звезда (мигает и гаснет)*. Нет того, что ищется, оно нemo и умерло, остался могильный гранит, отсвечивая чем-то напоминающим череп, и это единственный свет, точнее от света, того, что имеется.

Второй ряд — объекты наблюдаемого внешнего, распадающиеся на три проявления:

— строения: *древнее + желтое + равнодушное + стены = синагога* (место собрания и молитвы), из чего следует представление об отстраненности, давности, оставленной глухости, обнаруживая себя как отодвинутое во времени, в прошлое, положение некогда объединившей общности, перекликаясь с тем, что осталось как воспоминания и только в них;

— внешний вид представителей местной среды: *старые – продают (мел, синьку, фитили) – с бородами пророков – с страшными лохмотьями – на впалой груди*, из чего следует дополняющее представление для второго, в строениях, а также первого, в не реализуемом поиске, через признаки отошедшего (*старые*), мелко-ненужной случайности (в том, что они *продают*), нереальности, а точнее не этой реальности, то ли бывшее, то ли не бывшее, неуместное здесь и сейчас (*с бородами пророков*), несоответствия экзальтированной эмотивной приподнятости протерто-оборванному, нищему состоянию (*с страшными лохмотьями*) в слабости, неспособности и раздавленности *впалой груди*;

— пространственно обусловленные предметности: *базар (и смерть базара) – немые замки – на лотках – гранит мостовой*, из чего следует представление об экзистенциально отмеченном состоянии, связываемом с заброшенностью, разорением, мертвым дыханием отошедшего в прошлое застыивания.

Третий ряд — связанные с последним параметром предыдущего ряда занятия: *старые – продают – мел, синьку, фитили*, из чего следуют признаки, передаваемые такими словами, как ‘что попало и лишь бы что’, ‘перебиться хоть чем-нибудь’, ‘ухватиться за любое возможное, чтобы не умереть’. Передать

это можно как состояние крайней отчаянности, последней капли и издохания.

Представляемая в этом фрагменте картина отображает не столько нужду, что было бы свойственно и не ново, сколько заброшенность, запущенную оставленность и разорение. То, что было когда-то, ушло, не найдя достойно возможного замещения. Пусто, глухо, немо, мертвое, а проблески робкой звезды в ее ожидаемом в поисках восхождении — это только гранит мостовой и лысина мертвца.

Нереальность, точнее все та же не-эта-реальность, не согла-сующаяся с тем, что положено видеть и ожидать, не контрастирующая с ним, но существующая в нем сама по себе, — эта форма изображения как движущий все остальное и в нем отражаемый мотив, появляется в лавке старьевщика Гедали, которая «спряталась в наглухо закрытых торговых рядах», а также и в том, что себя наблюдает впоследствии. Места эти, как перед этим люди и действия в новоградской квартире, в корчме Шмереля на Ровненском шоссе, передаваясь в своей отде-ляющей от того, что их окружает, обстоятельности, предстают островами еврейского, тлеющего и неизменного, бытия. На-ходит это свое выражение как в отмечаемых признаках внеш-него, так и во многом другом. Поскольку в силу небольшого объема невозможно развернуто данное положение показать, ограничимся замечаниями, лишь намечающими способный быть произведенным в дальнейшем анализ. Просмотрим для этого весь материал еврейских контекстов в Конармии Бабеля по ранее обозначенным, а также новым признакам, проиллюстрировав их примерами, которые в ряде случаев будут да-ваться в измененной в исходную форме.

Признаки наблюдаемой внешности:

— состав (лица, число и соотношения): *беременная женщина и два еврея, третий спит, мертвый старик*;

— фигура, тело, его внешний вид: *беременная* (женщина), *тонкие шеи* (у двух евреев), *шеи пухнут и вертятся*, *худые ноги* и *круглый живот* (у женщины); *узловатые пальцы* (старухи над субботней свечой); *впалая грудь* (у старых евреев); *белые ручки, мягкие ладони* (у старьевщика), *крохотный, одинокий, мечтательный* в черном цилиндре и с большим молитвенником под мышкой (он же); *худые пальцы* (у рабби Моталэ); *горбатый старикашка, ростом не выше десятилетнего мальчика* (реб Мордхэ); *плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов; как пестрая птичка* (Гедали); *монашеские пальцы* (у рабби Моталэ); *узкоплечие евреи; образ южных евреев, жовиальных,*

пузатых, пузырящихся, как дешевое вино; (горькая надменность) длинных и костлявых спин; узкие чресла (у раввинов на горельефах); сутулый юноша в очках; сутулый еврей; корчились фарфоровые ножки; похожие на старых негритянок, еврейки с непомерными грудями; как ободранные птицы; смешной Гедали; истлевшие пальцы, худые пальцы (у рабби Моталэ); протянул за листовой грязную мертвую руку; переломленный надвое солдатской котомкой (сын рабби); голые колени, неумелые, как у старухи; длинное застенчивое тело умирающего; чахлая нежная курчавая мужественность исчахшего семита;

— лицо: два рыжих (еврея); смеющееся лицо, обведенное медными кудрями (у Брайны); желтая борода (у деда); с бородами пророков; сивая бороденка, узкая борода, дымчатые глаза (у старьевщика); желтый пух бороды (у рабби Моталэ); с вывороченными веками (реб Мордхэ); юноша с лицом Спинозы, с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини; кровоточащее мясо развороченных век (у Мордхэ); желтые трагические бороды; в страстных чертах, вырезанных мутильно, нет жира и теплого биения крови; под безглазыми лицами волнистая каменная линия завитых бород (на горельефах); серебряная борода (старого еврея); подслеповатый еврейский юноша, с чахлым и сосредоточенным лицом талмудиста; курчавый жиденок с клочковатой бородкой и низким сморщенным лбом; впалые щеки, над закрывающимися от боли глазами выгнулись тонкие рыжие брови; заросшие рты; безжизненное покорное прекрасное лицо (сына рабби);

— одежда, обувь: войлочные подошвы; (старуха) в кружевной наколке; (страстные) лохмотья; дымчатые очки, зеленый сюртук до полу, цилиндр, зеленый сюртук с костяными пуговицами (у Гедали); соболья шапка и белый халат, стянутый веревкой (у рабби Моталэ); оборванный (Мордхэ); раввины в меховых шапках, подпоясаны ремнем (на горельефах); в рваных лапсердаках; в жилетках; в тулупе; петушиные перышки цилиндра; изодранный карман; талес; принц, потерявший штаны (сын рабби); поправили на нем упавшую одежду (об умирающем);

— движения, действия: снимаются с места, прыгают, убирают обломки с полу, прыгают в безмолвии, по-обезьяньи; (женщина) шарит (пальцами по моему лицу), встряхивает (перину); поглаживал (желтой бородой томы Ибн-Эзра); ворожила над субботней свечой и сладко рыдала; расхаживает (вокруг своих сокровищ), потирает (белые ручки), щиплет (сивую бороденку), склонив голову, слушает невидимые голоса, вьется (в лабиринте из глобусов, черепов и мертвых цветов),

помахивает (пестрой метелкой), сдувает (пыль с умерших цветов), свертывает и разматывает (узкую бороду); поплескал (водицы на мягкие ладони), застегнул (свой зеленый сюртук на три костяные пуговицы), обмахал себя петушиными перьями (Гедали); рылся (худыми пальцами в желтом пухе своей бороды); спросил и приподнял веки, прошептал и сомкнул веки (рабби Моталэ), сказал (цадик) и затряс бородой; подскочил (реб Мордхэ); стонали над молитвенниками (плечистые евреи); курил и вздрагивал, как беглец, приведенный в тюрьму после погони (сын рабби); (реб Мордхэ) подкрался (к нему сзади), вырвал (папирису изо рта), отбежал (ко мне); прохрипел (Мордхэ), придинул ко мне (кровоточащее мясо развороченных век), погрозил (юноше кулаком), плюннул (ему в лицо); переломил хлеб (рабби Моталэ); (сын рабби) курил одну папирису за другой; забормотал (Мордхэ за моей спиной), дернулся (меня за пояс); движения галицийского и волынского еврея несдержаны, порывисты, оскорбительны для вкуса; (старик) взвизгивал и вырывался (из рук казаков); передвигался впропрыжку, с недовольным видом, как будто ему жали сапоги; (еврей) закинув голову, горестно и сильно свистел в металлическую дудку; бралились (на площади) и (в непонятном ослеплении) таскали друг друга; кричали, извиваясь, разевали (заросшие) рты; звякали медяшками (в изодранном кармане); вцепившись в талес истлевшими пальцами, молился (у восточной стены); протянул (за листовкой грязную мертвую) руку; (колени) стукались о ржавое железо ступенек; царапая грудь и корчась в жару, прошептал; затихая, закричал с отчаянием;

— позы: спит, укрывшись с головой и приткнувшись к стене; (мертвый старик) лежит, закинувшись навзничь; (рабби Моталэ) сидел у стола с закрытыми глазами; уселись все рядом — бесноватые, лжецы и ротозеи; дремал у стены (Гедали); (узкоплечие евреи) грустно торчат на перекрестках; сила их скорби полна сумрачного величия (о галицийских и волынских евреях); стоял на прежнем месте и сквозь очки всматривался в казаков внимательно и высокомерно; с поднятыми плечами стояли у своих порогов; (доктор Явейн) только насмехался разными улыбками, стоя в окошке своего госпиталя; сидит за столом, стол его набит бумагами, он ничего не может понимать в этих бумагах; кидает глазами то туда, то сюда; делал фигуры и смешки; (умиравший) в углу на драном тюфяке (последний принц);

— особенности поведения: (в бою) *выказывал осмотрительное мужество и хладнокровие*, которое походило на рас сяянность мечтателя.

Люди (живущие и умершие): *беременная женщина, два рыжих еврея, третий спут, мертвый старик; старые (евреи); старьевщик Гедали; рабби Моталэ, последний рабби из Черно быльской династии; реб Мордхэ; сын рабби Илья; «Азриил, сын Анании, уста Еговы. Илия, сын Азриила, мозг, вступивший в единоборство с забвением. Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне. Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский»* (надпись на могильном камне).

Занятия: *корчмарь; (старые евреи) продают мел, синьку, фитили; цадик; перекладываю в стихи похождения Герша из Острополя; талмудисты, державшие на откупу кабаки, раввины, занимавшиеся ростовщичеством; интендант; (евреи) связывали нитями ножи вы русского мужика с польским паном, чешского колониста с лодзинской фабрикой; контрабандисты, лучшие на границе; разносчики и маклеры; старьевщик.*

Положение: *легкий запах тления* (в лавке древностей); (внизу на площадке собрался) митинг, пришли крестьяне, евреи и кожевники из предместья; посреди *вольного населения* по национальности евреев; *вольные евреи* местечка Козин.

Речь (особенности построения⁸): «— Пане, вы кричите со сна и вы бросаетесь, вы толкаете моего папашу; — Откуда приехал еврей? — Чем занимается еврей? — Чему учился еврей? — Чего ищет еврей?; — Пусть молодой человек займет место за столом, пусть он ест в этот субботний вечер вместе с остальными евреями, пусть он радуется тому, что он жив, а не мертв, пусть он хлопает в ладоши, когда его соседи танцуют, пусть он пьет вино, если ему дадут вина; — Мой дорогой и такой молодой человек, если бы на свете не было никого, кроме злых богачей и нищих бродяг, как жили бы тогда святые люди?»

Предметы:

— внутри помещений: *развороченные шкафы, обрывки женских шуб на полу, черепки сокровенной посуды; золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер с выгравированной датой 1810, сломанная кастрюля, пуговицы, мертвая бабочка, глобусы, черепа, мертвые цветы, пестрая метелка из петушиных перьев, бочонки из-под пива* (в лавке древностей);

⁸ Вопрос организации и строения европейской, русско-еврейской, речи не только украинских местечек, сюда же, отчасти, еврейский юмор и анекдоты, весьма интересен, приведенные фрагменты могут служить лишь его иллюстрацией, без каких-либо определений.

— личной принадлежности: *рассыпавшиеся вещи* (красноармейца Брацлавского); все было свалено вместе – *мандаты агитатора и памятки еврейского поэта; портреты Ленина и Маймонида; прядь женских волос была заложена в книжку постановлений шестого съезда партии; на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов; страницы песни песней и револьверные патроны; среди стихов, филактерий и портнянок;*

— духовного назначения: *томы Ибн-Эзра; истлевшие талмуды* (моего детства); *талмуд, комментарии Раше, книги Маймонида; большой молитвенник* (под мышкой); *завеса шкапа, свитки торы, завороченные в рубашки из пурпурного бархата и голубого шелка;*

— связанные с умершими, сохраняющие память о них: *обточенные серые камни с трехсотлетними письменами; грубое тиснение горельефов; зазеленевшие скрижали с витиеватой молитвой бедуина.*

Помещения:

— внутренний вид: *прокопченные стены* (еврейского шинка); *комната каменная и пустая, как морт; хищные зрачки свечей мигали в комнате рабби;*

— проявления не своего: *звуки гейдельбергских песен огласили* (стены еврейского шинка).

Строения:

— назначение: *корчма, лавка древностей, торговые ряды, синагоги, харчевня, кладбище, склеп, дома, сараи, подвалы и конюшни* (во время войны в них спасаются от пули и грабежей), *домишко, кухни;*

— месторасположение: *(корчма) на Ровненском шоссе, в двух верстах от городской черты; под дубом, размозженным молнией, стоит склеп рабби Азриила;*

— внешний вид: *у древней синагоги, у ее желтых и равнодушных стен; длинный дом с разбитым фронтом; выщербленный камень синагоги; (присела к нищей земле) синагога, безглазая, щербатая, круглая, как хасидская шляпа; (усыпальница) нищая, как жилище водоноса; просторные дома, вымазанные белой или водянисто-голубой краской; традиционное убожество этой архитектуры насчитывает столетия; (за домом тянется) сарай, в два, иногда в три этажа, в нем никогда не бывает солнца, сараи эти, неописуемо мрачные, заменяют наши дворы; потайные ходы ведут в подвалы и в конюшни; в обугленных домишках, в нищих кухнях.*

Продукты питания: *изюмная водка, благовонная зраза.*

Пространственные объекты:

- обособленность, несмешение: (кривые крыши) житомирского *гетто*; вороватые огни в теснинах его *гетто* (Замостья); больше всего здесь евреев, а на окраинах расселились русские мещане-кожевники (Берестечко);
- отдушина: Одесса — благочестивый город, звезда нашего изгнания, невольный колодезь наших бедствий;
- заброшенность, неприглядность: безжизненные еврейские mestечки (лепятся у подножия панских фольварков); быт выветрился в Берестечке (а он был прочен здесь); (Берестечко) нерушимо воняет и до сих пор, от всех людей шибет запахом гнилой селедки, mestечко смердит (в ожидании новой эры); вместо людей по нему ходят сливавшие схемы пограничных несчастий;
- экзотичность: кладбище в еврейском mestечке — Ассирия и таинственное тление Востока на поросших бурьяном Волынских полях;
- еврейское присутствие: площадь, застроенная древними синагогами.

Отношение со стороны представителей не еврейского окружения:

- насмешливое заигрывание (отношение к женскому): пан Аполек с низким поклоном передал Брайне, жене корчмаря, лист бумаги; — *Милостивая пани Брайна, примите от бродячего художника, этот ваш портрет — как знак холопской нашей признательности*;
- объект ограбления и использования: — *Мои деньги!* — вскричал Шмерель схватил палку и пустился за постояльцами в погоню; ушел ночевать к моим обворованным евреям; *отдай на учет твой граммофон; девушки, которых насиловали польские жолнеры и из-за которых стрелялись польские магнаты; жил с казачкой Павлой, отбитой им у еврея интенданта;*
- отделяющая неприязненность, пренебрежение: повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме; Семен Тимофеич в городе Майкопе с жидами здорово спорился; берет еврея и вырывает ему бороду; Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете; жид всякому виноват, и нашему и вашему;
- стремление истребить: я стрелять в тебя буду, и я не могу не стрелять (потому что я — революция); убитый казаками Богдана Хмельницкого (рабби Азриил); (несколько казаков) *расстреливали за шпионаж старого еврея; поляк жидов режет; их после войны самое малое количество останется, их двести тысяч останется;*

— признание: (был хорошим ксендзом), когда жители хотят, чтобы мы это поняли, они говорят: *его любили евреи; мужицкий атаман, выбранный ими и любимый* (о сыне рабби).

Отношение к представителям не еврейского окружения

— стремление к справедливости: (пришел приказ товарища Троцкого) *не рубать пленных, мы сами его будем судить;*

— способность сочувствия к положению: (Шмерель вспомнил розовое тело Аполека, залитое водой, и солнце на своем дворике и тихий звон гармоники) *смутился духом* и, отложив палку, вернулся домой [прервав преследование забравших его деньги];

— неприятие, отталкивание: *тайное презрение к пану безгранично.*

Отношение к происходящему внешнему:

— оценка: (революция) *высыпает одну только стрельбу; революцию делают злые люди; поляки тоже злые люди;*

— ожидания (illusioн, стремление к нереальному): горе нам, где сладкая революция?; привезите немножко хороших людей, привезите добрых людей, (я хочу) Интернационала добрых людей; основатель IV Интернационала (о Гедали);

— утрата прежнего: хорошие люди торговали в ней (в харчевне), но *там уже не кушают, там плачут;*

— соучастие, причастность, включение: (только один из них) протянул за листовкой грязную мертвую руку (сын житомирского рабби); я был тогда в партии, организация услала меня на фронт, я принял сводный полк (сын рабби).

Отношения в своей среде:

— общественные (маргинальная пораженность, исключение нарушающего): узнали в апостоле Павле, Янека, хромого выкresta, и в Марии Магдалине — еврейскую девушку Эльку, дочь неведомых родителей и мать многих подзaborных детей; сын равви Илья, проклятый сын, последний сын, непокорный сын;

— внутрисемейные:

— привязанность к близким: (убейте меня на черном дворе) чтобы моя дочь не видела, как я умру, (он кончался в этой комнате и) думал обо мне, где еще на всей земле вы найдете такого отца, как мой отец; я не мог оставить мою мать;

— равенство между супругами (взаимные обвинения в не-предусмотрительности в положении объекта лишения): (искренно плакала беременная еврейка, ей отвечало стонущее бормотанье долговязого мужа, они вспоминали об ограбленных вещах и) злобствовали друг на друга за нездачливость;

— межобщинные (споры, нетерпимость): ортодоксы превозносили учение Адасии, за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, спорили о Каббале, поносили имя Ильи, виленского первосвященника;

— генеративные: *четыре поколения лежат в этой усыпальнице; сын рабби, последний принц в династии.*

Отношение к вечному, высшему, внеземному:

— соблюдение традиции: *заходит суббота, евреям надо в синагогу; где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю и немножко этого отставного бога в стакане чаю?; вечерняя молитва;*

— связь с дающим и поддерживающим жизнь началом: *вечная жизнь суждена только матери, когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить; память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную; в страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери;*

— упорство духовного выбора: основатель несбыточного Интернационала ушел в синагогу молиться; (с вытекшими глазницами) хасидизм все еще стоит на перекрестке яростных ветров истории; воители за веру; хасидизм держал в удущивом плена это суеверное население; (мальчики в капотиках) все еще топтали вековую дорогу к хасидскому хедеру, старухи по-прежнему возили невесток к цадику с яростной мольбой о плодородии;

— «субботнее» состояние: *субботний покой* (сел на кривые крыши житомирского гетто); — благословен бог Израиля, избавивший нас между всеми народами земли; (рабби) благословил пищу, мы сели за трапезу; (сын рабби курил одну папиросу за другой) среди молчания и молитвы;

— отношение к смерти: Вольф, сын Илии, принц, похищенный у Торы на девятнадцатой весне; смерть, корыстолюбец, жадный вор, отчего ты не пожалел нас хотя бы однажды?

Эмотивно-духовные состояния (позиции повествователя):

— воспоминания, томление, поиск, печаль: *густая печаль воспоминаний; кружу по Житомиру и ищу робкой звезды; томясь печалью по Трунову;*

— сочувствие, принятие: *я принял последний вздох моего брата;*

— соучастие: *я тоже толкался среди них и для облегчения моего горланил вместе с ними;*

— воображение: *едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения.*

Выбранные из Конармии и показанные в словосочетаниях по семантическим распределениям контексты позволяют представить отраженную глазами автора и повествователя картину еврейского состояния и бытия, не исключительно связанную с передаваемым моментом времени, но обусловленную местом (восточная Польша и западная Украина). Количественное неравенство получаемых параметров, при множественности внешних признаков — фигур, лица, одеяния, движений, действий, и меньшего числа всего остального, предполагает наблюдающую и описывающую позицию повествователя. Представление его картинно в отражаемых образах и, как таковое, не случайно также и по своему существу. Автор намеренно и последовательно передает прежде всего то, что видит, чего свидетелем является и что, то ли обычное, то ли необычное, бросается в глаза, задерживает взгляд, а задерживая его, сообщает о чем-то важном. С точки зрения того, что оно есть такое, еврейское, типичное для пересекаемых им в его передвижении пространственных мест. Понять и описать это будет возможным, а не только представить образно в воображении, если подойти к распределенному в параметрах материалу с определяющей в не наблюдаемой, но скрыто заложенной в нем стороны. Как это было намечено в самом начале, при характеристике 'бросающейся в глаза не регулярности состава', 'дисгармонирующего не соответствие предметностей', 'стремительно-прыгающей суетливости движений', с добавлением всего того, что себя отражает впоследствии. Организацией и соотношением полученных при таком подходе признаков-определителей можно получить субъективно отображенную, но вместе с тем и объективную, картину того, что характерно для еврейского, для него особенно и специфично, отличает его от прочего, в чем-то совпадая, проявляясь в сочетании с ним, в его окружении и на его фоне. Подобная задача, представляя собой перспективу, не могла быть поставлена и решена в предлагаемой статье.

Библиография

- Бар-Селла З., Иосиф Ужасный: От текстологии к композиции // Е.И. Погорельская (ред.), Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век, сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016, с. 44–74.
- Белая Г.А., Добренко Е.А., Есаулов И.А., «Конармия» Исаака Бабеля, РГГУ, Москва 1993.

- Дарьялова Л., *Проблемы историзма повести И. Бабеля «Конармия»*, «Учёные записки Калининградского университета» 1968, № 1, с. 109–122.
- Есаулов И.А., *Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля*, Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», София 2011.
- Жарников Г.С., *Поэтика «переходного мира» в прозе Исаака Бабеля (на материале циклов «Конармия» и «Великая Криница»)*, дис... канд. филол. наук, Самара 2018.
- Жолковский А.К., Ямпольский М.Б., *Бабель/Babel, Carte Blanche*, Москва 1994.
- Кадырова К.А., *Жанровое своеобразие новелл в книге И.Э. Бабеля «Конармия»*, «Вестник Дагестанского государственного университета» 2008, вып. 4, с. 40–45.
- Коган Э., *Работа над «Конармиеей» в свете полной версии «Планов и набросков»*, «Вопросы литературы» 1995, № 1, с. 78–87.
- Ли Су Ен, *Поэтика циклов И.Э. Бабеля «Конармия» и «Одесские рассказы»*, дис... канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2005.
- Погорельская Е.И. (ред.), *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век*, сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г., Книжники – Гос. литературный музей, Москва 2016.
- Погорельская Е.И., *Конармейский дневник Исаака Бабеля в контексте биографии, истории и литературы*, дис... канд. филол. наук, Москва 2022.
- Подобрий А.В., *Еврейский мир и маркеры еврейской культуры в «Конармии» И. Бабеля*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» 2008, № 71, с. 122–129.
- Соколянский М., *Книга новелл или роман? (о жанре «Конармии» Бабеля)*, «Проблемы сучасного літературознавства» 2012, № 16, с. 111–120.
- Сухих И., *О звёздах, крови, людях и лошадях: 1923–1925. «Конармия» И. Бабеля, «Звезда»* 1999, № 12, с. 222–232.
- Тарасова В.В., *Стиль Исаака Бабеля («Конармия»)*, дис... канд. филол. наук, Екатеринбург 1999.
- Фридберг М., *Еврейские фольклорные мотивы в «Конармии» Бабеля // Б. Аверин, Э. Нитрауэр (ред.)*, *Русская литература XX века. Исследования американских ученых*, Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Петро-РИФ – Университет Джеймса Медисона, Санкт-Петербург – Вирджиния, США 1993, с. 436–445.
- Штейнбук Ф.М., *Жанровое своеобразие и внутреннее единство «Конармии» И.Э. Бабеля*, дис... канд. филол. наук, Ялта 2002.
- Штейнбук Ф.М., *К проблеме главного героя в книге Исаака Бабеля «Конармия»*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 8, с. 29–37.
- Штейнбук Ф.М., *О мотивах и тонасах «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Культура народов Причерноморья» 2002, № 34, с. 95–98.
- Штейнбук Ф.М., *Прерывность непрерывного как основа композиционного единства «Конармии» И.Э. Бабеля*, «Література в контексті культури» 2002, вип. 7, с. 99–105.
- Штейнбук Ф.М., *Циклізація як засіб осягнення глибинних змістів: На прикладі «Кінтармії» І.Е. Бабеля*, «Всесвітня література в середніх навчальних закладах України» 2002, № 12, с. 54–55.
- Юзефович И.В., «Лишний человек» и «тaluš». «Лишний человек» как проекция отчуждения писателя, «Тирош. Труды по иудаике» 2012, № 12, с. 233–242.
- Юзефович И.В., «Лишний человек» и «taluš». Социальные и исторические предпосылки появления, «Тирош. Труды по иудаике» 2011, № 11, с. 35–48.
- Юзефович И.В., Герой-бунтарь в контексте прозы И. Э. Бабеля, «Вестник славянских культур» 2020, т. 55, с. 173–185.

HEIDI M. SZPEK

Central Washington University, USA

<https://orcid.org/0009-0009-9129-5919>

“From Bialystok to Kishinev”: The Dubnow grave inscriptions and their significance for Russian Jewish historiography and cemetery studies

Summary: In October 1892, maskil Simon Dubnow published an open letter in *Voskhod*, the liberal Jewish monthly in Odessa where he worked as a journalist and literary editor. His letter, directed to both the maskilim (intellectuals) and mitnagdim (traditionalists) of his day, appealed to his cohorts to assist in writing the history of Russian Jews as a value distinct from the larger world history of Jewry. The letters Dubnow received in response bear witness to this process of historiography, and many are preserved in The Simon Dubnow Papers, 1632–1938, part of the Edward Blank YIVO Vilna Online Collections. Within Record Group 87, ten folders from Jewish towns spreading from Bialystok to Kishinev were recently re-discovered. These folders include: Bialystok, Gomel, Lipovets, Lublin, Lutsk, Miedzybozh, Mohilev Podolsk, Ostroha and Stepan, and Kishinev. This paper examines the inscriptions contained in these letters and responds to the simple questions: Why did the zamiers select specific epitaphs that they transcribed for Dubnow?, and What value does each gravestone letter hold for Jewish historiography then and now?

Keywords: Simon Dubnow, epitaphs, tombstones, Jewish historiography, cemetery research

„Z BIAŁYSTOKU DO KISZYNIAWA”: INSKRYPCE NAGROBNE DUBNOWA I JEGO ZNACZENIE DLA ROSYJSKIEJ HISTORIOGRAFII ŻYDOWSKIEJ I BADAŃ NAD CMENTARZAMI

Streszczenie: W październiku 1892 roku Simon Dubnow, przedstawiciel ruchu Haskali, opublikował na łamach „Wschodu”, liberalnego żydowskiego miesięcznika wydawanego w Odessie, gdzie pełnił funkcję dziennikarza i redaktora literackiego, list otwarty. Adresatami listu byli zarówno maskilim (intelektualiści), jak i mitnagdim (tradycjonalisci) ówczesnej społeczności żydowskiej. Dubnow zaapelował do nich o podjęcie wspólnego wysiłku na rzecz opracowania historii Żydów rosyjskich, uznając ją za odrębną i wartościową dziedzinę badań, niezależną od ogólnej historii światowego żydostwa. Odpowiedzi na list Dubnowa, stanowiące świadectwo procesu kształcania się nowej historiografii, zostały zgromadzone w archiwum „The Simon Dubnow Papers, 1632–1938”, będącym częścią cyfrowych zbiorów Edward Blank YIVO Vilna Online Collections. W ramach zespołu akt 87 odnalezione niedawno dziesięć teczek zawierających korespondencję z żydowskich ośrodków miejskich, rosciąących się na obszarze od Białegostoku po Kiszyniów. Teczki te dokumentują reakcje społeczności z Białegostoku, Homla, Lipowca, Lublina, Łucka, Miedzyboża, Mohylewa Podolskiego, Ostroga i Stepana oraz Kiszyniowa. Niniejszy artykuł analizuje inskrypcje zawarte w tych listach, koncentrując się na odpowiedzi na następujące pytania badawcze: Jakie kryteria kierowały osobami dokonującymi transkrypcji epitafów dla Dubnowa przy wyborze konkretnych inskrypcji? Jaka wartość dla żydowskiej historiografii, zarówno ówczesnej, jak i współczesnej, posiadają te dokumenty nagrobne?

Słowa kluczowe: Simon Dubnow, epitafia, nagrobki, historiografia żydowska, badania nad cmentarzami

«ОТ БЕЛОСТОКА ДО КИШИНЁВА»: НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ ДУБНОВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИССЛЕДОВАНИЙ КЛАДБИЩ

Резюме: В октябре 1892 года Симон Дубнов, представитель движения Хаскала, опубликовал открытое письмо в либеральном еврейском ежемесячном журнале «Восход», издававшемся в Одессе, где он работал журналистом и литературным редактором. Письмо было адресовано как маскилим (интеллектуалам), так и митнагдим (традиционистам) еврейской общины того времени. Дубнов призвал их предпринять совместные усилия для разработки истории российских евреев, признавая её отдельной и ценной областью исследований, независимой от общей истории мирового еврейства. Ответы на письмо Дубнова, свидетельствующие о процессе формирования новой историографии, были собраны в архиве «The Simon Dubnow Papers, 1632–1938», который является частью онлайн-коллекций Эдварда Бланка YIVO Вильна. В рамках архивной группы 87 недавно были обнаружены десять папок с перепиской из еврейских городских центров, простирающихся от Белостока до Кишинёва. Эти папки документируют реакции общин из Белостока, Гомеля, Липовца, Люблина, Луцка, Меджибожа, Могилёва-Подольского, Острога и Степаня, а также Кишинёва. В этой статье анализируются надписи, содержащиеся в этих письмах, с акцентом на ответы на следующие исследовательские вопросы: Какие критерии руководили теми, кто транскрибировал эпитафии для Дубнова, при выборе конкретных надписей? Какую ценность эти надгробные документы представляют для европейской историографии, как тогда, так и сейчас?

Ключевые слова: Симон Дубнов, эпитафии, надгробия, европейская историография, исследования кладбищ

Introduction

In October 1892, *maskil* Simon Dubnow published an open letter in *Voskhod*, the liberal Jewish monthly in Odessa where he worked as a journalist and literary editor. His letter, directed to both the *maskilim* (intellectuals) and *mithnagdim* (traditionalists) of his day, appealed to his cohorts to assist in writing the history of Russian Jews as a value distinct from the larger world history of Jewry.¹ The letters Dubnow received in response bear witness to this process of historiography and many are preserved in *The Simon Dubnow Papers, 1632-1938*, part of the Edward Blank YIVO Vilna Online Collections.² These papers include his correspondence with a variety of prominent Jewish scholars and community leaders as well as copies or excerpts from *pinkasim* (record books), legal records and transcriptions of tombstones. Within Record Group 87, ten folders from Jewish towns that form a sweeping arc from Bialystok to Kishinev were recently re-discovered.³ These folders include:

¹ This open letter followed his 1891 article, “On the Study of the History of Russian Jews and the Establishment of a Russian Jewish Historical Society,” and its 1892 Hebrew version, “Let Us Search and Study.” Guide to the Papers of Simon Dubnow (1860-1941), 1589-1938, 1961, (bulk 1700-1900), RG 87. [<http://www.yivoarchives.org/index.php?p=collection/findingaid&id=40006&q=%>] ; and Robert M. Seltzer, “Simon Dubnow.” *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*, Volume 1, Gershon David Hundert, ed., 2008, 433.

² Guide to the Papers of Simon Dubnow (1860-1941).

³ *Bialystok Cemetery Restoration Fund* (BCRF) researcher and volunteer, Frank Idzikowski discovered a folder (945) within the Communalia series with the annotation: list of inscriptions on gravestones

Bialystok, Gomel, Lipovets, Lublin, Lutsk, Miedzybozh,⁴ Mohilev Podolsk, Ostroha and Stepan, and Kishinev. While the reverse expression from Kishinev (Kishineff) to Bialystok is infamous for the wave of pogroms that swept the Pale from especially 1903-1906, the obverse of these cities – from Bialystok to Kishinev, here refers to a special subcollection of Dubnow's letters that record grave inscriptions, including some with historical references, gathered nearly a decade before the onslaught of these pogroms.

Pale of Settlement, 1855. Courtesy of YIVO. Bialystok (Belostok) in the northwest to Kishinev in the south-central.

This subcollection of Dubnow letters date from 1892 to 1898.⁵ While some letters are unsigned, five are from known *zamiers* (collectors), who responded to Dubnow's request for Jewish historical documents.⁶ Several letters hold a salutation to Dubnow. For example, the Lipovets letter cordially begins: "To the wise man, the Rav, R. Simon Dubnow. Shalom! All letters have occasional color-

from the Bialystok cemetery for the years 5570-5620 (1810-1860), with remarks by Dr. Yosef Chazanovitsh, Bialystok, Hebrew, 5 pp. Idzikowski brought this discovery to BCRF Vice-Chair, Translator and Historian, Heidi M. Szpek.

⁴ The Miedzybozh letter unfortunately is listed as missing in the YIVO Guide to the Papers of Simon Dubnov [<http://www.yivoarchives.org/index.php?p=collections/findingaid&id=40006&q=>]

⁵ The folders and letters for Bialystok, Mohilev Podolsk and Ostroha lack a date of transcription.

⁶ These letters and others from *zamiers* are also included in Dubnow Papers Series VII to include: Dr. Josef Chazanowicz (based on handwriting, Bialystok), Wolf Waynshteyn (Kishinev), Yehudah Leib Weisman (Lipovets), Shlomo Nissenbaum (Lublin), M.N. Litinsky (Mohilev Podolsk), and Naftali Hertz Lerner (Ostroh). [<http://www.yivoarchives.org/index.php?p=collections/findingaid&id=40006&q=&rootcontentid=307267#id307267>]

ful pencil underscores, typically highlighting a name, location or year, and are generally attributed to Dubnow. These letters can be subdivided into those that (1) provide a general list of tombstone inscriptions with or without a heading (Bialystok, 1788-1869), Lublin (1541-1818), Kishinev (1712-1794), Mohilev Podolsk (1615-1810), Stepan (1743-1841), and Ostroha (1632-1742); and (2) those that include an epitaph within a larger narrative, focused on a specific historical concern or event, as with Gomel (1751), Lutsk (1762), and Lipovets (n.d.). All letters record tombstone transcriptions from what was (generally) the oldest cemetery in that city or town. Excluding the old cemeteries in Lublin, Ostroha and Stepan, these cemeteries no longer exist but today are marked by a memorial stone or an informational sign (Bialystok, Lutsk, Lipovets). Excluding several tombstones in Lublin and Ostroha, most tombstones associated with the inscriptions recorded are no longer extant. Historically, these cities and their Jewish communities record beginnings in the 15th – 17th centuries. They experienced similar historic events such as the devastation amidst the Khmelnytsky (1648-49) and later Haidamack Uprisings, only to witness both a spiritual rebirth and economic growth until their near annihilation during the Holocaust.

In his *History of the Jews of Russia and Poland*, Dubnow wrote that “Beginning with 1428, the old Karaite community of Chufut-Kale („the Rock of the Jews“), situated near the new Tatar capital, Bakhchi-Sarai, grows in numbers and influence. The memory of this community is perpetuated by a huge number of tombstones, ranging from the thirteenth to the eighteenth century.”⁷ The Dubnow collection of gravestone inscriptions similarly perpetuates the memory of these communities through these inscriptions. In some cases, the personal details in these epitaphs parallel known genealogical details. In other cases, they are the only extant record of an individual thus perpetuating memory. Moreover, it is not unexpected that many of the cemeteries referred to in these letters no longer exist, thus these letters become witnesses to these early institutions of Jewish heritage. These letters are also written in late 19th century cursive Hebrew and cursive Old Russian, serving thus as artifacts to further study of these written languages. Setting aside the value of these letters for genealogical research, as witnesses to non-extant Jewish cemeteries, and for cursive language development, this paper asks the simple questions for each letter: *Why did the zamiers select specific epitaphs that they transcribed for Dubnow?* It is critical to understand

⁷ Volume I. Jewish Publication Society of America, 1916, pp. 34-35.

that the zamiers were not motivated by the concern to record epitaphs from what would become a cemetery devastated by the Holocaust or the Post-War world under Communism. And: *What value does each gravestone letter hold for Jewish historiography then and now?* In particular, the growing discipline of Jewish cemetery studies precipitated by the Holocaust and the post-War climate of Communism may likewise benefit from the inscriptions and cemetery details preserved in these letters.

The Dubnow Gravestone Correspondence

Bialystok. The first-discovered Dubnow letter (R87/945) contains nine handwritten pages in cursive Hebrew, recording 16 epitaphs from Bialystok. More specifically, fourteen belong to rabbis with dates of death from 1788 to 1869, and two belong to members of the entrepreneurial Zabludowsky family, the last being the four-sided black obelisk with inscriptions for lumber magnate Izak Zabludowsky (d. 1865) and his brother Yehiel Michael Zabludowsky (d. 1869).⁸ There is no information as to who transcribed these records or the date of transcription.⁹

The dates of death indicate these epitaphs are from the former Rabbinic Cemetery in Bialystok, which functioned from c. 1770 until about 1900 with occasional burials, especially mass graves, during the Holocaust.¹⁰ By 1944, tombstones were removed, and some destruction occurred during the Nazi Occupation of Bialystok. In the early 1960s, the Rabbinic Cemetery was covered with debris from the construction of the nearby Communist Party Headquarters. Several of the Dubnow records are also recorded in Hershberg's *Pinkus Bialystok* (1949-1950).¹¹ In 2022 and again in 2023, the US-Nonprofit Bialystok Cemetery Restoration Fund extracted 143 megalithic boulder matzevot and one megalithic granite stele from a mound on Bagnowka Jewish Cemetery in Bialystok

⁸ Heidi M. Szpek, "Reception History Meets History: The Case of the Zabludowsky Epitaphs from Bialystok." Konferencja Naukowa „Żydzi Europy Środkowej i Wschodniej." University of Bialystok 12-13 June 2017. [<https://www.jewishepitaphs.org/wp-content/uploads/2017/09/Full-Text-Zabludowsky.pdf>]

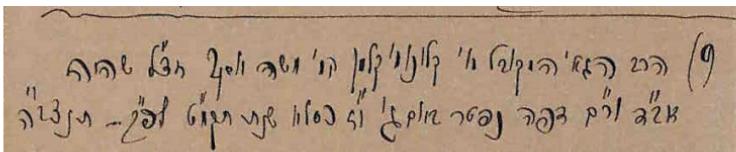
⁹ Bialystok historian, Avraham Shmuel Hershberg, author of the two volume *Pinkus Bialystok*, is a contender based on his arrival in Bialystok in the late 1800s although he does not have all the inscriptions of the letters recorded in his history. The date of transcription must be prior to 1898 as Bagnowka Jewish Cemetery in Bialystok was opened and by this date the renowned Zionist Rabbi Shmuel Mohilewer had passed (d. 1898), an unconscionable omission for the zamier.

¹⁰ Iwona Górska, et al., „Cmentarz z. Rabinacki, ul. Konstantego Kalinowskiego." In *Cmentarze w Bialymstoku*, Urząd Miejski w Bialymstoku, Departament Kultury, Pomocji i Sportu, 2022, pp. 372-374.

¹¹ Raphael Yom Tov Lipman b. Israel Halperin (1879); Izak b. David Zabludowsky (1865), Yehiel Michal b. Chaim Zabludowsky (1869), and Avraham Ebli b. Meshulem Feivil (1848).

and another mound on Bialystok's Central Park, dating from 1806-1856.¹² Based on dates of death, epigraphic structure and style, tombstone style and local oral records, these mound matzevot also belong to the Rabbinic Cemetery. The mound matzevot, the Hershberg *Pinkus* records, and now the Dubnow records are the only known records for this now non-existent Jewish Cemetery.¹³ While these 16 Dubnow epitaphs preserve only a fraction of the several thousand burials on this two-hectare cemetery, they still offer incredible insights into this early history of Jewish Bialystok.

The choice of inscriptions in this Dubnow letter, as noted, is primarily focused on recording epitaphs for the early Bialystok rabbis. Their literary style, abbreviations, epithets, and vocabulary designating rabbinic lineage, rabbinic role as head of *beth din* not only in Bialystok but also in selected regional cities (Tiktin, Orla, Trestina), and reference to rabbinic books authored parallel these same details in other epitaphs from the Rabbinic Cemetery as well as the earliest epitaphs in Bagnowka. For example, the peculiar expression “head of the *beth din* of ‘here’” in this epitaph and in #14 as well, is also recorded in the Bagnowka corpus,¹⁴ and in one epitaph in the Mohilev Podoski letter (#6),¹⁵ demonstrating a continuity in shared language through time and place.¹⁶

„The Rav, the prominent gaon, our teacher, Kalonimus Kalman [son of] our teacher Moshe Josef, a tsadik of blessed memory, who was the head of the Beth Din and head of the educational institute of here. He died on Tuesday, 12 Kislev 5549 [30 November 1788]. May his soul be bound in the bond of everlasting life.”

Three inscriptions are especially noteworthy for clarifying inscriptions preserved in a rare photograph by a Białystok histo-

¹² "Poland: an artificial mound outside the Bagnowka Jewish cemetery in Białystok could cover hundreds of matzevot dating back over 200 years." August 17, 2022. [<https://jewish-heritage-europe.eu/2022/08/17/poland-bialystok-bagnowka/>]

¹³ Several additional tombstones found amidst other city construction projects are purportedly kept in the Białystok City Storage.

¹⁴ For example, "Here lies a holy seed, a third generation, who ascended to the yeshivah on high, the prominent Rab, well-educated, R. Yehoshua Yisrael son of the gaon, the tsadik, our teacher, R. Chaim Hertz Halprin Halperin, a tsadik of blessed memory, head of the beth din of here. He died in a good name 15 Adar (Purim) 5691 [4 March 1931]. May his soul be bound in the bond of everlasting life."

¹⁵ "Crown of Torah. The rabbi, the prominent gaon who was from Odiya(?). He did not move from the midst of the tent of Torah and always clung to it. Our rabbi from [---], son of (the gaon) our teacher, the rabbi, Tsvi Hirsh, head of the beth din of here [---]. He died on Monday, 2 Kislev (5)571 (17 November 1810 O.C.)."

¹⁶ Heidi M. Szpek, *Bagnowka: A Modern Jewish Cemetery on the Russian Pale*, IUniverse, 2017, Chapters 2 and 3.

rian, Jan Glinka, featuring a rabbinic *ohel* on the Rabbinic Cemetery. In the 1930s, Glinka photographed this *ohel* with external epitaphs for three prominent Bialystok rabbis: Raphael Yom Tov Lipele Halperin (1879), Eliakum Gecil Meir (1864) and Kalonymus Kalman Hacohen (1880). While Halperin's inscription is recorded in Hershberg's *Pinkus Bialystok*,¹⁷ the other two rabbis' inscriptions were not. Thanks to Dubnow's letter, the inscriptions for the rabbis whose tombstones flanked Halperin's tombstone can now be returned to the historic record. As noted, only two Bialystok epitaphs in Dubnow's letter are not for rabbis. One is for entrepreneur, Izak Zabludowsky (1865), the most affluent Jewish man in Russia in the late 18th and 19th centuries, and another for his brother, Yehiel Michal (1869). The prominence of the Zabludowsky family in the history and development of Bialystok, especially Izak, may have inspired their inclusion. But why Yehiel Michal Zabludowsky? He may have been remembered by association with his brother but also for his own endorsement of Jewish life as recorded in *Pinkus Bialystok* when he paid a 54 rubles tax to wear Jewish clothing or he may also be the Michael Zabludovsky (1869), an author of *Mish'an Mayim*, a "rational interpretation of the Haggadah."¹⁸

Ohel of Raphael Yom Tov Lipele Halperin (center), Eliakum Gecil Meir (right) and Kalonymus Kalman Hacohen (left). Jan Glinka, 1930s. Public Domain.

¹⁷ Volume I, Bialystok Jewish Historical Association, 1949, p. 169.

¹⁸ Volume I, p. 153; and Herman Rosenthal, Peter Wiernik, "BYELOSTOK (Polish, Bialystok)," *Jewish Encyclopedia*, Isidore Singer, 1901-1906 [<https://www.jewishencyclopedia.com/articles/3871-bye-lostok>]

Thus, the Bialystok zamier selected these 16 epitaphs because of their critical value for documenting the most prominent Bialystok rabbis of the 19th century as well as the most influential entrepreneurs. Moreover, Dubnow's letter's value resides not only in the individuals remembered but that it also preserves epitaphs composed in the foundational epigraphic tradition of Bialystok's Rabbinic Cemetery, paralleled in Hershberg's *Pinkus Bialystok* and in the mound matzevoth discoveries. This tradition will continue and further develop on Bialystok's Bagnowka Jewish Cemetery (c. 1890-1969)¹⁹ with epigraphic parallels also recognizable in the few inscriptions from the Bialystok's Cholera Cemetery (1831-c. 1870) as recorded in one single photographic record.²⁰

Lublin. The Lublin correspondence with Dubnow (RG87/948) is by far the most extensive extant letter in this collection of grave-stone inscriptions. Seven pages of neat cursive Hebrew writing contain 26 Hebrew tombstone inscriptions, each clearly numbered (e.g. No 24). Each inscription is separated by three small x's arranged triangularly. The Hebrew heading for these pages reads: "*Matzevoth from the cemetery of the holy community of Lublin.*" In the right upper corner, marked by a 'x' is written in Hebrew: "*Sent by R. Josef Levinstein, father of the beth din of Serock. Adar 5654 (January/February 1894).*"²¹ Rabbi Josef Levinstein, born in Lublin in 1842, was a religious scholar, who served as rabbi in a number of towns before taking up his position in Serock (1875), north of Warsaw, until his death in 1924.²² Levinstein was also engaged in correspondence with Dubnow that same year (1894) regarding the controversy between the Hasidim and the Mithnagdim.²³ All inscriptions, dating from 1541 to 1818, belong to rabbis buried

¹⁹ Hershberg, *Pinkus Bialystok*, Vol 1, p. 463 similarly noted a stylistic parallel in the Rabbinic Cemetery inscriptions and the earliest on Bagnowka.

²⁰ Szpek, *Bagnowka*, p. 56.

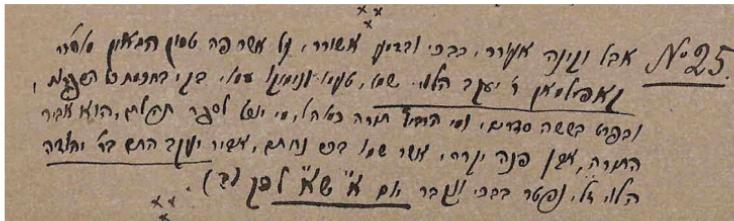
²¹ This folder also contains five additional letters, all in different handwriting than R. Levinstein's letter. The first is six-pages long, prefaced with the heading "from M---, Tuesday, 13 Tishri 5656 (19 September 1895). The second is a three-page letter, titled "Honored Lord!" with a Yiddish heading in *Kowno den 16 December 92*. Various words have been underscored in red pencil, including the book title "Josef Da'at" by R. Josef, b. Issachar, a man of Prague(?). Then follows a one-page letter entitled, "Sefer 'Josef Da'at' by R. Josef, b. Issachar, a man of Prague. A two-page letter, dated 21/3 March 1895 is signed by Shlomo Nissenbaum, author of *History of the Jews in Lublin* (1899), which includes Hebrew inscriptions from the Old Lublin Jewish Cemetery [<https://teatrnn.pl/lexicon/articles/old-jewish-cemetery-in-lublin/>] His letter is written to: "the wise and beloved rabbi, the gaon, of the Jews in exile in Russia and Poland, R. Shimon Dubnow." The last short letter, dated March 1895, is again from Nissenbaum to Dubnow.

²² Mordecai L. Wilensky, "The Polemic of Rabbi David of Makow against Hasidism." *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*, Volume 25, 1956, pp. 137-156.

²³ Wilensky, *Proceedings*, Vol. 25, p. 143

in the Old Jewish Cemetery in Lublin. Each of Levinstein's transcriptions are preceded by a parenthetical note clearly indicating the name of the rabbi in the following epitaph. He also includes locational parenthetical notes, for example, that a rabbi was buried next to the one in a previous record (e.g., No 16 and 17).

The Old Lublin Cemetery, located on Grodzisko hill within the city, was established before 1550, functioning until c. 18th century. The earliest burial of a certain Jakob halewi Kopelman, 1541, indicates it was already in use before its official opening.²⁴ Entry No 25 in the Lublin letter preserves this very epitaph.

"I will wake up with grief and lamentation **אָבֵל** with tears I will be comforted about the one buried here, the gaon, our teacher, the rabbi, R. Kopelman, R Jakob halewi. His name is his taste and his reasoning with him is well versed in the wisdom of all books, and in particular in the six orders, and who preached the Torah like him and who can recite his praises. He is the noble one of the Torah, a precious stone, whose name was sealed(?), Jakob [--] son of Yehudah halewi of blessed memory. He died in [?] and was buried on Sunday [?] 1541."

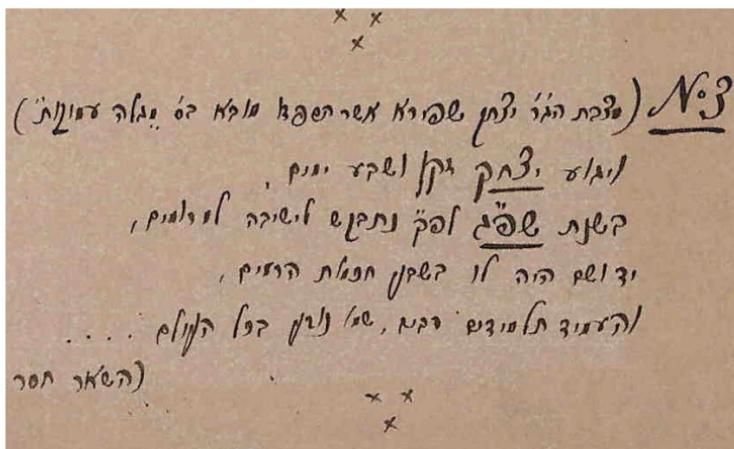
The Old Lublin Cemetery was devastated in the 19th century and again during World War II. About 60 matzevoth remain today, including several that are also in Dubnow's letter. The inscriptions recorded in Dubnow's letter from Lublin also include Yehiel, the son, and Israel Isar, the grandson, of the renowned Talmudist *Maharshal* Shlomo Luria (1510-1573); Shalom Shechna, the father-in-law of R. Moses Isserles *REMU* (1510-1573) and "the famous progenitor of Polish Talmudism", "a senior rabbi of Little Poland (Krakow and Lublin),"²⁵ who was also the teacher of both the *Maharshal* and the *Remu*; as well as other rabbis, who served as heads of the Beth Din of Lublin or in positions such as a *parnas* or a ritual slaughterer. About six years after this letter was sent to Dubnow, Shlomo Baruch Nissenbaum published his *History of the Jews in Lublin*,

²⁴ "Stary cmentarz żydowski w Lublinie (ul. Kalinowszczyzna)." Virtual Shtetl <<https://sztetl.org.pl/en/towns/l/264-lublin/114-cemeteries/19862-stary-cmentarz-zydowski-w-lublinie-ul-kalinowszczyzna>>; "LUBLIN: Lubelskie [Głusku]." International Jewish Cemetery Project, International Association of Jewish Genealogical Societies [<https://iajgscemetary.org/eastern-europe/poland/lublin>]; Rebecca Weiner, "Virtual Jewish World: Lublin, Poland." Jewish Virtual Library [<https://www.jewishvirtuallibrary.org/lublin-virtual-jewish-history-tour>]

²⁵ Dubnow, *History of the Jews of Russia and Poland*, pp. 104, 109. Dubnow offers detailed information about this early generation of Lublin rabbis (pp. 112,125,128,129,199).

which includes hundreds of transcriptions of rabbinic generations in Lublin.²⁶ Eleven of the 26 epitaphs recorded in Levinstein's letter to Dubnow are in Nissenbaum's work, including Kopelman's.²⁷ The remaining 15 of the Levinstein transcriptions are, at present, not recorded elsewhere. Zamier R. Josef Levinstein's choice of epitaphs is clearly directed by their significance in the Lublin rabbinical hierarchy, including familiar connections to the REMU.

One most intriguing epitaph (No. 4), for Rabbi Nathan Shapiro (d. 1652), preserves the expression of "he sprinkled the Torah in Israel." This expression is found twice in Bialystok's Bagnowka corpus of inscriptions, in the slight variant of "he sprinkled the Torah with whispers (i.e. comments)."²⁸ While rabbinic lineages as well as mystical turns-of-phrase are prevalent in the Levinstein Lublin transcriptions, language from the Book of Job and other biblical texts also are present, as for example in the epitaph (#3) for R. Yitzhak Shapiro (d. 1623):

"(The matzevah of the gaon, R. Yitzhak Shapiro, who is remembered in the introduction of the book, *Megilah Amikot*.) And Yitzhaq expired, old and full of days (Job 42:17). In the year [5]383, he was summoned to the yeshivah on high, for him there is a memorial and a name (*yad veshem* Isaiah 56:5), in the seven wisdoms of the heavens. And he produced many students, his name was known throughout the whole world. [remainder not extant]."²⁹

²⁶ Shlomo Baruch Nissenbaum, *History of the Jews in Lublin*, Avraham Feder Printer, 1899. [in Hebrew].

²⁷ Nissenbaum, pp. 16-17.

²⁸ In one anonymous Bagnowka fragment, the deceased (c. 1900s) is remembered as a member of the Society of Mishnayot; the other epitaph is for Rabbi Israel b. Joel David Doenitz (d. 1927), author of *Yad LeMikra*. Szpek, *Bagnowka*, pp. 250-251.

²⁹ Nissenbaum, p. 31, preserves several more words: *לו דומי תהלה, עמוד יגוליה* "Glory be to him, a pillar will be exalted."

The specific language of Job and Isaiah incorporated into this epitaph find parallels throughout the Jewish epitaphic tradition.³⁰ The expression of “summoned to the yeshivah on high”, by contrast, is rare, and, at present, only attested on Bialystok’s epitaphic records and in Hershberg’s *Pinkus* records. The value of this expression in Lublin and Bialystok once again speaks to a shared epitaphic tradition separated by nearly 300 years and 246 kilometers.

Mohilev Podolsk. Dubnov’s correspondence from Mohilev Podolsk (RG 87/950a) consists of a four-page letter with the first two pages in cursive Russian recording excerpts from the *Book of Statistics of the Province of Podolia*, dated back to 1889. The text includes notes of events in the years 1564, 1672, and 1784. At the end of page two in a hurried cursive Hebrew script is added that “these words (records), part of the city documents, were found in an ash heap in the rubble of our city.” Then follow two pages of Hebrew text,³¹ with the heading, worded as *Concerning the history of Israel in the city of Mohilev Podalsk*, by Menahem Nahum Nitinski. An introduction in Hebrew follows, and then six Hebrew tombstone transcriptions numbered with Hebrew letters. The Hebrew introduction notes the Russian book from which these records were taken (pp. 477-479), followed by a subheading (Wording on the old matzevoth). The six transcriptions have explanatory footnotes. The last footnote, however, is missing. Within each epitaph, Nitinski also provides parenthetical notes with suggested readings or corrections in place of the original. Dates of death are 1615-1810.³²

The first mention of Jews in Mohilev Podolsk dates back to 1637, their community subsequently destroyed amidst the Khmelnytsky Uprising (1648-49). By 1765, 910 tax-paying Jews lived in Mohilev Podolsk with two synagogues.³³ Today near Mohilev Podolsk a large Jewish Cemetery (17 hectares) still exists just south of the Dnister River in Moldava.³⁴ The oldest extant tombstone to-

³⁰ See, for example, Heidi M. Szpek, “May the dew fall upon them”: Jewish Epitaphic Poetry from the late 19th – early 20th Centuries in Bialystok and Bible Reception, *International Joint Conference of the Society of Biblical Literature and the European Association of Biblical Studies*, Helsinki, Finland, 31 July – 4 August, 2018 [<https://www.jewishepitaphs.org/papers-articles-and-essays/>]

³¹ In this folder, the Hebrew pages have been scanned out of order. The transcriptions of the Hebrew epitaphs with an introduction should be followed by a page that continues the footnotes to these epitaphs begun after the final epitaph entry. Also, a page is missing that held footnote #7 of epitaph entry #6.

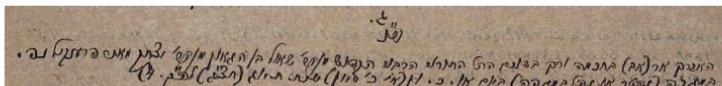
³² Possibly 1615 though even the transcriber questioned the date of death for this father and son.

³³ “Mogilev-Podolsky: Vinnitsa Region.” *My Shtetl: Jewish Towns of Ukraine*, 2012 [https://myshtetl.org/vinnitskaja/mogilev_en.html]

³⁴ “Ataki New Jewish Cemetery (Velchinets).” *ESJF European Jewish Cemeteries Initiative* [<https://www.esjf-cemeteries.org/survey/ataki-new-jewish-cemetery-velchinets/>]

day dates back to the 1860s, much too recent for the Nitinski transcriptions, suggesting an earlier cemetery once existed.

All epitaphs are for men with rabbinic affiliations. The first, for example, remembers Josef Aske(?), son of the grandson Leyb Hasid, head of the *beth din* of Lviv. His epitaph opens with an excerpt from Genesis 47:12 "And Joseph cared for his father and his brothers and all his generation ..." which Nitinski has for some reason transcribed twice. In the footnote to the first epitaph, he tries to clarify certain details as well as offer his computation for the chronogram used to indicate the date of death = 375, 5375 = 1615. If this record is accurate, the date of death for Rabbi Josef would precede the earliest record of Jews in Mogilev Podolski by more than 20 years! The second epitaph remembers a husband and author, Manasseh Isaiah, son of Avraham, and his wife Reykhel, daughter of Leyb Canpisz(?). The husband and wife both perished in a fire on the 13 or 23 Iyyar 5483 (7/17 May 1723), where they are called 'kedoshim' martyrs thus negating death due to a house or business fire or even amidst war. The third epitaph remembers a young religious scholar, Shaul b. Yitzhak Meir Freynkel, who died in a plague on 20 Sivan 5413 or 5493 (5 June 1653 or 23 May 1733).³⁵ In 1732, influenza struck Russia. Nitinski's note comments on this same bout of influenza as the cause of this young religious scholar's death. The surname Freynkel is attested to in later birth and death records from Mohilev Podolski from the early 1900s. While two of the last three epitaphs only record dates of death, the last, for a R. Tsvi Hirsh (c. 1810), records that "he never moved from the tent of Torah, always remained in it and that he was "the father of the *beth din* of here", the same phrase, as noted, attested to in Bialystok, again demonstrating a shared epitaphic tradition. Thus, the Mogilev Podolsk letter offers evidence for the existence of the earliest cemetery in this town as well as for its connections to the early history of this town. Nitinski's textual emendations and comments in 1894 parallels contemporary challenges in reading Jewish epitaphs.

"Here lies the young scholar, (father?) in wisdom but tender in years, he [-] the many holy ones, our teacher, the rabbi, R. Shaul, son of the gaon, our teacher, the rabbi, R. Yitzhak Meir Freynkel. He died in a plague (he died when the plague fell), Sunday, 20 Sivan 5413 (5493)."

³⁵ Nitinski places the year 1733 in parentheses after the inscription's date of 1653. In his footnote (#4), he comments that a plague occurred in 1732, suggesting the inscription may have held an error.

Menahem Nahum Nitinski did not choose inscriptions for individuals with rabbinic affiliations. Rather his records challenge the known historical date of Mohilev Podolsk (1615 or 1637) and give us a glimpse into the challenges of everyday life in this town where ‘fire’ and ‘plague’ cut life short.

Kishinev. The Kishinev letter is one page long, divided into six horizontal registers by ruled lines. It is prefaced by a (later) heading in purple pencil “written in Kishinev.” This letter is part of Dubnow’s Folder RG87/947c, dated back to 1894. Dates of death for these six epitaphs range from 1712 to 1794. Four are for women, who may be daughters of rabbis, and two for men, only one of whom is a rabbi.

Dates of death suggest that these transcriptions predate the famous Chisinau Jewish Cemetery on Milano Street that covers over a million square meters with 23,430 graves, the earliest of which is dated back to the 19th century.³⁶ Dubnow’s Kishinev transcriptions may come from tombstones located in an early Jewish Cemetery then near Kishinev, in the village of Riscani,³⁷ today, a northern district of Kishinev. The Kishinev *Pinkus* notes that “the beginnings of the Jewish community of Kishinev are covered by the mist of time,” but date back to the 18th century.³⁸ While a *hevra kaddisha* was founded in 1774 for a small Jewish population (540/7%), all but one of Dubnow’s letter epitaphs predate this *hevra*, suggesting these epitaphs derive from the Riscani (or another no longer extant) cemetery. When Kishinev became the capital of Bessarabia under Russian rule in 1818, the Jewish community developed quickly and the Kishinev Jewish Cemetery that most are familiar with today was founded.³⁹

As noted, the Kishinev letter records six epitaphs, four for women and two for men. One is for a rabbi (Aharon, son of R. Shalom Halewi, d. 1712). He also bears the ‘ha-kadosh’ designation, typically used for a martyr though no information is offered or, at present, exists elsewhere explaining his death. The other man (Pessach, b. Yehuda, d. 1750) is described as ‘important, respected’, the same adjective more typically used for women, including three

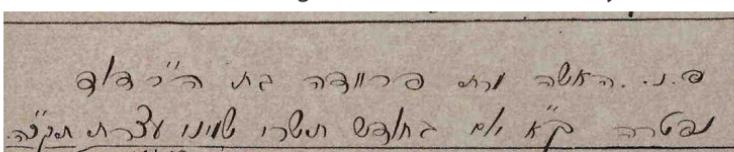
³⁶ “Kishinev Jewish Cemeteries.” JewishGen KehilaLinks. [https://kehilalinks.jewishgen.org/chisinau/RES_Cemeteries.asp]

³⁷ “Chisinau.” Encyclopedia of Jewish Communities in Romania, Volume 2 (Chișinău, Moldova) 47°00' 28°51', p. 400 [https://www.jewishgen.org/Yizkor/pinkas_romania/rom2_00400.html]

³⁸ *The Jews of Kishinev* (Chișinău, Moldova) 47°00' / 28°57'. Translation of Yehudei Kishinev by Sheli Fain. Tel Aviv, 1950, p. 20 [<https://www.jewishgen.org/yizkor/kishinev/kishinev.html#TOC>]

³⁹ “Kishinev Jewish Cemeteries.” JewishGen KehilaLinks. [https://kehilalinks.jewishgen.org/chisinau/RES_Cemeteries.asp]

of the women remembered in these epitaphs.⁴⁰ All women seem to be daughters of rabbis by virtue of the phrase ‘daughter of the rabbi, Reb’ or ‘daughter of our teacher, our rabbi’. Their precise paternal ancestry or connection to a distinguished rabbinic lineage is uncertain. For Freida, daughter of the rabbi, R. David, who died in 1764, her father’s given name is the same as a record in the Kishinev *Pinkus* from a Romanian historian, who reports a legal ruling in favor of a Jew named David in 1742, whose goods had been stolen.⁴¹ While these Kishinev epitaphs offer evidence for those buried in Kishinev’s earliest cemetery in Riscani, this particular record may be one of the earliest connections between a Kishinev epitaph and documented historic detail for this Jewish community, thus explaining this unknown Kishinev zamier’s provocative choice and its value hinting at the world of 18th century Kishinev.

“Here lies the woman, Miss Freida, daughter of R. David. She died on 1 Tishri, Shimonim Atzeret 5525 [1764].”

Ostroha and Stepan.

In RG87/953, letters to Dubnow from four cities in the Volhynia province of current N.W. Ukraine are gathered. The cities are Ostroh(a), Zaslav, Stepan and Olik; however, only the letters from Ostroha and Stepan record a Hebrew epitaph from their respective cemeteries, with the Stepan letter also mentioning a paternal connection to Lutsk, due west of Rivne, the center of the Rivne region where these cities are located. The Ostroha letter contains only transcriptions; the Stepan epitaphs are set within two larger letters.

The city of Stepan, south of Ostroha, is not far from Lutsk (120km); the letter from Lutsk will be taken up shortly. A Jewish community is noted in Stepan in the 17th century, a community that like so many in this area suffered during the Khmelnytsky Uprising.⁴² Stepan had a Jewish cemetery in the northeast quadrant of town

⁴⁰ See the examples of translations at [www.bagnowka.pl]

⁴¹ *The Jews of Kishinev* (Chișinău, Moldova) 47°00' / 28°57'. Translation of *Yehudei Kishinev*. Edited by Yitzhak Koren, Tel Aviv 1950, p. 16.

⁴² “Stepan.” The Faina Petryzakova Scientific Center for Judaica and Jewish Art, 2022 [<http://www.jewish-heritage.org.ua/en/6352/stepan.html>]

near the Horyn River but all that remains today is a dilapidated metal fence and less than two dozen matzevoth, dating from 1919–1936.⁴³ Research by the ESJF European Jewish Cemeteries Initiative suggests it dates back to the early 19th century, however, one Stepan letter, as will be seen, preserves the epitaph of R. Josef Joel b. Jakob Aharon Heilprin (d. 1769), whose tombstone is still extant today, suggesting that this cemetery dates back to the 18th century.⁴⁴

Set within an anonymous two-page letter, written to Dubnow on 13 Adar I 5657 (3 February 1897) from the city of Ostroha, is an epitaph of the prominent gaon, R. Josef Joel, head of the *beth din* of Stepan, son of a prominent gaon of a distinguished lineage, Jakob Aharon Heilprin, head of the *beth din* of Lutsk. R. Josef Joel Heilprin died on 10 Adar II [1769].⁴⁵ A second letter in the same cursive handwriting, with the heading ‘Stepan’, records two additional inscriptions. The first for R. Yehuda Halewi, a rabbi from the community of Stepan and the surroundings, and the son-in-law of a Yehiel Michal, who was a student of the renown Magid of Mezritsh.⁴⁶ He died in 5503 (1743). The second remembers another rabbi, Israel Dov Ber, son of the *maggid* David Halewi from Stepan and author of the book “Hanagit Adam.” He died on the 12 Cheshvan 5602 (15 October 1841).

This folder concludes with a two-page letter, in flowery-cursive Hebrew, that preserves five epitaphs, prefaced by “These are the words which were engraved upon the matzevah of our rabbi, the great gaon, whose name is Maharsha, a tsadik of blessed memory, who is carefully buried in the sacred earth of *here*, our community of Ostroha.” The letter closes with the comment: “All this was transcribed letter by letter” and then stamped Naftali Hertz Lerner, the righteous teacher of the holy community of Ostroha.⁴⁷ Lerner transcribed the two-sided epitaph of the “Maharsha of Ostroha, Shmuel Eliezer, son of Yehudah Halewi, who was summoned to the *yeshivah on high* on 5 Kislev 5392 (20 November 1632).” He also transcribed the epitaphs of Maharsha’s three granddaughters, who were buried near him (Hinda 5501; Sarol 5501; Sarah 5502), and another rabbi and his daughter (Menahem Mendil b. Eliezer, no name, no dates of death), who was also the Maharsha’s grand-

⁴³ “Stepan.” ESJF European Jewish Cemeteries Initiative <https://www.esjf-cemeteries.org/survey/stepan-jewish-cemetery/>

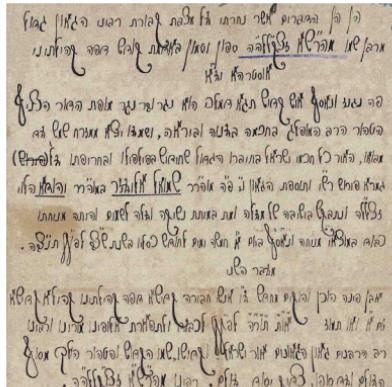
⁴⁴ Same.

⁴⁵ A family record at [https://www.jewishgen.org/webtrees/individual.php?pid=11797&ged=1_70125_u ged] is the source of this date of death as 1769.

⁴⁶ David Biale, et al, *Hasidism: A New History*, Princeton University Press, 2019, pp. 77–99.

⁴⁷ It is unknown whether Lerner was the zamier for all these towns in the Volhynia province.

daughter. The expression of ‘yeshivah on high’ is found, as noted, though rare, in Bagnowka Jewish Cemetery in Bialystok (1900, 1927, 1931), in the Lublin letter epitaph (1623) and now here in Ostroha (1632), revealing over 300 years of continuity in the language of epitaphs among these distant cities.

Preface to the Maharsha's epitaph, Ostroha.

Ostroha's Jewish community began in the late 14th century and became a leading Jewish spiritual center and one of the four original communities of the Council of the Four Lands.⁴⁸ Destroyed amidst the Khmelnytsky Uprising (1648), it regained its stature by the 18th Century. Shlomo Luria (Maharashal) was part of this community, as was Shmuel Eliezer (Maharasha), whose epitaph Lerner recorded for Dubnow. The *ohel* of the Maharsha still stands today and the cemetery has been partially restored.⁴⁹ Both the Stepan and Ostroha epitaphs offer evidence of the antiquity of these Jewish cemeteries. Clearly, once again, the zamier's choice of epitaphs is guided by their value in detailing the rabbinic dynasties of these towns. Most unique is the recording of the granddaughters of these two rabbis.

Gomel. The Gomel folder RG87/947a is dated back to 1898 based on the Russian date at the end of this letter. Dubnow's letter from Gomel within this folder records one partial Hebrew inscription that dates back to 1751, framed by cursive Russian text. The letter reads:

"(Russian) In Gomel, in Babushkin's school (Troitskaya Street), where, according to legend, Jews were slaughtered in 1648 and where there was a Jewish cemetery.

⁴⁸ "Ostrog," *Encyclopedia of Jewish Life*, p. 950 [<https://www.jewishvirtuallibrary.org/ostrog>]

⁴⁹ "Ostroh." Shtetl Routes [[https://shtetlroutes.eu/files/shtetlroutes/pdf/ShtetlRoutes_EN_www2_p339_349_Ostroh.pdf]]

I found (this stone) in the yard, overgrown by weeds.

(Hebrew) a stone matzevah is broken.

(Russian) Other things on it include:

(Hebrew) 1. upright and God-fearing

2. who turned from evil and set aside [times for Torah]

3. with commandments ---

4. ---- Torah

5. Our teacher, the scholar, R. Hillel, son of R. Azriel

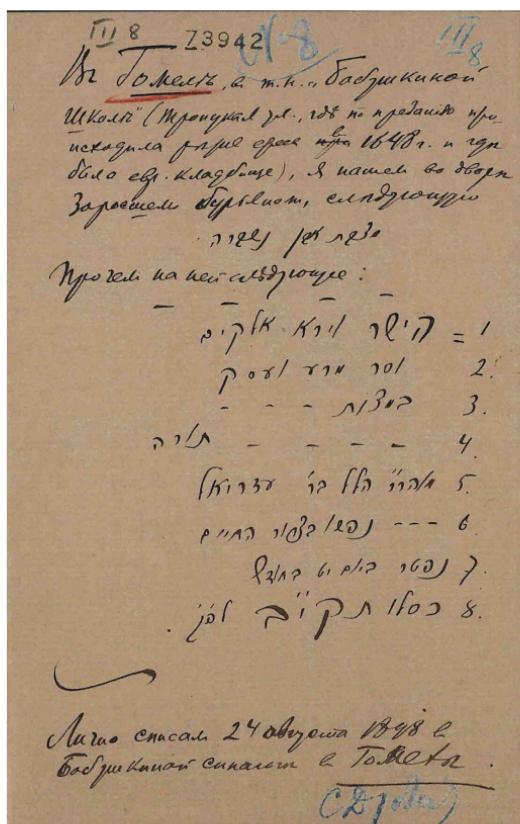
6. --- [May] his soul [be bound] in the bond of [everlasting] life.

7. He died on the 19th day in the month of

8. Kislev (5)512 according to the shortened reckoning [26 November 1751].

(Russian) Personally written on 24 August 1898

Babushkin's son in Gomel"

Dubnow's letter from Gomel, 1898.

The word Gomel is underscored in the transcription and the first time it appears it is also underlined in red pencil, presumably by Dubnow, who also signed the letter at the bottom in blue pencil. The letter concludes with "personally written on 24 August

1898 by Babuszkin's son in Gomel," thus confirming Dubnow was the recipient not the author. Though broken, what remains of this tombstone clearly indicates the deceased was a rabbi and religious scholar. The epithets that precede his name and patronymic derive from the book of Job (1:1,8) and are part of the standard epitaphic tradition.⁵⁰

Little information exists about the Gomel Jewish Cemetery save a reference that when the Cossacks attacked Gomel in the Khmelnytsky Uprising (1648-49) they left 2000 Jewish victims; those victims were buried in this cemetery.⁵¹ Yehudah Leib Kahanowicz recounts this attack and the legend that grew from it in his "Homel: History of the City."⁵² Amidst the Cossack attack in 1648, only one young Jewish woman survived, having hidden among the dead and the graves on the cemetery. She later married a man named Babuszkin, beginning the family name that continues to the present. Later, in 1898, a *zamier* found a broken tombstone in the [court]yard of a school or synagogue on Troitskaya Street and reported it to Dubnow. This discovery may mark the site of the former cemetery in the oldest part of Gomel, in the vicinity of the Great Synagogue and several girls' schools. This broken tombstone, however, is not the tombstone for a victim of the Khmelnytsky Uprising, but rather for a man, who died in 1751 as recorded in the epitaph. Kahanowicz dates back this tombstone to 1765 perhaps in connection with the first entry in the Gomel *Pinkus*, dating to 1766.⁵³ At that time, there were 685 Jewish families with Chabad Hasidism predominating.⁵⁴ The tombstone (1751) in Dubnow's letter predates this first *Pinkus* entry questioning whether reference is to the same cemetery.

Since 1922, the Gomel cemetery had been vandalized, finally demolished in 1961. Attempts to restore it saw the exhumation of human remains removed and reinterred in the nearby Pru-

⁵⁰ Heidi M. Szpeik, "Here Lies a Perfect and Upright Man": Jewish Epitaphs from Drohiczyn, Poland. Western Jewish Studies Association Conference. Portland State University. 18-19 March 2007; Szpeik, "On the Influence of Job on Jewish Epitaphs." Pacific Northwest Society of Biblical Literature. Gonzaga University Spokane, Washington. May 2011; Szpeik, "May the dew fall upon them": Jewish Epitaphic Poetry from the late 19th – early 20th Centuries in Bialystok and Bible Reception. *International Joint Conference of the Society of Biblical Literature and the European Association of Biblical Studies*. Helsinki, Finland. 31 July – 4 August 2018; Szpeik, *Bagnowka: A Modern Jewish Cemetery on the Russian Pale*. IUniverse, 2017: 352.

⁵¹ "Our History." Gomel Jewish Religious Community: Beth Jakob. [<https://www.jewishgomel.com/eng/clauses/nasha-istoriya/>]; and "Homel," YIVO Encyclopedia, pp. 750-751.

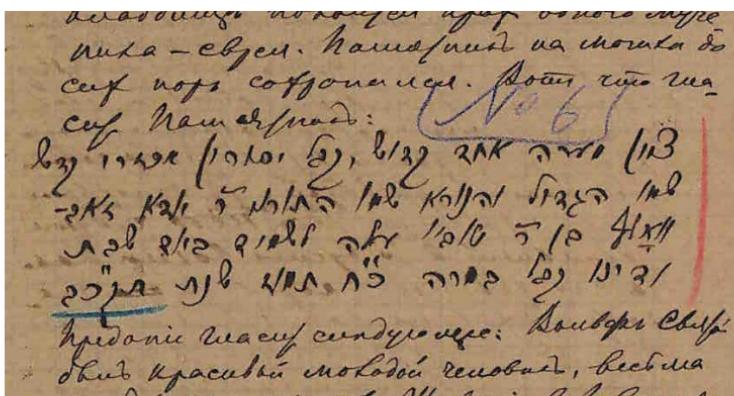
⁵² In *Cities and Towns in Israel: A Sacred Monument for the Communities that were Destroyed by Tyrants and our Poor People in the Land of Israel*. Edited by Y. L. Fishman, 2018: 190. [In Hebrew] On p. 190, Kahanowicz references this legend, and the tombstone discovered, noting, however, that Dubnow found it in 1896.

⁵³ Same, p. 190.

⁵⁴ "Gomel." Encyclopedia Judaica. Volume 7 (FR-HA). Keter Publishing Company, 1978, p. 388.

dok Jewish Cemetery. Today, the cemetery is covered by a soccer field.⁵⁵ If the cemetery covered by the contemporary soccer field is the cemetery referenced in this Dubnow letter, it is less than two kilometers from the synagogue and schools. Thus, all references are to the same cemetery. This Dubnow's letter and its partial inscription may be the only extant record from the Gomel Cemetery commenting on the cemetery's location, its use to bury victims of the Khmelnytsky Uprising and a later Jewish resident of the mid-18th century. The identity of the resident, R. Hillel Azariel of Gomel, however, remains a mystery. Kahanowicz's history offers no discussion about the tombstone's epitaph whereas the discovery of this tombstone and its partial epitaph serves as the vehicle to record this legend and perhaps, more significantly, to remember the eponymous beginning of the Babuszkin ancestry.

Lutsk. Set within a four-page handwritten Russian letter is a Hebrew epitaph for a Juda-Zev Wolf, son of Tuvia: "A Memorial, a holy cave, his fate was received. His name was holy, his name was great, and his name was awesome, the interpreter, R. Juda Zev-Wolf, son of R. Tuvia. He ascended to the heavens on the Sabbath day, and his judgment was bitter 28 Tammuz year 5522 (8 July 1762)." The letter has the signature of Dubnow as well as of an L. Binshtok, the zamier.⁵⁶ The Lutsk folder (RG87/947f) is dated back to 1892 based on the heading of this letter, which is *27/8 December 1892*. A marginal note in blue pencil records the year 1893, perhaps when the letter was registered.

Hebrew epitaph in Lutsk letter, labeled No 6. Note the red pencil line marking the epitaph within the letter. The year of death (5522) is underscored in Prussian Blue.

⁵⁵ "Gomel." Virtual Sztetl. [<https://sztetl.org.pl/en/towns/g/1485-gomel/114-cemeteries>]

⁵⁶ A G. Binshtok is also listed in the Dubnow Papers (RG87/1037). That folder is not digitally available.

Jews had lived in Lutsk since the 10th century and in the 13th century a community of Karaites settled there as well. Both Jews (Rabbinite) and Karaites were granted the rights of the Jews of Lithuania and latter of Poland-Lithuania. From 1569 to 1795, Lutsk was a district center for the Polish-Lithuanian Commonwealth, after which it became part of the Russian Empire.⁵⁷ The city suffered under the Khmelnytsky Uprising but persevered. In the 18th century, Lutsk may have also been attacked during the Haidamack Uprising though the date of death for the ‘martyr’ Juda-Zev Wolf, 1762, does not directly coincide with the three primary Haidamack attacks in 1734, 1750 and 1768.⁵⁸

Contemporary sources connect Juda-Zev’s death with a ritual murder and statement that his execution was in 1764;⁵⁹ however, this letter clearly reads 1762.⁶⁰ Noting the 1696 blood libel execution of four Jews, the YIVO entry for Lutsk continues: “In another case in 1764, Yehudah Ze’ev ben Toviyah chose execution rather than to convert to Christianity,”⁶¹ suggesting that his death involved blood libel. A recent translation of the Old Russian narrative into which this Hebrew epitaph was set reveals the shocking details of Juda-Zev’s murder:

[...] a message that came to me from my late mother, who heard about all this from people living at the time, specifically from her late grandmother and grandfather. In the old cemetery in Lutsk, lie the ashes of a certain martyred Jew. The tombstone on the grave has survived to this day. (Hebrew epitaph): *A Memorial, a holy cave, his fate was received. His name was holy, his name was great, and his name was awesome, the interpreter, R. Juda Zev-Wolf, son of R. Tuvia. He ascended to the heavens on the Sabbath day, and his judgment was bitter, 28 Tammuz year 5522 (8 July 1762).* The news goes as follows: Saint Wolf was a beautiful young man, very pious and learned. Catholic priests living in the city of Lutsk at that time, numbering three thousand people, seduced by his beauty and intellect, decided to include this young Jew in the Catholic Church at any cost. In the disputes Wolf, the saint, defeated them, and as his victories in these disputes increased, the desire to include him in the Church, which

⁵⁷ “Lutsk.” YIVO Encyclopedia, p. 1103.

⁵⁸ “Haidamaka Uprisings.” In *Internet Encyclopedia of Ukraine* <https://www.encyclopediaofukraine.com/display.asp?linkpath=pages%5CH%5CA%5CHaidamakauprisings.htm>

⁵⁹ “Lutsk: History” Virtual Shtetl notes in 1764 they (the Jews of Lutsk) were accused of ritual murder (rabbi Jehuda Ze’ev ben Tovia died a martyr’s death) <https://sztetl.org.pl/en/towns/l/983-lutsk/99-history/137634-history-of-community-1764-and-Jehuda-is-called-a-rabbi>. “Lutsk Volhynia, Ukraine: Historical Sketch.” JewishGenKehilahLinks notes his martyrdom occurred seven decades after the 1696 blood libel execution of four Jews. <https://kehilalinks.jewishgen.org/lutsk/history.asp>

⁶⁰ The 18th Century Ashkenazi cursive writing has several distinct letters as compared to the 19th and later centuries. The letters *beth* (= 2) and *dalet* (4) can easily be confused; however, in this letter the *beth* in such words as *Zev, ben, Tuvia*, etc. versus the *dalet* in *kadosh, gadol, had*, etc. indicates that the date is (5)522 not (5)524. <https://sztetl.org.pl/en/towns/l/983-lutsk/99-history/137634-history-of-community-1764-and-Jehuda-is-called-a-rabbi>. <https://kehilalinks.jewishgen.org/lutsk/history.asp> citing Encyclopedia

⁶¹ “Lutsk.” YIVO Encyclopedia, p. 1103.

was losing, also increased. Seeing the futility of their efforts, the losers tossed a slaughtered pig to St. Wolf's house. According to the custom of the time, it was necessary to reward the farmer [for his loss] with millet in such quantity that it covered the pig placed on its hind legs perpendicularly. Of course, not only Saint Wolf but the entire community of the time could not give such a high ransom. After serving several months in prison, he was given the choice of Catholic baptism or death by quartering (of the body). He chose the last option.⁶²

The letter continues with the coincidental death of those involved in this ritual murder. In Lutsk, a New Karaite Cemetery was "demolished and overbuilt" with no extant tombstones.⁶³ The (Rabbinit) Cemetery was located along the Styr River, about three kilometers east of the Choral Synagogue and Jewish Quarter. A 1994 Survey located it on Lenin Street in the surrounding rural area near other cemeteries.⁶⁴ Today, only a monument stands on the Old Jewish Cemetery where Juda-Zev Wolf was buried.⁶⁵ In Binshtok's letter to Dubnow, we not only have the only extant details of the Lutsk Jewish Cemetery at the turn of the 20th Century and a possible detail to correct in the historic record (1762 not 1764), we also have a written version of the Lutsk oral legend of Juda-Zev Wolf's martyrdom, resulting from jealousy of this young man's wisdom and his refusal to convert to Christianity.

Lipoviets RG87/1023 preserves a four-page letter from *zamier* Yehudah Leyb Weisman to Simon Dubnow, dated 21 February 1893, and stamped by Weisman nearly two months later, regarding a tombstone discovered in the Lipoviets Jewish Cemetery. The history of Lipoviets, Ukraine, due east of Vinnytsia, finds Jews first mentioned in this city in 1747, with population of about 1000 at this time.⁶⁶ They suffered under the Haidamaks at that time.⁶⁷ A cemetery was established in Lipoviets c. 1700 with its last burial in 1993. A Jewish cemetery still exists today, though neglected,⁶⁸

⁶² Translated by Joanna Czaban, Russian and Yiddish translator. Kryni, Poland, September 2024.

⁶³ "Lutsk New Karaite Jewish Cemetery: Historical Overview." *ESJF European Jewish Cemeteries Initiative* <https://www.esjf-cemeteries.org/survey/lutsk-new-karaite-jewish-cemetery/>

⁶⁴ Yoysef Retseptor (Joseph Receptor), "Once there was a town named Lutsk and it was destroyed." (*Geven a Shtot Lutsk, Geven un Umgekumen*) Paris, France https://bjbark.com/lutsk_ukraine.htm#ONCE%20THERE%20WAS%20A%20TOWN%20NAMED%20LUTSKAND%20IT%20WAS%20DESTROYED

⁶⁵ "Cmentarz żydowski Stary w Łucku (wul. Zapowitna 1)." Virtual Shtetl. [<https://sztetl.org.pl/en/node/182236>]

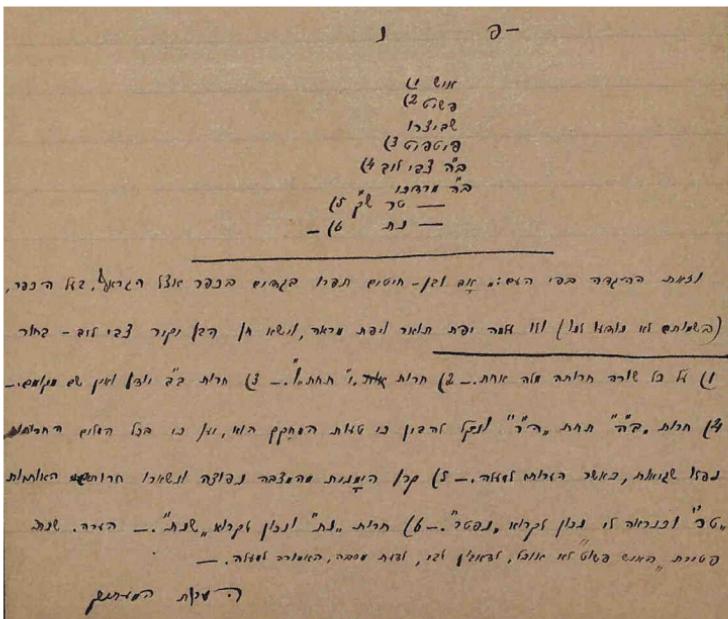
⁶⁶ "Lipoviets." *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*. Edited by Shmuel Spector. New York University Press, 2001, Volume 2, p. 735.

⁶⁷ "Lipoviets: Vinnitsa Region." *My Shtetl: Jewish Towns in Ukraine*. [https://myshtel.org/vinnitskaja/lipov-ec_en.html]

⁶⁸ "LIPOVETS [Lipovetz, Lypovets, Lipowiec, Lipovec, Lypovets]." International Jewish Cemetery Project, International Association of Jewish Genealogical Societies [<https://iajgscemetery.org/eastern-europe/ukraine/lipovets-lipovetz-lypovets>]

as well a memorial that remembers those Jews murdered in the Holocaust.⁶⁹

In this Dubnow's letter, the same epitaph is discussed twice although no names or date of death are recorded, offering no hint as to which cemetery this epitaph belongs. Weisman provides running notes for each line of text, discussing even the most seemingly trivial details. The value thus of this letter and epitaph is Weisman's text-critical analysis, compelling as an early example of the study of the Jewish epitaph as a literary source. For example, after the opening abbreviation (א ג), he notes the next line in every epitaph (lit. song) has one word: "man." One intriguing detail is the use of the adjective "simple, plain" (פְּשִׁיטָה) to describe the man remembered here. In thousands of epitaphs from Bialystok, the Podlasie region and varied locations in Eastern Europe, this is the first time such an accolade is attested, with variations of the expression of "perfect and upright, God-fearing" (Job 1:4,7) most often used.⁷⁰

Lipovets Gravestone Letter excerpt.

Weisman provides a note for nearly each (incomplete) line of the epitaphs

⁶⁹ "Lipovets." Memorial Museums. [<https://www.memorialmuseums.org/memorialmuseum/memorial-to-the-murdered-jews-of-lipovets>]

⁷⁰ Szpek, *Bagnowka*, pp.241-288.

Conclusion

This study of a small, overlooked collection of gravestone inscriptions within the Communalia Series of the YIVO Dubnow Papers demonstrates that zamiers responded to Dubnow's plea. We see Dubnow's plea in action – a call for documentation and a response via letters. These letters provide examples of what types of information were gathered and the nature of the sources used. While the sources are tombstone inscriptions, where they were discovered – existent and non-existent cemeteries, an ash heap, town records, adds to their intrigue. In his annotations and color highlights of certain details in these letters and epitaphs, we are also witness to the nature of the details Dubnow sought for writing his history. More pertinent, however, for cemetery studies today is that these zamiers – and Dubnow, of course, recognized the importance of tombstone inscriptions for writing that history. These inscriptions preserve names and biographic details, as well as historic events. Why he did not use many of these specific records in his history cannot precisely be known, although perhaps the details from smaller towns were just too overwhelming to include in Dubnow's already extensive *History of the Jews*. Yet names and events from these letters can properly be inserted into his history by interested readers.

To return to the initial questions posed at the beginning of this article, that is, *Why did the zamiers select the specific epitaphs, which they transcribed for Dubnow? And What value does each gravestone letter hold for Jewish historiography then and now?* Quite simply it would seem that the zamiers selected what was critical in relation to especially rabbinic dynasties as well as historic events that impacted their towns. As to the value of these letters today, especially in relation to Cemetery Studies, these letters are critical for returning the names and biographic details of individual Jewish men and women lost to the historic record because of the Holocaust and the Post-Communist world as well as information of now non-existent cemeteries. Equally significant for epigraphers and translators of the Jewish epitaph, these letters record the challenges in translating these epitaphs over a century ago as well as the shared epitaphic tradition that is only beginning to be researched and understood.⁷¹

⁷¹ This article is dedicated to the memory of Frank Idzikowski, *Bialystok Cemetery Restoration Fund* researcher and photographer, and spouse of Heidi M. Szpek, who passed away on December 31, 2024. For 20 years, Frank contributed to the restoration of Jewish heritage in Bialystok and Podlasie.

Bibliography

- Biale D., et al, *Hasidism: A New History*, Princeton University Press, 2019.
- Dubnow, S., *History of the Jews of Russia and Poland*, Volume I, Jewish Publication Society of America 1916.
- Encyclopedia of Jewish Communities in Romania*, Volume 2, Jean Ancel, Theodore Lavi editors, Jerusalem, Yad Vashem Jerusalem, 1980.
- Fain, Sh., trans., *The Jews of Kishinev* (Chișinău, Moldova) 47°00' / 28°57', Tel Aviv 1950
- "Gomel." *Encyclopedia Judaica*. Volume 7 (FR-HA). Keter Publishing Company 1978.
- Gorska, I. et al., "Cmentarz tzw. Rabinacki, ul. Konstantego Kalinowskiego." In *Cmentarze w Białymostku*, Urząd Miejski w Białymostku, Departament Kultury, Pomocy i Sportu 2022 [In Polish]
- Guide to the Papers of Simon Dubnow* (1860-1941), 1589-1938, 1961, (bulk 1700-1900), RG 87. < <http://www.yivoarchives.org/index.php?p=collections/findings&id=40006&q=> >
- Hershberg, A. S., *Pinkos Białystok*. 2 Volumes, Białystok Jewish Historical Association, New York 1949.
- Kahanowicz, Y.L., "Homel." In Cities and Towns in Israel: A Sacred Monument for the Communities that were Destroyed by Tyrants and our Poor People in the Land of Israel. Y. L. Fishman, ed., 2018. [In Hebrew]
- Nissenbaum, S.B., *History of the Jews in Lublin*, Avraham Feder Printer, 1899. [in Hebrew].
- Retseptor, Y., "Once there was a town named Lutsk and it was destroyed." Paris, France < https://bjbark.com/lutsk_ukraine.htm#ONCE%20THERE%20WAS%20A%20TOWN%20NAMED%20LUTSKAND%20IT%20WAS%20DESTROYED >
- Spector, S., ed., *The Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust*, 3 Volumes, New York University Press 2001.
- Szpek, H.M., *Bagnowka: A Modern Jewish Cemetery on the Russian Pale*. IUniverse 2017.
- Szpek, H.M., "Here Lies a Perfect and Upright Man": Jewish Epitaphs from Drohiczyn, Poland. Western Jewish Studies Association Conference. Portland State University. 18-19 March 2007.
- Szpek, H.M., "May the dew fall upon them": Jewish Epitaphic Poetry from the late 19th – early 20th Centuries in Białystok and Bible Reception, International Joint Conference of the Society of Biblical Literature and the European Association of Biblical Studies, Helsinki, Finland 31 July – 4 August 2018.
- Szpek, H.M., "Reception History Meets History: The Case of the Zabludowsky Epitaphs from Białystok." Konferencji Naukowej „Żydzi Europy Środkowej i Wschodniej." University of Białystok 12-13 June 2017.
- Szpek, H.M., "On the Influence of Job on Jewish Epitaphs." Pacific Northwest Society of Biblical Literature. Gonzaga University Spokane, Washington. May 2011.
- The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe, two volumes, Gershon David Hundert, ed., 2008
- Wilensky, M.L., "The Polemic of Rabbi David of Makow against Hasidism." *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*, Volume 25, 1956

Websites

- Bialystok Cemetery Restoration Fund < www.bialystokcemeteryrestoration.org >
- Gomel Jewish Religious Community: Beth Jakob < www.jewishgomel.com/eng/clauses/nasha-istoriya/ >

International Jewish Cemetery Project, International Association of Jewish Genealogical Societies <www.iajgscemetry.org>

Internet Encyclopedia of Ukraine <www.encyclopediaofukraine.com>

Jewish Encyclopedia Online <www.jewishencyclopedia.com>

Jewish Epitaphs <www.jewishepitaphs.org>

JewishGen KehilaLinks <www.kehilalinks.jewishgen.org>

Jewish Heritage Europe <www.jewish-heritage-europe.eu>

Jewish Virtual Library <www.jewishvirtuallibrary.org>

Memorial Museums. <<https://www.memorialmuseums.org>>

My Shtetl: Jewish Towns of Ukraine <www.myshtetl.org>

The Faina Petryakova Scientific Center for Judaica and Jewish Art <www.jewish-heritage.org.ua/en/6352/stepan.html>

The Faina Petryakova Scientific Center for Judaica and Jewish Art <www.jewish-heritage.org.ua/en/6352/stepan.html>

Virtual Shtetl <<https://sztetl.org.pl/>>

Recenzje

VALENTINA BRIO

The Hebrew University of Jerusalem (Israel)

<http://orcid.org/0000-0002-5136-7350>

Russian roots of Hebrew literature

Rina Lapidus. *Birch in a Desert Wind: Russian Influences on Hebrew Literature*, Vols. 1-2, publisher: Carmel Publishing House, Jerusalem, Israel, 2009–2023

Beginning at the end of the 18th century, thousands of Jews began settling in the Russian Empire, and even before that, several Jewish communities lived within its territories which were annexed from Belarus, Ukraine and Poland. These Russian Jewish communities were more conservative than their counterparts in Central Europe, well-versed in the Jewish literature, but also familiar to some extent with the surrounding Russian culture.

Russian literature of the 18th century, and onward, was among the richest and prominent in the world. Jews living in the Russian territories were enthusiastic about it, translated it to Hebrew and Yiddish, and were influenced by it. As a result, Hebrew and Yiddish literature, written in Russia, bore the stamp of Russian literature. In other words, thus was born Hebrew and Yiddish literature, which discussed Jewish topics, but the content of which was shaped using narrative techniques found in Russian literature. It is this topic that Professor Rina Lapidus of Bar Ilan University in Israel addresses in her work.

The research on the influences between the different literatures and cultures constitutes an important pillar in humanities research. In over two hundred years of studying inter-literary influence, many studies have been written in this field. Its main researchers were Michail Bachtin, Harold Bloom, Julia Kristeva, Roland Barthes, and Pierre Bourdieu. The book by Rina Lapidus, which is the subject

of this review, also joins the studies of these main researchers who worked in this field in the past.

The current book, titled *Birch in Desert Wind: Russian Influences on Hebrew Literature*, in 2 volumes, by Rina Lapidus, is dedicated to the study of the extensive and varied relationship between Hebrew and Russian literature. This is a huge comprehensive study of two thick volumes, totaling 900 pages. This is an enormous project that reflects many decades of work and effort invested in it. The study is in line with the leading studies in this field and is the greatest and most prominent among them, as it is a cornerstone in the study of literary influences in general, and in the study of Russian influence on Hebrew literature in particular.

The research relates to all the writers and poets of Hebrew literature over the past 150 years, from the 1880s until today, and also relates to all possible branches of literature - genres, trends, styles and methods. Before us is an interesting, intriguing and innovative study.

In the chapter on the connection of the Hebrew poet Alexander Penn (1906–1972) to Russian literature, Lapidus chooses, as an example, a scene where the poet and his lover part from each other on a gloomy and dark night, while standing in the rain high above a wide and stormy river, its waves hitting the foundations of the bridge. According to Lapidus, a scene such as this can only be interpreted in light of Alexander Penn's affinity to the romantic poetry of Sergey Esenin and Vladimir Mayakovsky, in whose poetry, such scenes appear. Lapidus also adds that the landscape of nature, as it is described in Penn's poetry, is not found in the arid and desert Land of Israel since it has neither stormy rivers nor large bridges over them.

In the same spirit, Lapidus analyzes the affinity of the Hebrew author, Haim Hazaz (1898–1973), to Russian literature. For example, in Hazaz's works, there is a scene of confirmation of love between a protagonist and his beloved, which includes an emotional conversation and the touching of their hands - something that is not found in Hebrew literature, but it does appear in Lev Tolstoy's writings, by which Haim Hazaz was influenced.

Rina Lapidus points out the relationship between Hebrew and Russian literature in the field of poetic design. For example, the poetry of the Hebrew poet, Haim Lensky (1905–1943), is depicted in a prosodic format of the minor folkloric genre of chastushka. Lapidus points out Lensky's affinity with Russian literature also in the existential realm. Thus, the description of the poet's suffering is presented as the poet's estrangement from himself. This expresses an ironic and mocking relationship of the poet *vis à vis* his

own suffering. This is his way of establishing a partition between himself and his suffering, to say, the one who suffers is the speaker in the poem and not the “realistic self” of the poet.

Lapidus claims that Russian literature influenced Hebrew literature also conceptually. For example, in her writings, a Hebrew-language poet, Rachel Bluvshtain-Sela, aka Rachel (1890–1931), expresses a wish that her physical suffering should serve as a sacrifice to atone for the sins of those laboring in the fields of the Land of Israel, whose ranks she was unable to join because of her illness. This perception Rachel assimilated from the writings of Anna Akhmatova, which exerted a considerable influence on her own poetry, and some of whose poems she translated to Hebrew. The idea itself is rooted in Russian philosophy, whence it found its way into Akhmatova’s poems.

We also learn other fascinating things from Lapidus’s book. From the chapter on the links between Jewish and Russian journalism, we learn about the Russian national ideas that contributed to the shaping of Jewish nationalism at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century.

From the chapter dealing with the philosopher and thinker of the kibbutz movement, Aaron David Gordon (1856–1922), who was active at the beginning of the twentieth century, we learn about the ways to depict the redemption of the human race in the “new” era of the 20th century in the spirit of Lev Tolstoy’s teachings.

Similarly, Chaim Nachman Bialik’s (1873–1934) conception that a single word integrates a multitude of meanings emanates from the teachings of a Ukrainian philosopher of language, Aleksander Potebnia, whose books were part of Bialik’s home library and can today be found in Bialik’s House in Tel Aviv.

According to Lapidus, Russian decadence influenced depictions of the image of “the Jewish superfluous man,” as it is shown in the chapter dealing with the novel “Without Aim” by Yisayahu Ber-shadsky (1871–1908).

So did sermons for Christian moral values that Lev Tolstoy incorporates in his trilogy *Childhood, Boyhood, Youth*. The criticism of Christianity, its rejection and ridicule towards it alternate in the autobiographical novel of Y.D. Berkowitz’s (1887–1970) *Chapters of Childhood—My Father’s House*, which was influenced by Lev Tolstoy’s autobiography.

Rina Lapidus also discusses the Hebrew literary creations which are not directly influenced by Russian literature, but are deciphered according to the research methods developed in Russia like the works of Mendeley Mocher Sepharim (1836–1917), Ch.N. Bialik,

Y.Ch. Brenner (1881–1921), Y.D. Berkowitz, S. Y. Agnon (1887–1970), Yakov Shteynberg (1887–1947), Aaron Appelfeld (1932–2018), and Ida Fink (1921–2011). The interpretation of these works can be reached through the methods of Russian formalism and structuralism.

There are also two special chapters here. The first is a comprehensive and exhaustive theoretical review of the research methods in both literature and art. The chapter opens up to the reader a large-scale canvas in the history of the study of influence. Although, today, there is a rich selection of research methods in the study of literary and cultural influences, Lapidus chooses the traditional research method of “close reading” because, in her opinion, this research method allows for the analysis of works in the most precise way, while reaching the most certain and convincing conclusions.

Lapidus also includes an illuminating chapter that traces the European influences on Russian literature. These are mainly influences from British, French, Italian, and Spanish literature, as well as Scandinavian, Latin and those of Ancient Greece.

The chapter discusses the European background of Russian literature and the penetration of European influences into Hebrew literature through Russian literature. This chapter has weighty implications as it places Hebrew literature in a broader context of the whole of European and Russian literature from the Middle Ages to the present day. The chapter shows that the absorption of influences, and their assimilation, is the main element in the development of any literature. It is impossible to exhaust the study of Russian influences on Hebrew literature without referring to the European literatures that served as the quarry where Russian literature was mined.

Lapidus's comprehensive study relates to the overwhelming majority of contemporary Hebrew literature and illustrates the essential, deep and rooted link between Hebrew literature, and also contemporary Jewish and Israeli culture, and Russian literature and culture. Her research proves that Hebrew literature and Israeli culture are, in essence, a replica of Russian literature and culture - something that was unknown until the publication of this work, providing Rina Lapidus' innovation in the field of Jewish cultural research.

We have in front of us an ingenious study of a kind that is unparalleled in the field of Jewish studies and the humanities in general. This research positions Rina Lapidus as the leading researcher in today's academic world in the field of intercultural interrelationships in the Jewish world.

RINA LAPIDUS

Bar-Ilan University (Ramat Gan, Israel)

<http://orcid.org/0000-0002-0213-7225>

Review of the book:

Soviet Films about the Village: Attempts at Historical Interpretation of Visual Imagery

by:

Mazour, Ludmila Nikolaevna, and Gorbachev, Oleg Vital'evich

When we come to read the present volume, the urge arises to paraphrase Voltaire when he said that 'If God did not exist it would have been necessary to invent Him.' (Voltaire, *Philosophical Letters*, Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961).

Likewise, if this book were not written here before us, it would be necessary to write it. For it is an important book, written with skill, dealing with one of the central fields of Russian cultural research in particular, and global cultural research in general, which has heretofore been unjustly neglected.

The work is wide ranging and inclusive. It deals with most aspects of the Soviet village cinema from the early 1920s to the collapse of the Soviet Union in 1991. The research is devoted to the consideration of cinematic works screened in Soviet villages whose viewers were also of that class.

The themes and the *mise en scène* approach, of this cinema – all represent the lives of Soviet peasants. Even when subjects relating to urban life or existence outside the Soviet Union do appear, they are presented to the viewer from the perspective of the Soviet peasant.

For instance, among the subjects the book discusses is the structure of a peasant family, the status of men and women in a family preoccupied chiefly with agriculture, the week days and festive days of the citizens of a Soviet village: traditional work as opposed to the peasant culture of recreation, such as, on the one hand, the village club, cultural and ideological activities but, on the other hand, also

alcoholism. The book addresses many changes of life in the Soviet village underwent, such as parting from the religious tradition, which was universally accepted before the 1917 revolution, but also a partial return to religion in the 1980s and thereafter.

A vital element of these films would be devoted to the emotional world of peasants and their interpersonal relations. Nevertheless, the depiction of the emotional life of the village resident was presented to the viewer in a simplistic fashion, part and parcel of preaching the values of Socialism, and frequently suggested propagandistic messaging rather than emotional or dramatic representation.

The work deals with the role of films about a village life as a tool for the promotion of Soviet propaganda. In other words, the book probes a cinematic depiction of the Soviet village resident as a means of work production in the Socialist society. The farmer himself, his family members, spiritual world and physical world altogether – his whole life is captured as a direct or indirect means of increasing output in the Socialist labor. Citizens of the Soviet village were required to provide basic agricultural foodstuffs to the Soviet population, and village citizens were depicted by films of the village as a kind of machine for the production of that food. In this respect provincial cinema had a different role from that of urban cinema, which presented the residents of Soviet cities as advancing knowledge and technology in the Soviet society. That said, it is noted in the book that over the years, and especially from the 1970s onward, the gap between a village and a town progressively decreased so that village life got closer and closer to urban life, and the village underwent a process of urbanization.

Considerable attention is devoted in the work to historical and sociological aspects of village cinema. The films are apprehended by the authors as first and foremost historic documents reflecting events of the period in which they were produced and events of the periods preceding it, the prevailing emotional mood of certain periods, the spiritual and physical world of the individual and the Soviet village society in general. In this way village cinema reflected the central events that overtook the Soviet Union in the seventy years of its existence. The Socialist revolution of 1917, collectivization and the formation of the kolkhozes, the Russian civil war in the early 1920s, the Second World War, the agricultural exploitation of unsettled lands at the East and North of the Soviet Union. The films were also ‘rewriting’ history. That is, they were presenting past events in the manner desired by the Soviet authorities in the period in which the film was produced.

The book likewise deals with sociological aspects of village cinema. The authors present statistical data and analysis regarding different village viewer groups who would attend the screenings of village cinema. For instance, the authors analyze different groups of viewers according to age, educational level, profession (truck drivers, agricultural workers, teachers in village schools), character and nature of their occupation, degree of proximity of their residence to the city. Migration from village to city was a major influence on the stability of the job market in the Soviet reality and was the leading force of social mobility. Migration to the city was also the key element influencing the changes in peasant quality of life and served as a ready channel for the transmission of information, in an era when the main means of communication was just the radio, which could be found in public places in the village, but even so was not available in all villages. That said, on the other hand, the book notes village cinema which addresses the return of villagers who had left, back to their parental homes in the village. The authors also address the subject of city dwellers, educated and with professional specializations, who come to the village, with the aim of contributing to the lives of the peasants in their field of expertise and to advance in those professions.

The book further discusses village architecture and the manner of its representation in village cinema, both internal architecture depicting village houses and buildings and landscape architecture and that of the fields. The cinema also shows the ways of life of village residents, such as wooden houses as opposed to brick houses. The films also depict water supply from wells compared to water supply from a system flowing to the homes of village residents also equipped with private baths, something which arouses some skepticism regarding the documentary accuracy of Soviet cinema in the years 1950 to 1980, yet, on the other hand, emphasizing its propagandistic element.

The book devotes pride of place to describing the village way of life. From the village way of life as depicted in cinematic films, considerable attention is devoted to means and ways of transportation. Wagons, bicycles, vehicles, buses, trucks. Development of roads and transportation was an indicator of social advancement (or, by contrast, an indicator of the lack of advance) in the Soviet village towards modernization.

In the context of a sociological investigation of village cinema, the authors ask such fundamental questions as: Who were the viewers of the cinema? Who were the directors, scriptwriters and

actors employed in the production of the cinema? What were the aims of this cinema? Such questions among others receive substantial and thorough discussion in the outstanding work before us.

The authors also note the educational and instructive role of cinema; in an era of limited availability of information, village cinema served as a conduit of information, similar to the role played with considerably more success today by social media. The authors address the social, communal, ideological, promotional, commercial, educational, political and propagandistic aspects of village cinema.

Attention is devoted in the work to many changes which occurred in the Soviet village life over the many decades of its existence (from 1920-1990). Likewise the authors discuss the manner of treating and depicting these changes in the context of village cinema, for in the course of these long decades it was not only the village life that changed but also the technological means at the disposal of cinematic art to present and depict those changes. Over the seventy years of the existence of that cinema both the contents and topics of the cinema, the village way of life, the inner and outer world of the protagonists – and also the means of photography and screening, as well as visual, acoustic and electronic means at the disposal of cinema were all utterly changed.

Another major topic discussed in the work is the gap between a village life and a city life as the issue is depicted in village cinema. The main gaps are those between living standards in the village, which were lower than those of living standards in the city; the village was more traditional and antiquated, and the innovations of the city would reach it late and sometimes not at all; professional standards in the village were lower – tools in the village were primitive in comparison to the city, and likewise the standard of village expertise was lower than that of experts who were educated and worked in the city. And yet over the years, and mostly from the end of the 1950s and beginning of the 1960s on, the village life started improving and following the outstanding accomplishments expected in the city.

The research treats cinema as a historic document, a visual, textual, musical and acoustic work of art all at once. The authors represent cinema as a tool of shaping the world view of the broad community of village viewers over the decades between 1920 and 1990. In the absence of other media apart from the radio and newspapers, which were available in specific periods, village cinema served as the central means of communicating information, with an awesome power to influence many millions of village viewers. That said, the situation naturally altered with the appear-

ance of many domestic televisions, including those in the homes of village residents, in the last decades of the twentieth century.

The authors also analyze the ongoing changes in the Russian language used over these long years in Soviet cinema. It goes without saying that both the vocabulary and the manner of speaking in the Russian language underwent significant changes in the course of the seventy years of the existence of Soviet cinema. The cast of active protagonists also underwent substantial changes. For instance, the characters depicted in Soviet cinema became more complex and multilayered, more human and less stereotypical and standardized.

The work was written along the lines of scientific research in the humanities prevalent these days, such as defining the scope of the research, defining the methodology of the research and additional methodologies assisting in analyzing the extensive material. The research is conducted according to current methodologies in the field. The authors principally rely on the theoretical work of William Mitchell¹ and V.M. Magidov².

Mitchell dealt with the field of visual anthropology, a field established in Europe and the US in the 1920s. This field also reached the Soviet Union in the 1970s, and the Soviet and Russian researcher Magidov continued its development in the Soviet Union. From the point of view of Mitchell and Magidov, visual anthropology is based on the study of culture, history, sociology and philosophy. According to them, cinema assisted in the creation of a new culture which is the culture of 'the viewing person' as compared to the culture of 'the listening person' which had pre-existed it. Artistic cinema – in contrast to documentary cinema – depicts events and protagonists and thereby communicates with the viewers regarding historical events which occurred in objective reality.

The research raises methodological questions such as: What order to research the films in? What is the most appropriate methodology for cinematic research? How does one combine researching cinematic narrative and its audio-acoustic aspects? What are the propagandistic, socialist and ethical aspects of Soviet cinema?

The research discusses these questions among others and provides answers to them based on the research of one of the founders of historical research in Russia, Lapo-Danilevsky³, and likewise on classical European philosophical works such as those of Got-

¹ William John Thomas Mitchel (1942-), is an American professor of history, media, and visual culture.

² Viktor Markovich Magidov (1938-2015), Soviet and Russian historian, researcher of the Russian cinema.

³ Aleksander Sergeevich Lapo-Danilevsky (1863-1919), was a Russian historian, one of the founders of the historical research in Russia.

tfried Wilhelm Leibniz, Immanuel Kant, Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Auguste Comte, John Stuart Mill, Wilhelm Windelband and Heinrich John Rickert.

This is the work that it would have been necessary to write if it had not already been written, since it addresses the biggest sphere of culture, history and society of Russia yet to receive adequate and appropriate attention. Research of the Soviet village is the foundation of life in the Soviet Union but it has been neglected due to its imagined simplicity and marginality.

We have before us the research, comprising many different topics of village cinema. The work shows a broad and global canvas of both the Soviet village life and that of the Soviet Union as a whole. This is a monumental work, sweeping and touched with genius. It opens new horizons for the readers, awakens curiosity and reflection. This is an important piece of research which paves the way for future research.

The book is written in an interesting and compelling manner, like a riveting story in belles-lettres and engages the reader in more and more, yet alongside that, it is laid out in an academic fashion and offers a first rate scientific analysis.

While I highly applaud the book, it is important to also note the aspects that are lacking in it. The authors present Soviet village films as a historical document and a tool used by the Soviet authorities to influence the rural audience, and educate it.

However, these are objectives that contradict each other. Thus, Soviet village films did serve as a tool for educating viewers. They shaped the mentality of the villagers, as well as their moral, social, and ideological standards.

However, Soviet village films were far from constituting a trustworthy historical document, as they ignored central and global events that occurred in the Soviet Union during the extended decades of its creation.

Below I will mention several such events that influenced the mood of the entire Soviet Union. These include, for example, the Holodomor, which caused the death of millions of villagers in Ukraine and which affected the entire Soviet Union; the Stalinist repressions and prosecutions that lasted decades, and claimed the lives of millions of Soviet citizens, among them many villagers. Soviet village films ignore the Holocaust perpetrated by the Nazis against Soviet Jewry, including many residents of villages in Soviet Ukraine and Belorussia. These films also ignore the targeted persecution of the Jews by the Soviet authorities in the years after the war, which were called the "Jewish Doctors Affair," and the plan

to exterminate the Jewish population in the Soviet Union, many of whom were members of the Kolhozes. The Soviet village films also ignore the persecution of other nations that inhabited the Soviet Union, such as the residents of the Baltic republics, Poles, Germans, and Tatars.

Following the Soviet village films, the book before us also ignores these events that would have shocked the Soviet Union throughout the years of its existence. The authors of the book present an unreliable picture of Soviet rural existence. They depict a type of idealistic and utopian world that any reasonable person would immediately recognize as false. Indeed, the authors could not address these events for the simple reason that they are not mentioned in Soviet village films.

However, the book was published in 2021, more than thirty years after the dissolution of the Soviet Union. One might expect the authors to at least mention all these crucial events, which had shaken the Soviet Union for decades and claimed the lives of tens of millions of its citizens, and which have disappeared from Soviet village films as if they had never occurred.

It would have been deemed appropriate for the authors to at least explain that they are aware of the fact that the rosy and sugarcoated picture of the Soviet rural reality that they portray in the book is a result of the false image presented by Soviet village films. And so the question arises if the authors themselves were aware of the true history of the Soviet Union?

Litteraria

NAUM VAIMAN

Русский мир (заметки о кино)

Говорят, что М.А. Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, когда посмотрел фильм Михаила Ромма *Обыкновенный фашизм*, спросил его: «Михаил Ильич, за что Вы нас так не любите?»

На своей передаче *Культура после катастрофы* (20 апреля 2022, «Радио Свобода») Сергей Медведев, известный иуважаемый мною историк, политолог и журналист, вместе со знаменитым и не менее уважаемым кинокритиком Антоном Долиным, в один голос утверждали, что фильмы Балабанова и особенно *Брат* (первый и второй) — явный пример «вины» русского искусства за происходящую с Россией катастрофу. Называли героев этих фильмов «жлобьем», а сами фильмы — «частью имперского нарратива» («гнида черножопая», «я евреев не очень», «Америке твоей кирдык» и т.п.). Я был поражен таким глубоким непониманием этих картин и пафоса Балабанова-художника вообще, тем более со стороны людей столь глубокомысленных. Вы, господа, конечно же, совершенно правы: «братья» сии есть жлобье, порой забавное и даже милое, но в этом-то и соль — это же образ России! Такой Россия видит себя и сама себе в таком виде нравится! Но вам этот вид настолько неприятен, что вы не разглядели суть картин Балабанова: его мучительную рефлексию и яростный гротеск! А *Груз двести*, или *Жмурики* (в стиле *Бешеных псов* и *Криминального чтива Тарантино*)?! Его «тема», его боль: «русская Харя» (простите великодушно). И в лице Сергея Бодрова (*Брат*) или Алексея Чадова (фильм *Война*) «харя» очень симпатичная, даже милая. Кстати и Тарантино о том же, *Однажды в Голливуде* — гротескная сатира на Америку, — это про американскую «харю», в том числе и женскую, и тоже вполне себе симпатичную. Хотя

Тарантино, конечно, разнообразней, но не о нем речь. Балабанов же бьет в одну точку, как сумасшедший дятел, видно, что наболело и перекипело. Не зря он так нещадно лакал водку...

В 2014-ом, как раз после киевского «майдана» я, по требованию вдохновленного приятеля: один из лучших, мол, фильмов всех времен и народов, посмотрел *Трудно быть богом* Алексея Германа. Меня не тянуло смотреть это кино, подозревал в нем занудную многозначительность последних фильмов Тарковского и Сокурова. Фильм и оказался таким, только это было не просто занудное, а агрессивно-навязчивое, бесконечное в своей бессмысленности мельтешение вурдалаков и упырей, топтанье в дерме, гребля сквозь сопли, слюновыделения и дорожную грязь. Что это, аллегория человечества? Иллюстрация народной мудрости: жизнь — дермо? Да еще в finale — сентенция из арсенала подпольных советских либералов: «где царствуют серые — приходят черные». Да что Вы говорите! Ладно, я понимаю, что Стругацкие не собирались иллюстрировать пошлые поговорки, и не «фантастику» писали, а аллегорию советской жизни: это и привлекло Германа. Но «Советы» давно исчезли, значит, тема фильма: «Россия — дермо?» Смело, конечно, хотя идея не новая. И не люблю я аллегорий. Россию ждет фашизм? Да об этом только ленивый не вопиет (думаю себе в 2014-ом). Да и сам автор, для тех, у кого особо умное лицо, разъясняет открытым текстом: «...ее (кинокартинны — Н.В.) тема — наступление фашизма, что, мне кажется, грозит нашей родине». Получается, что фильм — иллюстрация к нехитрой, хотя, может, и правильной мысли. Плюс — еще советский запал веры в «силу слова», жажда «разбудить», «предупредить». Чем-то напомнил по стилю кинописьма *Хрусталев, машину!*: обрывки невнятной речи, обрезки эпизодов, мутные картинки — смотрел еще в прошлом веке и плохо понял... А через несколько дней по ТВ (израильскому) вдруг повторили *Хрусталев, машину!*, как по заказу. Случайно включил, и уже не мог оторваться. Да, бессвязное мельтешение, да, упыри болотные, и все, от маршалов до уголовников, натужно-преувеличенно харкают, хрюкают, сплевывают, сморкаются, вытирая сопли о костюм, но это мелькание вдруг сложилось в картину, и картина была живая, кишащая, звучащая, знакомая — Боже, такая знакомая! Ведь я помню еще эти московские коммуналки-клоповники, набитые пролетариями, служащими, офицерами, недобитыми интеллигентами, бывшими и нынешними, перемешанными и скатыми в зловонное месиво... И если *Трудно быть Богом* — аллегория,

плосковатая и нравоучительная, как всякая аллегория, то Хрусталев — история, пусть не моя уже, слава тебе, Господи, но все-таки немного и моя, незабвенная, «наша родина, сынок». И не прошлая история, а нынешняя, вот сейчас, со всей этой «украиной» вновь ожившая, вновь по зову русского крысолова повылезли упыри и кикиморы из вонючих блат, заплясали на крови ведьмы и чудища. Знать не в «сталинщине» дело, а в великом и неизбывном «пшел вон» всех, от маршалов до мелких начальников, на том Русь стоит, страна рабов-страна господ, сверху донизу одни рабы, и все отползают на четвереньках.

И так вышло еще (чудеса!), что параллельно, по другому каналу, крутили *Сладкую жизнь* Феллини. И я вдруг увидел, что этот прием «мельтешения», бессмысленной суеты жизни, взят Германом у Феллини. Своей любви к итальянскому гению и восхищения им (особенно фильмом *Рим*) Герман и не скрывает. Конечно, у Феллини это мельтешение не такое гротескное, фантасмагорическое, как в *Хрусталеве*, но дело не в «неorealизме», у Феллини всё добнее (и в этом тоже — более реально). Американская кинодива (актриса Анита Экберг) — образ самой жизни, бессмысленной, но прекрасной, желанной и никому не принадлежащей, и весь мир — праздник дураков, немного грустный, иногда уродливый, абсолютно бессмысленный, но все-таки праздник, карнавал. А у Германа — бал у Сатаны. Да нет, какой «бал», скорее пляски чертей, вроде пляски опричников во второй, цветной серии *Ивана Грозного*. Босхианские мотивы в *Хрусталеве* и тем более в фильме *Трудно быть Богом*, отмечали многие, и Герман признается в том же интервью: «Мне Босх гораздо ближе, чем Брейгель... Брейгель — мягкий реалист, в отличие от Босха». Да, пожалуй, и «пляски чертей» — чересчур поэтишно, у него — копошение в аду всех спущенных туда, как в клоаку. Можно вспомнить Ад Луки Синьорелли в соборе Орвието, или — Джованни да Модена в бализике Сан Петронио в Болонье, великие фрески...

И тогда я вернулся к фильму *Мой друг Иван Лапшин*, одному из любимых. Там уже видны наметки этой стилистики коммунального копошения, обрывков речи и звуков жизни, сливающихся в бессмысленный шум, и можно сказать, что перед нами первая серия германовской трилогии *Русь*. Но в *Лапшине* всё еще держится на энтузиазме, пусть и глупом: «мы построим цветущий сад», «на бой, пролетарий, за дело свое», здесь еще, как контрапункт, присутствует культура, поставить тире, — Запад: английские словечки, Прометей — бог огня, театр (с чтением характерного текста Пушкина «восславим царствие Чумы»). Однако

дикая, докультурная Русь глядит на этих энтузиастов великих преобразований пейзажем убогих провинциальных городов и равнодушных могучих рек, она вылезает из щелей юродивыми душегубами: «за что, дяденька, ну за что...». Похоже, что Герман и сам, во всяком случае в молодости, еще верил, что революция победит «преступный мир», оккультурил русскую дичь, и родители его верили, отсюда некий налет ностальгии, даже тоски по энтузиазму преобразований, и действие в картине происходит на земле, а не под землей, хотя уже и в этом фильме выползают из щелей, в облаке тумана и дыма, страшные упыри. Уже в нем ощущение, что подземное царство сильнее, подлиннее, и оно восторжествует, к ней ведут вздувшиеся волной рельсы, везут старые, измученные трамваи, и оркестры играют прощальные марши — мотив обреченности. Мне даже показалось, что дирижера странного оркестра, играющего на мотив *Цыпленок жареный* военный марш перед дальней дорогой в финале *Хрустальев, машину!* похож идиотическим лицом (тот же актер?) на дирижера оркестра у пристани в *Лапшине*, где на берегу Леты играли те же военные марши, только усики ему в *Хрусталеве* сбрали... Марши перед переправой, куда идет вся страна. Но если в *Лапшине* жизнь еще не выглядит обреченной, в ней какая-то надежда, какая-то вера, и надсадная любовь, а визуальном ряде есть праздничные тона, есть свет, есть некое болезненное предчувствие весны, то в *Хрусталеве* пар из преисподней уже рвется из всех щелей, все живое съедено, остались только страх и зима, темная, мутная, тяжелая. И если шевелится еще что-то живое, то это русская тоска дороги и юродство бездомности. Перед жуткой дорогой — картина маслом: в *Лапшине* — пароход, в *Хрусталеве* — поезд. У Гоголя Русь — птица-тройка, у Германа — страшный поезд, ползущий по болотам и перелескам, мимо туманных рек и грохочущих мостов. И пируют на той переправе лихие, потерявшиеся люди, и женский голос поет «На муромской дорожке стояли три сосны», и слышатся последние слова фильма и песни: «он жизнь мою сгубил».

Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства...¹.

¹ Н. В. Гоголь, *Мертвые души*, <https://sibmama.ru/Gogol-troyka.htm> [19.01.2025].

Но в *Трудно быть Богом* нет даже дороги, осталось только кружить по заведенному кругу, топтаться на месте и месить грязь. В фильме о Боге нет Бога, нет жизни, нет любви. В конце появляется некий намек на дорогу: пейзаж будто распахивается, и чернота грязи сменяется белизной снега, и всадники на дальнем фоне куда-то держат путь, но зима кругом беспробудна, зима без конца и края, белизна смерти. С зимы фильм начинается и зимой кончается, другого времени года в этой стране нет.

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И берёзы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?²

Нет Бога, нет жизни, нет любви. «Нелюбовь» стала темой последнего из великих, Андрея Звягинцева. Его итоговый фильм так и называется *Нелюбовь*. Это «пейзаж после битвы», пустыня, все «сухо», даже горе бесслезно. Акты добровольной общественной помощи по розыску пропавшего мальчика даны как работа запрограммированной машины, оставшейся еще от прежней культуры, условно скажем: христианской культуры, или скажем проще: от мира, где были любовь и сочувствие. В возникшем русском мире — фильмах Звягинцева о нем — места для любви больше нет, и дети не нужны этому миру, а значит и не нужно будущее. И также как фильмы Германа заканчиваются пейзажем зимы, зимой заканчивается и фильм *Нелюбовь*. «Единство ‘непомерной стужи’, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность — как печь, пышущая льдом»³. Да еще в конце фильма, как пророчество, телерепортаж о «разразившейся на Украине полномасштабной войне».

О том же, о «нелюбви», и высущенные пейзажи *Изгнания* и суровые, даже величественные в своем равнодушии пейзажи *Левиафана*, в коих от жизни остался только скелет кита посреди отмели. Люди в этих фильмах живут, еще не понимая, что они уже умерли. «Что с нами происходит? Что с нами со всеми происходит?», — спрашивает заплетающимся после выпивки языком один из персонажей *Изгнания*. Как чего: жизнь

² С.А. Есенин, *Снежная равнина...*, <https://www.culture.ru/poems/44173/snezhnaya-ravnina-belaya-luna> [19.01.2025].

³ О.Э. Мандельштам, *Шум времени*, <https://litmir.org/books/proza/klassicheskaja-proza/page-12-136468-osip-mandelstam-shum-vremeni.html> [19.01.2025].

обесточили, от культуры осталась одна инвентаризация, мы доживаем её историю. Помните *Изгнание из Рая* Мазаччо в капелле Бранкаччи во Флоренции? Там Ева уже не плачет, она полна ужаса. А Адам закрыл лицо руками. У Звягинцева — картина после изгнания, где все — по слову Господа: «Проклята из-за тебя земля: колючки она подарит тебе да репейник, будешь жевать траву и в муках добывать хлеб свой. Из пыли земной ты взят и в пыль обратишься».

Суть нашей культуры была в любви, говорит режиссер, и даже дает подсказку из Первого послания апостола Павла Коринфянам, глава 13: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто». А в мире, где живут герои Звягинцева, любви больше нет.

Поэтому женщина в *Изгнании* не хочет рожать новых мертвцов в этот мир нелюбви. И об этом тоже сказано прямым текстом: мы не только дети своих родителей, мы и дети культуры, в которой волею судьбы оказались. И женщина говорит своему мужу (что кажется совершенно нелепым): «Я беременна. Но не от тебя». Жизнь семьи идет под откос и заканчивается трагической смертью этой женщины, причем выясняется, что ребенок-то был от мужа. То есть — никаких альковных тайн, это самоубийство, и женщина бормочет самой себе объяснения: «Я ничего не смогу ему объяснить. Я должна что-то сделать. Если так будет продолжаться, всё умрёт. А я не хочу рожать умирающих детей». А что в самом деле можно сделать? Возродить христианскую культуру любви? Пардон, что умерло, то умерло. Да и была ли она культурой любви? Впрочем, это другая тема... Автору фильма, хочется, наверное, верить, что еще не все потеряно, и в конце фильма появляются сцены рая: женщины собирают урожай и поют, и кто-то несет младенца... Женщина — главный «герой» в поэтике Звягинцева. Потому что она дает миру жизнь и дает ее через любовь. В умирающем мире она бунтует и гибнет. В *Елене*, когда жизнь уже высохла, женщина в борьбе за свой род идет на убийство.

В Дороге Феллини история Дзампано как путь человека: чувствует себя царем зверей, выступает, раздувает грудь, разрывая навешенные на себя цепи, встречает женщину, существо не от мира сего, существо-мелодию, простую и грустную. Сила презирает мелодию, губит ее, уходит своей одинокой дорогой и приходит на берег моря, ночью, и падает в песок и пену

прибоя, оттого, что ничего в его жизни и не было кроме этой мелодии... У Феллини жизнь трагична. Но он говорит о жизни. А русские гении — о смерти. В смерти же нет никакой трагедии — медицинский факт.

Герман любил жаловаться на то, как ему мешали творить советские чиновники от искусства, как его «били». Помилуйте, Мастер, так ведь чуяли же врага, Вашу огнедышащую ненависть! Вы хотите, чтоб Вас за нее по головке погладили? Нет, он не хотел, чтобы его гладили.

— Когда меня вызвал Ермаш, он сказал: «Герман, давай попробуем поискать какие-то точки соприкосновения — а то ты нас ненавидишь, мы тебя не очень любим...» Я говорю: «Какие точки соприкосновения могут быть! Вся моя работа у вас — купание в говне...⁴

Он воспитал себя бойцом против нечисти, этаким доном Румата. И дай ему меч-кладенец — устроит арканарскую резню по полной программе. В сущности, это фильм о Творце, в котором нет нужды. И это он — бог-творец-художник, и это ему трудно, потому что против этого месива упырей он бессилен, ничего нельзя сделать, ни окультуривание не поможет, ни доброта, ни насилие.

— Ничего сделать нельзя. У нас так же воруют, и все вокруг берут взятки, университеты пускают на доски, а рабы не желают снимать колодки. Им и не рекомендуется.

У Тарковского уже Иваново детство — эсхатологическая притча: весна с порхающими бабочками и улыбкой молодой матери вдруг превращается в болото голого, сгнившего леса, проваливается в преисподнюю войны, где приходится тихо и незаметно пробираться сквозь черно-стальную омертвевшую воду. Война — бытовуха этого мира. В *Рублеве* русский мир бесконечно жесток, и эта тотальная жестокость творится не на войне, а в мирное время, братьями по крови, как-то по-домашнему, по-семейному. Но в *Рублеве* русская жизнь еще оправдана религиозной одухотворенностью, неистовством праведности и творческой силы: сквозь черно-белую жестокость проступают цветные лики святых и божественная красота природы. Жизнь в *Рублеве* творит красоту и светится надеждой. Но уже в *Зеркале*, узловом фильме режиссера, во всей красе является безнадежность и ностальгия по погиб-

⁴ Здесь и дальше — цитаты из того же интервью: http://theoryandpractice.ru/posts/8073-german_dolin [19.01.2025].

шему миру. Фильм заканчивается наплывающей тьмой: люди становятся все дальше и меньше, на передний план выдвигается лес, он все гуще, все темнее, приходит тьма. А перед этим: сгнившие бревна развалившегося дома, сгнивший колодец, превращенный в помойку, и в ответ на вопрос мужчины: «Ты хочешь девочку или мальчика?», женщина молчит. Она боится рожать — мотив, который продолжит Звягинцев.

«Единственное, что нам остается — это научиться умирать достойно», напишет Тарковский в дневнике. В *Солярисе* — мутильная тоска по дому, не оставленному, а утерянному. Мечта о возвращении в отчий дом отдается на откуп потусторонней, фантастической силе Океана... А в *Сталкере* катастрофа уже произошла, цветовой фон фильма черно-зеленый, трупный. Руины, ржа, распад. Весь мир — «зоны». И «оставшиеся» бродят в муках бессмысленных вопрошаний. В своих дневниковых записях Тарковский не оставляет места надеждам: «Дух и плоть, чувства и разум никогда уже не смогут соединиться вновь. Слишком поздно... Пока мы еще калеки в результате страшной болезни, имя которой бездуховность. Но болезнь эта смертельна».

У Германа вообще нет святых и нет просвета. Он в утешительные игры не играет. Его сила в непримиримости: человек подумал свою мысль до конца и превратил ее в страсть. А мысль проста: полное и абсолютное неприятие русского мира. Да-да, именно русского. Александра Свиридова в статье *Мы — рабы* («Студия» 2004, № 8)⁵ повсеместно заменяет слово «русские» словом «Система»: «поединок с Системой», «кованный сапог Системы», «мотивация Системы» и т.д. Немного смешно, когда «Система» говорит: «Ну что, жопу порвали? Вот народ...», но куда же без эвфемизмов, и статью могут не напечатать — больно круто. Русские не поймут. Но Герман не дает прикрыть срамное место: «— О чём фильм, Алёша?» — спрашивает у режиссера Свиридова. «— О русских, о нас. О том, что мы такое».

Сравнивая с Лапшиным, он подчеркивает, что в *Хрусталеве* «И задача другая: про русских...» Да и Свирилова прекрасно понимает, о чем и о ком речь:

«Какие же мы?» — я не спрашиваю, потому что вижу: мы — рабы. Это первое, что следует из фильма Алексея Германа «Хрусталев». Рабы не чего-то определенного, а абсолютно всего: что есть, кто есть — того рабы и будем. Потому что это единственное, что мы хорошо умеем делать: давно привыкли.

Мы — это русский народ.

⁵ <https://magazines.gorky.media/studio/2004/8/my-raby.html> [20.01.2025].

И в довесок цитирует высказывание Мамардашвили:

Сейчас в России критический период в том смысле, что если русский народ сейчас же, каждый по отдельности и по личной своей воле не содрогнется от отвращения к себе, к своему образу, тогда в России ничего не изменится.

Сказано четверть века назад. Свиридова и сама не выдерживает беспощадности этого вывода и «смягчает» идентификацию: «Не этнические ‘русские’, а граждане, обитатели России как государства и территории...».

В другом интервью Герман говорит: «Мы опущенная страна». Его герой, генерал от медицины и еврей (*Хрусталев, машину!*), «опущен» еще до того как его изнасиловали уголовники (даже физиологическая точность сцены не избавляет ее от символичности), он не разговаривает, а ерничает, юродствует, скоморошествует: «Ехал чижик в лодочке в генеральском чине»... Изнасиловано еврейство, изнасилована интеллигенция, изнасилована страна. Речь потеряна, несутся обрывки фраз, напоминающие «карточки» Льва Рубинштейна. «— Граждане-товарищи, люди и мужики, сходим, помочимся на собачку мою. Собачка у меня, Толик, обгорела... при ожоге помочиться следует...». Или просто неразборчивое мычание. Одичание. Одичание сквозит и в *Сталкере* Тарковского, поэтому так напряженно, контрапунктом, звучат стихи и вечная музыка. Они звучат во всех его фильмах, порой уже не контрапунктом, а уходящим, глухнущим фоном. *Зеркало ЕЩЁ* трагический фильм, фильм о предательстве отца, предательстве любви, детей, дома, и в конце смерть, крик и все отступает во тьму леса. У Германа, УЖЕ, про наступившую тьму леса.

Он говорит о своей картине *Трудно быть Богом*:

— Сюжет фильма в том, что есть такое средневековое мерзкое государство, где убивают интеллигентов, книгоев и умников, и наступает момент, когда главный герой сам превращается в зверя, в животное.

— Я этим фильмом, конечно, пытался бросить вызов.

Вызов кому? Не советской же власти, уже давно сгинувшей. Значит — России, русским. Но что такое «русский»? Известный российский поэт Андрей Поляков, можно сказать дважды русский, поскольку из Крыма, говорит о своей «разорванной идентичности»: «я не знаю, что такое быть русским», и «давайте поймем, кто мы такие»⁶.

⁶ А. Поляков, Я не знаю, что такое быть русским, <http://www.colta.ru/articles/literature/3386> [20.01.2025].

Культурная растерянность действительно характерна для российского постсоветского сознания, но, как и у Полякова, разрыв проходит в основном по линии русский – советский. Но разве в советский период с русской идентичностью все было ясно? И все ли было ясно до 1917 года? Поляков, радующийся «возвращению Крыма», сетует на то, что украинская идентичность строится «не как идентичность самонесущего бытия, а как идентичность конфронтационная». А как строится русская идентичность? Разве «Россия — не Европа» не короткий лозунг русского самоопределения? Поляков признается:

я считал, что Советский Союз, катастрофа 1917 года — это что-то случайное. Что-то, что сверху. Что есть хорошая Россия, на которую сверху наброшена искажающая это хорошее реальность — советская власть. С годами, конечно, постепенно приходило понимание того, что не все так просто. Что советскость стала частью нашей общей идентичности. Причем она стала частью нашей идентичности не органически⁷.

Конечно, «не органически», в этом все и дело. Органической, растущей из единого корня русской культуры никогда не было, разве что до принятия христианства. Органично для России то, что было «до культуры», органична дикость. Поскольку народ своей культуры создать не смог или не успел, не успел стать народом, то завладевшие страной трижды ломали его об колено, трижды насиливали, «прививая» чужую и чуждую культуру: византийство при Владимире Святославиче, «Европу» при Петре Великом, «коммунизм» при Ленине-Сталине. У Германа в *Лапшине* русская жизнь еще отделена от советской, коммунисты — культуртрегеры (коммунизм пришел с Запада!), они еще борются с русской тьмою во имя новой, «пролетарской» культуры. Но в *Хрусталеве*, на пике сталинщины, матрица насилия «во имя коммунизма» уже слилась с всероссийской⁸, жизнь уже распалась, стала архипелагом дикости. Дикость — это то живое, то естественное, что осталось от русской жизни. Дикость и насилие (отсюда и жажда имперской мощи), как единственные проявления этой жизни. И не случайно к завершению советского периода в искусстве зацвел «постмодерн», а по сути — ощущение, что культура распалась, ее цельность исчезла, и осталось только растаскать на цитаты эти останки. Но может ли живое древо рассыпаться на опилки? Рассыпается нечто искусственное, наносное, придуманное.

⁷ Там же

⁸ А. Лошак, *А может быть, Россия — только страх*, <http://www.colta.ru/articles/society/3404>, [20.01.2025].

Этот образ России, спрессованный из опилок, — у Бродского в поэме *Представление*:

Эта личность мне знакома! Знак допроса вместо тела.
Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.
Вместо горла — темный вечер. Вместо буркал — знак деленья.
Вот и вышел человечек, представитель наследья⁹.

Чаадаев, пожалуй, первый взглянул на русскую историю, как историю культуры и отметил в ней отсутствие преемственности. Преемственность, произрастание из единого корня — главный признак «органичности», а ствол русской культуры трижды спиливали. В *Зеркале* связь русского бытия с русской культурой дается через письмо Пушкина Чаадаеву (от 19 октября 1836 года), где обозначены опорные пункты русской «патриотической» (она же имперская) идеологии:

Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех¹⁰.

Татары — дикари («отошли к своим пустыням»), а мы — спасители Европы, даже всей «христианской цивилизации», — в этом наше особое, мессианское предназначение! Непонятно, правда, зачем спасали, если сие спасение «сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру», но зато «для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование». Вот вам и отпущение грехов.

В продолжении письма звучит, как написанное сегодня каким-нибудь «нашистом»:

Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. и. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем... Евангелие от этого разве менее изумительно? ... Наше духовенство ... никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. /

⁹ https://www.booksite.ru/localtxt/bro/dsk/ii/brodskii_i_a/sochineniya/37.htm [20.01.2025].

¹⁰ <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/740.htm> [20.01.2025].

Главное о человечестве озабочиться, все грехи как рукой снимет./ Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. ...положа руку на сердце, разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отчество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал¹¹.

Далее в письме (в фильме не озвучено) несколько слов о нашем «особом существовании»:

Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили... Наконец мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление¹².

Вот он весь Пушкин, вполне себе советский/постсоветский, а попросту русский человек: и нашим и вашим. «Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь как бы...». И тут же сигнал властям, как будто «они» подслушивают, мол, будь я «подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам», я бы, конечно, вас остановил. И о впечатлении статьи на публику ничего не могу сказать, я видите ли «нигде не бываю», ну а за перепост у нас теперь срок дают.

«Культура» — это система правил, воспитанных обычаями и религиозными обрядами, некий организующий каркас, на мордник, если хотите, надетый на стихию жизни, на человека — воплощение этой стихии. И надо признать, что все насильтственные попытки надеть на русских чужой и чуждый им культурный каркас, оказались неудачными. То, что обычно называют «великой русской культурой» (Толстой — Достоевский) есть достижения короткого периода с конца 18 века по начало 20-го, достижения, сами по себе замечательные, обусловленные крутым поворотом Руси на Запад, произведенным Петром Великим. Возможно, просуществуй эта культура еще столетие, она смогла бы окончательно определить суть «русскости», стать культурным каркасом России. Но в 1917 году

¹¹ Там же.

¹² Там же.

на волю вырвалась допетровская Русь и даже дохристианская, и вместе с нерусскими окраинами она разрушила эту «буржуазно-помещичью» Россию — произошла великая антизападная культурная контрреволюция. С народом произошла «антропологическая беда». И сегодня, как считает Александр Невзоров, у русской культуры «закончился срок годности», и она сегодня:

особенно бессмысленна, потому что языковая и мировоззренческая картина мира сменилась полностью. Вся русская литература имеет отчетливый, навязчивый, великодержавный подтекст с культом солдафонов¹³.

А тут и подоспела Вторая Украинская.

¹³ <http://www.snob.ru/profile/20736/blog/76791> [20.01.2025].

NOTY O AUTORACH

Valentina Brio / Валентина Брио — филолог, доктор гуманитарных наук, работает на кафедре русской и славянской филологии Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг: *Поэзия и поэтика города. Wilno—уןלִיַּה—Vilnius* (Москва 2008), *Польские музы на Святой Земле. Армия Андерса: место, время, культура (1942–1945)* (Москва–Иерусалим 2017), *На литературных перепутьях. Статьи разных лет* (Иерусалим 2024), и статей по истории польской, еврейской, русской литературы и культурных связей.

E-mail: brio@mail.huji.ac.il

Piotr Czerwiński — profesor w Instytucie Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego. Specjalista w dziedzinie semajzjologii, etnosemantyniki, etymologii, onomastyki, języka semantycznego tradycji folklorystycznej. Autor podręczników, słowników, monografii i kursów komputerowych. Jego zainteresowania naukowe obejmują szeroko rozumiany obszar powiązań języka i świadomości, w tym w takich sferach, jak: etnologia, lingwokulturologia, lingwokoncepcjologia, również w aspekcie konfrontatywnym i porównawczym. Dotyczy to: leksykologii, leksykografii, słowotwórstwa, stylistyki, onomazjologii, języka polityki, ideologii, środków masowego przekazu, poezji, literatury pięknej, współczesnego uzusu językowego, mówienia, myślenia, metodyki nauczania itp.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

Michał Dariusz Jamrozy — niezależny badacz, uzyskał tytuł magistra filologii rosyjskiej na Uniwersytecie Śląskim w Katowicach w 2024 roku. Jego zainteresowania badawcze koncentrują się przede wszystkim na rosyjskiej literaturze emigracyjnej XX wieku, ze szczególnym uwzględnieniem trzeciej fali emigracji. W centrum

badań znajdują się również zagadnienia tożsamości kulturowej i problematyka różnorodnych koncepcji literackich pisarzy tworzących poza dawnym Związkiem Sowieckim.

E-mail: m1jamrozy1@gmail.com

Bella Kolomakin / Белла Коломакин — кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: русско-израильская литература, фольклористика, аспекты преподавания теории и практики перевода с английского языка.

E-mail: estraykh@yahoo.com

Rina Lapidus — a renowned professor at the faculty of the Humanities in Bar-Ilan University, Tel-Aviv, Israel. She has authorized and edited 17 monographies and published 70 academic articles, in English, Russian, and Hebrew. She has been recently invited as a visiting professor to Harvard University, Yale University, and the Jewish Theological Seminary, New York.

E-mail: rlapidus2011@gmail.com

Eleonora Shafranskaya / Элеонора Шафранская — доктор филологических наук, профессор института русского языка Российского университета дружбы народов; научные интересы — современная литература, мифопоэтика, локальные и этнокультурные тексты; основные публикации: *Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика* (Москва 2020), *Транскультурная литература XXI века* (Москва 2024), *Современная литература. Виды искусства в литературном тексте* (Москва 2025).

E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Heidi M. Szpek — Ph.D., Professor Emerita of Religious Studies (Central Washington University, WA/USA) and currently serves as Vice-Chair, translator and historian for the Bialystok Cemetery Restoration Fund (www.bialystokcemeteryrestoration.org). After earning her doctorate in Hebrew and Semitic Studies from the University of Wisconsin-Madison, Dr. Szpek taught a wide range of courses related to Hebrew language and literature, Jewish culture and history as well as religious studies, in general, at universities and educational institutes in Wisconsin, Arizona and Washington. Her dissertation, *Translation Theory in the Peshitta to Job*, was honored with publication by the Society of Biblical Literature in 1991. Szpek's chance encounter with Bialystok's Bagnowka Cemetery in 2004, redirected her research interests to the Jewish

epitaph as both a literary and historical document. Her publications and conference presentations on the Jewish epitaph can be found on her website (www.jewishepitaphs.org).

E-mail: hszpek@gmail.com and szpekh@cwu.edu

Naum Vaiman / Наум Вайман — писатель, поэт, публицист, переводчик, исследователь творчества Осипа Мандельштама, опубликовал в ведущих изданиях десятки книг прозы, стихов и литературных исследований на русском, украинском и иврите, а также многочисленные статьи о творчестве Мандельштама (в том числе в академических изданиях «Вопросы литературы», «Новое Литературное Обозрение», «Russian Literature») о культуре и политике, а также интервью и рассказы на русском, английском, иврите, в израильских и российских изданиях.

E-mail: naumvaiman@gmail.com

Elīna Vasiljeva — Dr. philol. in literary studies, Professor of the Department of Language and Literature (Daugavpils University, Latvia). Author of more than 140 research publications. Specialist in the field of Russian literature, history and semiotics of the theater, intercultural relations. Research interests are primarily related to the research of the Jewish theme: more than 50 research papers published exactly on the Jewish theme, organization of Days of Solomon Mikhoels, development of the tourist route "Jewish Daugavpils". In 2017, the scientific monograph "Ebreju teksts latviešu literatūrā" ("Jewish Text in Latvian Literature") was published, in which the definition of "the Jewish text" as a research problem is presented and an appropriate research methodology is offered. The Jewish text as an object of research has been studied in a number of scientific projects: the Jewish text of Daugavpils as an object of cultural tourism, semiotics of the Jewish cemetery in Daugavpils. A series of international scientific conferences "The Jewish Text in European Culture" was held; after the conferences three collections of scientific articles "The Jewish Text in European Culture" were published. E. Vasiljeva has been and is the project leader of DU internal grant projects, one of the requirements of which is the involvement of students of Master and Doctoral study programmes. Currently she leads the project "Latgale Jewish Text: Soviet / Post-Soviet Segment".

E-mail: elina.vasiljeva@du.lv

Projekt okładki: Źmicer Šylo

Przygotowanie okładki do druku: Tomasz Kiełkowski

Redakcja: Mirosława Michalska-Suchanek (teksty rosyjskie), Agnieszka Plutecka (tekst polski),

Marzena Wysocka-Narewska (teksty angielskie)

Korekta: Marzena Marczyk (tekst polski), Mirosława Michalska-Suchanek (teksty rosyjskie),

Marzena Wysocka-Narewska (teksty angielskie)

Łamanie: Tomasz Kiełkowski

Wersją referencyjną czasopisma jest wersja elektroniczna, ukazująca się na platformie

www.journals.us.edu.pl

Czasopismo wcześniej ukazywało się w formie drukowanej

z identyfikatorem ISSN 2657-4861.

Czasopismo dystrybuowane bezpłatnie.

Wydawca:

Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice

e-mail: wydawnictwo@us.edu.pl

www.wydawnictwo.us.edu.pl

Ark. druk. 8,75. Ark. wyd. 9,0

W numerze m.in.

ELINA VASILJEVA

Solomon Mikhoels in memoirs: Aaron Steinberg – Khaim Vovsi

BELLA KOLOMAKIN

Свообразие речевых характеристик персонажей романа

Некода Зингера *Билеты в кассе. Биоавтография*

ELEONORA SHAFRANSKAYA

Роман *Зеленый шатер* Людмилы Улицкой:

Суккот как скрытый символ в сюжете

MICHAŁ DARIUSZ JAMROZY

Zinowij Zinik — aspekt kulturowy emigracji w powieści *Grzybowstąpienie*

PIOTR Czerwiński

Конармия Исаака Бабеля: еврейские контексты

HEIDI M. SZPEK

“From Bialystok to Kishinev”: The Dubnow grave inscriptions
and their significance for Russian Jewish historiography and cemetery studies

Więcej o książce

Egzemplarz bezpłatny

ISSN 2657-8352

44

9 772657 835403

